

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
JOURNAL

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 2 • 2023

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжская Т.Ю. (отв. секретарь)**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Захаров В.В.**, д.ф.н., зав. кафедрой немецкого языка и культуры; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженессо (США); **Роберт Илсон (Robert Ison)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, зам. декана по учебной работе; **Роланд Сассекс (Roland (Roly) Sussex)**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Ян Кэ (Yan Ke)**, Ин-т европейских языков и культуры Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации №016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 02.06.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 11,25. Тираж 110 экз.
Изд. №12361. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Лингвокогнитивные исследования текста / дискурса

- Молчанова Г.Г.* Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта 9

Лингвистика и уровни языка

- Богданова Л.И.* Человек в зеркале зооморфной метафоры 24
Бубнова Г.И. Внешнее сандхи во французском речевом потоке: теория и практика описания *enchaînement* и *liaison* 41

Регионоведческие исследования и ареальное варьирование языков и культур

- Загрязкина Т.Ю.* Процессы ареального варьирования романских языков и культур (на примере франкоязычного пространства) . . . 56
Шевлякова Д.А. Принципы номинации итальянских вин в начале XXI в. 68

Теория и практика обучения иностранным языкам и РКИ

- Павловская А.В.* Место и роль иностранных языков в русской культуре 79

Вопросы лексикологии и лексикографии

- Комарова А.И., Окс И.Ю.* Создание глоссария глагольных словосочетаний географического ESP: теория и практика 92
Едличко А.И. Немецкий язык в Люксембурге: лексикографическая кодификация национального стандарта 108
Манченкова А.И. Функциональные особенности оперного ономастикона (на материале либретто оперы “The Sorcerer” У. Гилберта и А. Салливана) 121

Язык и межкультурная коммуникация

- Афинская З.Н.* К проблеме интеграции межкультурного пространства (на материале русского и французского языков) 128
- Касаткин М.Л.* Персуазивный потенциал прецедентных высказываний в риторическом дискурсе пандемии коронавируса (на материале немецкоязычных СМИ) 137
- Соловьева Ю.О.* Адресант как детерминирующий фактор выбора коммуникативных стратегий в современном научно-популярном юридическом дискурсе 147

Перевод и переводческие исследования

- Синь На.* Переводоведческие исследования в Китае (2001–2020 гг.): визуализация на основе программы VOSviewer 159
- Ян Шичжан, Хань Цянь.* Распространение теории перевода проф. В.Н. Комиссарова в Китае 177
- Михайловская М.В.* Выбор стратегии при передаче идеологем в синхронном переводе американского политического дискурса . . 190

CONTENTS

Linguocognitive Studies of Text / Discourse

- Molchanova G.G.* Sense-Creating Role of Cognitive Metaphor in Text /
Discourse Analysis 9

Linguistics and Levels of Language

- Bogdanova L.I.* Man as reflected in the zoomorphic metaphor 24
Bubnova G.I. External Sandhi in the French Speech Stream: Theory and
Practice of *Enchaînement* and *Liaison* Description 41

Area Studies and Areal Variation of Languages and Cultures

- Zagryazkina T.Yu.* Processes of areal variation of Romance languages
and cultures (on the example of the French-speaking space) 56
Shevliakova D.A. Principles of Naming Italian Wines in the 21st Century 68

Theory and Practice of Foreign Language Teaching and Russian as a Foreign Language

- Pavlovskaya A.V.* The Role and Place of Foreign Languages in Russian
Culture 79

Issues of Lexicology and Lexicography

- Komarova A.I., Oks I.Ju.* Creating a Combinatory Glossary of Geography
ESP Verbs: Theory and Practice 92
Edlichko A.I. German in Luxembourg: Lexicographic Codification of
National Standard 108
Manchenkova A.A. Functions of Proper Names and Their Particular
Features: a Study of “The Sorcerer” by William Gilbert and Arthur
Sullivan 121

Language and Intercultural Communication

<i>Afinskaya Z.N.</i> On the Problem of Integration of Intercultural Space (Based on the Material of the Russian and French Languages)	128
<i>Kasatkin M.L.</i> Persuasive Potential of Precedent Statements in the Rhetorical Discourse of the Coronavirus Disease Pandemic (in German-Language Media)	137
<i>Solovyeva Yu.O.</i> Addresser as a Factor Determining the Choice of Communication Strategies in Contemporary Popular Science Legal Discourse	147

Translation and Translation Studies

<i>Xin Na.</i> Translation Studies in China (2001–2020) Through VOSviewer	159
<i>Yang Shizhang, Han Qian.</i> The development of prof. V.N. Komissarov's translation theory in China	177
<i>Mikhailovskaia M.V.</i> Determining the Strategy for Rendering Ideologically-Bound Units in Simultaneous Interpretation of the American Political Discourse	190

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА / ДИСКУРСА

Г.Г. Молчанова

СМЫСЛОПРЕОБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МЕТАФОРЫ В КОНТЕКСТЕ РАДИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ КОНЦЕПТА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; dean@ffl.msu.ru*

Аннотация: В статье ставится вопрос о необходимости приращения обще-гуманитарного знания в университетском образовании в целом и о той роли, которую играют лингвокогнитивные методы в современных исследованиях. Концептуальному, фреймо-слотовому, компонентному анализу подвергается заглавный вербализованный концепт новеллы Рея Бредбери “*Embroidery*” («*Рукоделие*») в его метафорической экспансии как скрытый код литературной коммуникации. Исследование смыслообразующей и преобразующей роли заглавной метафоры в организации концептосферы художественного текста/дискурса проводится при посредстве анализа многочисленных примеров, что доказательно приводит к выводу: выбор фрейма навязывается когнитивной метафорой, которая влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Подтверждается значимость лингвокогнитивных методов для исследования концептуального пространства и семантической сферы текста, поскольку, объединяя языковую и внеязыковую действительность посредством отражения человеческого знания и опыта, она представляет реальную возможность постижения способов осмысления мира человеком и расширяет его обще-гуманитарные компетенции.

Ключевые слова: когнитивная метафора; фреймо-слотовый анализ; компонентный анализ; рефрейминг; домен-источник (донор); домен-цель (мишень); блендинг; вектор ассоциаций; ментальное пространство

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-01

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; dean@ffl.msu.ru

Для цитирования: Молчанова Г.Г. Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 9–23.

Нельзя не отметить, что в последнее время в лингвистике наблюдается тенденция игнорирования и даже избегания применения лингвокогнитивных методов. Возможно, это естественная реакция на превращение концептологии в концептоманию, на стремительное расширение круга изучаемых концептов, проводимое как дань научной моде и не всегда качественно. Действительно, избыточность, приводящая к энтропии, усугубляемая отсутствием единой трактовки центрального объекта, неопределенностью и нечеткостью процедуры концептуального анализа, противоречивостью и дефиниционной расплывчатостью основных рабочих терминов закономерно вызывает вопросы: не является ли замена старых добрых методов на новую когнитивную терминологию — концепт, фрейм, слот и т.п. — просто данью новому тренду? Ответ — нет, не является. Да, они приемлемы и необходимы. Нельзя не признать наличия объективных оснований для такой явной востребованности когнитивистики, ее аппарата и методов, в гуманитарных науках. Наиболее существенное основание для этого — расширение горизонтов, открывающихся перед исследователями смежных гуманитарных наук. Когнитивные и концептологические исследования по самой своей сути направлены на расширение общегуманитарного знания и, как справедливо отмечала Е.С. Кубрякова, «в ходе этих исследований цели лингвистики приобрели более масштабный характер. Сведения о языке стали рассматриваться как неотъемлемый и органический компонент при анализе *восприятия, памяти, внимания, мышления* и т.д. В ходе этих когнитивных исследований рождались и новые представления о языке и языковых данных как о средстве доступа к работе человеческого сознания, а в значительной степени и к пониманию всей природы и сущности человека» [Кубрякова, 2004: 26]. Использование когнитивистики, ее аппарата и методов в целях решения межкультурной проблематики представляется сегодня непреложным фактором. Если работа выполнена качественно, то наука пополняется новым проанализированным фактическим материалом, рассмотренным не псевдонаучно, а серьезно, аргументировано, с использованием современных достижений в области фреймо-слотового моделирования, когнитивных конструкторов, концептуального анализа, покрывающих одновременно пограничные предметные области [см., например: Болдырев, 2021; Демьянков, 2021; Ирисханова, 2021 и др.]. Тем самым повышается *объяснительная мощность* выполненных работ, их *научная достоверность* и

возможность верификации. Лингвоконцептология превратилась в один из основных методов приращения общегуманитарного знания, располагая широким инвентарем методологических процедур исследования, используя различные методики, включая концептуальный анализ, фреймо-слотовый подход, теорию концептуальной метафоры, т.д., способствуя растущему интересу к полимодальности коммуникации, меж- или интеркультурной, учитывая при этом спектр разнообразных коммуникативных средств, используемых коммуникантами как вербальных, так и менее исследованных невербальных (жест, позы, интонация, тембр, цвет, запах, вкус, пространство, время, телодвижения и пр.), а также разность их вклада, вносимого в процесс коммуникации [Молчанова, 2014]. Новая модель порождения знания, в отличие от традиционной, узкоспециальной, гомогенной, иерархической и определяемой, как правило, академическим сообществом, междисциплинарна, генерируется в прикладном аспекте и не укладывается в конвенциональные дисциплинарные схемы. Эта модель гетерогенна — она требует широкий спектр навыков и умений и вовлекает разнообразные формы передачи знаний. По своей сути новая модель знания является поликодовой и вовлекает такие типы знания, как визуальное, аудиальное, синестетическое и т.п. В отличие от традиционной, она имеет гетероархическую структуру, т.е. подвержена изменениям и не следует заранее определенной системе организации знания. *Цель статьи* — вскрыть основные познавательные механизмы в сознании человека, ведущие к преобразованию устойчивых глубинных концептов. *Задача* — показать, что их семантическое наполнение как смыслов мировоззренческих универсалий, в которых фиксируются ценностные доминанты, обеспечивающие понимание мира и человека, могут меняться в зависимости от того, какие изменения сознания и стереотипов происходят в переломные периоды под влиянием внешних факторов. В разработке алгоритма пошагового концептуального анализа использовалась прототипическая категоризация. Прототип рассматривается как ментальная репрезентация или когнитивный ориентир («лучший представитель») категории. «Степень членства в категории для других сущностей определяется степенью их подобия прототипу» [Лакофф, 2004: 188]. Наиболее прототипические категории Лакофф называет «радиальными». В радиальной структуре можно выделить центральный случай (наиболее типичный) и его конвенциональные разновидности. «Нецентральные члены образуют расширения кластерных признаков, которые не могут быть предсказаны, но являются прагматически ориентированными. Радиальная структура — это структура, где есть центральный случай и его конвенциональные разновидности, которые не могут быть

выведены из центрального по общему правилу» [Лакофф, 2004: 119]. Центральная субкатегория определяется через кластер сходящихся когнитивных моделей, нецентральные, не будучи ее вариантами, вступают как *конвенциональные расширения* и могут рассматриваться автономно. Однако, несмотря на определенную самостоятельность периферийных субкатегорий, они не являются случайными, их следует считать мотивированными центральной моделью. «Концепты базового уровня» составляют тот уровень, на котором один ментальный образ (концепт) отражает всю категорию в целом. Концепты базового уровня легче изучать, запоминать, использовать. Они являются концептами, которые более явно связаны с действительностью, они «более богаты в информационном отношении и в отношении конвенциональной образности» [Лакофф, 2004: 525]. Концепты базового уровня определяются тем, «как мы взаимодействуем с миром, обладая телом, когнитивной организацией и нашими культурно-предопределенными целями» [Лакофф, 2004: 134]. Помимо прототипической и/или в дополнение к ней существует еще и *экземплярная, или экспертная*, категоризация: категоризируя новые примеры, люди часто используют не прототипы, а конкретные образцы, доступные им в опыте. «Эпизодическая память в комбинации с восприятием способны сохранять конкретные примеры категорий, по которым и определяется возможная категориальная принадлежность других объектов [Лакофф, 2004: 38]. Конкретные примеры несут максимум информации, которую можно использовать для решения конкретных задач. Экспериментальные доказательства экземплярной категоризации были получены канадским психологом Ли Бруксом. Прототипическая и экземплярная категоризации имеют дело с разными формами репрезентации знаний. Так, Джадд и Парк считают, что люди используют и прототипическую, и экземплярную категоризации для определения групповой принадлежности, но только экземплярную для определения аутгруппы (чужих, не своих) [Judd, Park, 1988: 778–788]. Другие считают, что прототип является ведущим при первичной оценке объекта, общей ориентировки в происходящем, экземпляры же включаются в познавательный процесс при углубленной ориентировке или недостаточности представленной в прототипе информации для решения поставленной задачи [Режабек, Филатова, 2009: 160]. В связи с этим представляется логичным на первоначальном этапе пошагового концептуального анализа выявлять ядро (центр) и периферию (прототипическая категоризация), а на углубленном этапе — экземплярную выявляющую индивидуальные импликации на основе фрагментов жизненного опыта или по художественным и медиатекстам.

Исходя из этого, в статье на материале новеллы Р. Бредбери “*Embroidery*” («*Рукоделие*») рассматривается когнитивная метафора как смыслопреобразующий спусковой механизм, основанный на сопоставлении несопоставимых концептов в художественном тексте. Впервые концептуальному анализу подвергается насыщенный пласт глубинных смыслов этой новеллы, в центре которой — концепт *Embroidery* («*Рукоделие*») в его периферийном, метафорическом расширении смысла.

Метафора как носитель стереотипа и проявление творчества — бесценный источник и инструмент представления и структурирования информации, источник понимания ментальных процессов в языке и способ формирования нового знания, основанного на накопленном опыте. Под метафорой издавна понимается *аналогия по сходству* между свойствами ее семантических референтов, и это естественно, но — также и *несходство* между ними, поскольку метафора должна порождать некоторый новый смысл, новое знание. Человеческий разум сопоставляет несопоставимые семантические концепты, что и является причиной возникновения метафоры. Эта теория — версия интеракционной теории (*interaction view*) Макса Блэка, рассматривающего метафору как результат некоего когнитивного процесса, который соплагает два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой является эмоциональное ощущение. Концептуальный процесс, порождающий метафору, распознает как сходные те свойства референтов, на которых основывается аналогия, так и несходные, на которых строится семантическая аномалия. «Степень сходства и несходства определяет истинное значение метафоры. В этом соединении и кроется тайна метафоры» [Блэк, 1993: 163]. Поскольку «метафора — силки для мышления» [Аристотель, 1976], то, нарушая автоматизм восприятия, она заставляет задуматься, создавая проблемную ситуацию в языковой ткани текста, «напрягая» адресата и требуя применения неких когнитивных операций по восстановлению или реконструкции тех полных структур знания, сокращенными или моделированными аналогами которых она служит. В работе концептуальному фреймо-слововому анализу подвергается концепт в его метафорической экспансии как скрытый код литературной коммуникации. Анализ многочисленных примеров доказательно приводит к выводу: выбор фрейма навязывается когнитивной метафорой, которая влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Она регулярно используется автором для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и скрытой реализации кода авторского художественного замысла. Слова служат не только для воспроизведения нашего опыта. Чаще они помещают его в свое-

образную психологическую рамку — фрейм, который понимается как структура, способ представления и хранения знаний, в которой одни аспекты выдвигаются на передний план, а другие служат им фоном, устанавливая, таким образом, рамки и ограничения при взаимодействии человека с окружающим миром. Подобный тип фрейма может существенным образом повлиять на то, как мы интерпретируем конкретные явления и ситуации и реагируем на них, поскольку он выполняет роль когнитивного контекста, «расставляя акценты» и направляя наше внимание. Фреймы придают большую продуктивность взаимодействию, так определяют, какая информация и какие темы соответствуют или не соответствуют цели. Фрейм формируется клише/штампами сознания на основе пучка слотов — подструктур фрейма, представляющих определенные типы информации, релевантные для описываемого ситуативного фрагмента действительности на основе предсказуемых валентных связей, векторов направленных ассоциаций. Чем больше слотов задействовано, чем больше ассоциативных связей установлено, тем эффективнее достижение конечного результата [Мински, 1988]. При задействовании одного из элементов (терминалов) фрейма активизируются все элементы, но для актуализации выбирается какой-то один из них. Таким образом, в ментальном пространстве адресата фрейм действует как новый фрагмент ментального мира и изменяет старые, а также формирует новые межфреймовые связи на основе этнокультурной специфики слотов и терминалов. В когнитивном аспекте выявленные неосознанные мотивы превращаются в аргументы на основе когнитивных техник рефрейминга, предполагающего или смену контекста, или изменение отношения к самому объекту. В результате происходит *рефрейминг* или *смена фрейма*, т.е. помещение какого-либо образа в новый фрейм, в новый национально-культурный контекст, позволяющий адресату находить новые решения, влияющие на переживания и интерпретацию ситуации [Молчанова, 2007]. Обратимся к концептуальному анализу текста. При помощи наиболее авторитетных лексикографических источников определим общеупотребительные вербализаторы *ядра* концепта. Прототипическое значение ядра охватывает только самые типичные и частотные употребления. Но они не случайны и не произвольны — все значения слова *Embroidery* связаны между собой, так что каждое значение может породить одно или несколько новых, в конечном счете они образуют цепь (*chain*) или сеть (*network*) значений данной языковой единицы. *Embroidery* — ядро: соотнесем наиболее употребительные профили концепта *Embroidery* с примерами из текста. Поскольку «выбор донорского домена всегда мотивирован» [Lakoff, Johnson, 1980], в ядерную зону вносится

инвариантное по отношению к *embroidery* значение *вышивание, рукоделие*. В когнитивной лингвистике введение инварианта, как и прототипа, считается допустимым, так как «инвариант может существовать в сознании носителя, облегчая ему восприятие концепта» [Langacker, 1991: 3]. Согласно инвариантной теории организации знания у всякой языковой единицы значение одно, но инвариант, как и прототип, не покрывает всего разнообразия употреблений данного концепта, которое в зависимости от контекста и динамики дискурса может значительно трансформироваться. Одной из важнейших задач когнитивной семантики признается описание *типов* или *способов* перехода от одного значения к другому; делается это на материале разных языков и разных культур в предположении, что здесь действуют общие семантические механизмы. Это особенно характерно для дискурсов «переоценки ценностей», к которым и принадлежит *Embroidery*. Далее обратимся к далекой периферии концепта *embroidery*, допуская, что периферия концепта, в отличие от его ядра, основана не на прототипической, а скорее, на экземплярной, или экспертной, т.е. основанной на опыте, категоризации. По Хокинзу [Hawkins, 1988], в теории когнитивной семантики предлагается обобщающая модель «мостов» между разными типами употреблений: различаются не категории, а ядра категорий. Однако у каждого ядра прототипа есть периферия, и тут никакой «старый» аппарат не работает, потому что чем дальше от ядра, тем сложнее и на первый взгляд запутанней набор признаков, характерных для данной языковой единицы. Например, она может характеризоваться признаком, входящим в «ядро» совсем другой категории, а со «своей», наоборот, почти ничего не иметь общего — но это, по мнению Хокинза, не повод, чтобы переводить ее в другую категорию, а доказательство, что данный аппарат в области периферии не работает. Все вербализации концепта *embroidery* в тексте как-то связаны между собой, и их набор не случаен. Периферия опирается, скорее, на принцип аналогии, который базируется на боковом смещении, на отношении *расширения значения* (т.е., фактически, метафорического переноса). Остановимся на этом подробнее. По Аристотелю, обычные слова передают то, что мы уже знаем, но метафора — лучший способ познать что-то свежее [Аристотель, 1976]. «Язык воображения, особенно метафора, необходим для выражения уникальных и глубоко персонально значимых аспектов нашего опыта. Она позволяет постичь такого личного понимания общеупотребительных значений, какого не могут дать просто слова» [Lakoff, Johnson, 1980: 188]. Дж. Лакофф выдвигает *гипотезу устойчивости* метафоры (*invariance hypothesis*): если концепт некоторой языковой единицы сравнивается с другим и этот другой становится

в языке конвенциализованным источником метафоры для данной языковой единицы, то этот источник диктует языковой единице не отдельные употребления, а целиком свою, так сказать, когнитивную топологию. Принцип аналогии в данном случае действует следующим образом: некоторый семантический признак оказывается *доменом-источником* (*donor domain*), т.е. он «внедряет» (*embodies*) в целевой домен (*target domain*) дополнительные элементы. В свою очередь, такие производные, или, как их называет Хокинз, *зависимые* (*dependent*) употребления, могут образовывать своеобразные периферийные центры, так что их семантические признаки могут затем служить доменом-источником для следующих зависимых элементов.

Так, после ядерной характеристики вербализованного концепта *embroidery* в прототипическом, инвариантном значении *вышивка, рукоделие* на периферии концепта прозвучит первый тревожный сигнал: доменом-донором здесь служит синоним *embroidery-handiwork* — в негативном его значении — *This is their handiwork* — *это их рук дело*, что мгновенно вызывает тревожные ассоциации. Так концептуализируется начало катастрофы. Из донорской зоны *embroidery* (*частота употребления* — *26 на трех страницах рассказа*), уже с некоторой настороженностью, внедряется профиль концепта *This is their handiwork* — *т.е. именно этих трех странных женщин*. Затем *hand* (18) из *handiwork* становится периферийным центром и донором-источником для производных от него *fingers* (8), *arms* (2), *at hand* (1). Из донорской зоны *embroidery* (26) источником для производных от него становятся периферийные центры *thread* (4), *pattern* (3), *design* (3), *needle* (3), *to sew* (2), *yarn* (2), *fiber* (1), *material* (1), *to rip out* (1), употребляемые пока в прямом словарном прототипическом значении в семантическом поле сходных с вербализованным концептом *embroidery* единиц (*handiwork*, *hands* (18), *fingers* (8), *arms* (2), *at hand* (1), *thread* (4), *pattern* (3), *design* (3), *needle* (3), *to sew* (2), *yarn* (2), *fiber* (1), *material* (1), *to rip out* (1)), но все более отходящих от него в сторону переносного метафорического смещения.

Представляется уместным, поскольку далее затрагиваются проблемы семантической структуры слова, прибегнуть к методике старого, но не потерявшего актуальности и доказательной силы компонентного анализа, предполагающего разложимость сопоставляемых единиц на частью общие, частью различные элементы — *семь*: родовые, видовые, интегральные, дифференциальные, потенциальные, скрытые. С помощью этого метода анализируются интегральные и дифференциальные компоненты значения и, в конечном счете, степень их соотносительности. Известно, что компонентный анализ воплотил в практике лингвистических исследований

принципы логического атомизма Людвиг Витгенштейна и Бертра-на Рассела [Рассел, 1999]. Компонентный анализ постулирует адди-тивность значения — его полную выводимость из суммы своих компонентов. Таким образом, в терминах формальной семантики значение лексемы является теоретико-множественной функцией ее смысловых компонентов [Лайонз, 2003: 126]. Под методом компо-нентного анализа Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс понимали «разло-жение семантической структуры единиц лексического, морфологи-ческого и синтаксического уровней на мельчайшие семантические элементы — *семы*» [Гулыга, Шендельс, 1976: 312]. О.Н. Селиверсто-ва трактует его более системно, как «процедуру расщепления зна-чения на составные части, вычленение которых обусловлено соот-ношением элементов внутри отдельного значения, так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц» [Селиверстова, 1982]. Дж. Лайонз подчеркивает, что метод компонентного анализа позволяет увидеть не только системность в анализируемом значении, но и зависимость этого значения от всех остальных элементов лексико-семантической системы. Тем самым подкрепляется положение, согласно которому «словарь представ-ляет собой не простое скопление лексических единиц, а некоторым образом организованное единство, элементы которого (слова и их отдельные значения) взаимосвязаны и взаимообусловлены» [Кузне-цов, 1986: 14]. Предполагается, что получаемые таким образом элементы по своим качественно-количественным характеристикам должны быть не только необходимыми, но и достаточными для от-граничения от других значений данного слова или от значений других слов.

Обратимся к конкретной процедуре компонентного анализа с целью выявления в данном семантическом поле вербализованного концепта *embroidery* соответствующих интегративных, дифферен-циальных, скрытых и потенциальных сем, способствующих раз-гадке кода, заданного автором. Понятно, что употребление *embroidery* 26 раз на трех страницах короткого рассказа, а сходных единиц того же семантического поля — более 60, не может быть вызвано скудостью авторского лексикона или недостатком фантазии, памятуя, что речь идет о Рее Бредбери — великом мастере художе-ственного слова и гении фантастики. Значит, это сделано намерен-но, в расчете на читателя-сообщника, играющего с ним в одну и ту же игру. Сюжет рассказа, на первый взгляд, ординарен. Три женщи-ны теплым летним вечером занимаются вышиванием — *рукодели-ем* — на веранде и говорят поначалу, казалось бы, о повседневных обыденных мелочах. Развитие нарратива можно структурировано

представить в виде последовательного введения *ментальных входных пространств* (*input spaces*):

Input space 1: Счастье повседневной обыденной жизни: “*Three women’s mouths twitched over their work. The 3rd woman embroidered a rose, a leaf, a daisy on a green field... The 2nd woman was working on the finest, most delicate piece of embroidery of them all... A flower, a man, a road, a sun, a house; the scene grew under her hand. Each woman looked at her own hands, as if suddenly she had found her heart beating there*”.

Input space 2: Три женщины ведали о назревающей катастрофе: “*No supper to fix tonight or tomorrow night or the next night after that, — said the 1st lady. — No windows to open or shut. — No coal to shovel in the basement furnace next winter. — No papers to clip cooking articles out of, and suddenly they were crying*”.

Input space 3: Начало конца. “Something wrong”: “*Now look what I’ve done! — cried the 2nd lady, exasperated ... She held her embroidery. There was a scene, perfect except that while the embroidered yellow sun shone down the embroidered green field, and the embroidered brown road curved down an embroidered pink house, the man standing on the road had something wrong with his face*”.

Input space 4: Крушение мира от рук человека: “*It seems at times like this that it’s always your hands you turn to*”, she said. — “*I believe*”, said the 1st lady, “*that our souls are in our hands. For we do everything in the world with our hands. Sometimes I think we don’t use our hands half enough; it’s certain we don’t use our heads. the man standing on the road had something wrong with his face. — I’ll just have to rip out the whole pattern, practically, to fix it right*”, — said the 2nd lady. She began to pick away at the thread with her little deft scissors flashing. *The pattern came out thread by thread. She pulled and yanked, almost viciously. The man’s face was gone. She continued to seize at the threads... The man was gone from the road. She had taken him out entirely. They said nothing but returned to their own tasks*”.

Input space 5: Апокалипсис. “*The 2nd woman began to relax... But she hadn’t time even to lift her head. Somewhere she saw the world brighten and catch fire. She kept her head down, for she knew what it was... They were only staring down at the design in their flickering hands. The 2nd woman watched an embroidered flower go. She watched a fire, in slow motion almost, catch upon the embroidered house and unshingle it, and pull each threaded leaf from the small green tree in the hoop, and she saw the sun itself put apart in the design. Then the fire caught upon the moving point of the needle while still it flashed she*

watched the fire come along her fingers and arms and body, untwisting the yarn of her being so painstakingly that she could see it in all its devilish beauty, yanking out the pattern from the material at hand. What it was doing to the other women or to the furniture or the elm tree in the yard, she never knew. For now, yes, now! It was plucking at the white embroidery of her flesh, the pink thread of her cheeks, and at last it found her heart, a soft red rose sewn with fire, and it burned the fresh, embroidered petals away, one by delicate one...”

[Bradbury, 1979: 91–92]

Сопоставление несопоставимого порождает *Blending* метафорических концептов: *Ткань вышивки* (*the embroidery, material at hand*) vs *Ткань тела* (*the yarn of her being*) = *the white embroidery of her flesh*. Настойчивый повтор *Embroidery* — *Рукоделие, Дело Рук человеческих*.

По отношению к домену цели *Embroidery* становится еще нагляднее, что донором-источником нового профиля этого концепта служат те же внедренные зависимые топологические компоненты, каждый из которых проявляется уже не в прямом, а в периферийном, метафорическом значении:

thread (4) 1) нитка, жила 5) нить жизни (*the thread of life*)

pattern (3) 6) структура, форма, строение 8) pattern bombing — групповая бомбардировка

design (3) 1) замысел, план 2) злой умысел (*criminal design*) 3) эскиз

yarn (2) 1) пряжа, нить 2) небылица, выдумка, сказка, длинная история

fiber (1) 1) волокно, нить 4) muscle fiber, fibers of a nerve

material (1) 1) ткань, материя 2) телесный, плотский

flesh — 1) тело, мясо; 4) плоть и кровь, живой человек

hand (18) — твердая рука, контроль, власть.

at hand (1) — close by, about to happen soon [COD, 546–547].

В целом, порождая новый метафорический смысл заглавия рассказа: *Embroidery* — *handiwork*, «это их рук дело», трех ведьм-парок, злобных вешуний из древних мифов, контролируемых (*handed*) и направляемых злым замыслом (*design*) по плану (*pattern*), чтобы разрушить ткань (*fiber, thread, material, yarn*) живого, теплого человеческого тела (*flesh*) и прервать нить жизни (*the thread of life*) на прекрасной, цветущей земле. Особый колорит тексту придает культуроспецифическая периферия обильной интертекстуальности, высвечивающая или затушевывающая, усиливающая или ослабляющая прагматический эффект оригинала (перевод названия — *Ру-*

коделии, — высвечивающая русская метафора в сильной позиции заголовка текста). В ходе взаимодействия ментальных пространств эти элементы соотносятся друг с другом и активизируются, а нерелевантные элементы не высвечиваются, оставаясь вне зоны внимания. Связь с древним мифом поддерживается за счет большого количества интертекстуальных включений, отсылок и текстовых аллюзий.

Таким образом, исследование смыслопреобразующей роли заглавной метафоры в организации концептосферы художественного текста/дискурса, проводимое при помощи лингвокогнитивных методов анализа, доказательно приводит к выводу: выбор фрейма навязывается когнитивной метафорой, которая влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Она регулярно используется автором для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и скрытой реализации кода авторского художественного замысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 1: Риторика. М., 1976.
2. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1993.
3. *Болдырев Н.Н.* Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
4. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
5. *Демьянков В.З.* Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое *highly likely*? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 70–81.
6. *Ирисханова О.К.* Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 29–39.
7. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. М., 2003.
8. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004. С. 188.
9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004. С. 506.
10. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
11. *Мински М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
12. *Молчанова Г.Г.* Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М., 2007.
13. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации. М., 2014.
14. *Рассел Б.* Исследование значения и истины. М., 1999.
15. *Режабек Е.А., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. СПб., 2009.
16. *Селиверстова О.Н.* Труды по семантике. М., 1982.
17. *Bradbury R.* Embroidery // The Golden Apples of the Sun. N.Y., 1979. P. 90–94.
18. *Judd C.M., Park B.* Out-group homogeneity. L., 1988. P. 778–788.
19. *Hawkins B.* The natural category medium: An alternative to selection restrictions and similar constructions / Rudzka-Ostyn (ed.) Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam, 1988.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago & London, 1980. P. 242.
21. Langacker R. *Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin; N.Y., 1991.
22. Turner M., Fauconnie G. *Polysemy and Conceptual Blending // Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin; N.Y., 2003.
23. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 4th ed. Oxford, 1986.

Galina G. Molchanova

SENSE-CREATING ROLE OF COGNITIVE METAPHOR IN TEXT/DISCOURSE ANALYSIS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dean@ffl.msu.ru

Abstract: The purpose of the paper is to point out some theoretical problems concerning the role of cognitive methods in linguistics, and in the widening the humanitarian competence in general. The paper focuses on the investigation of the cognitive metaphor as a sense-creating device in the literary discourse, using cognitive, conceptual, frame/slot analyses with the elements of the component analysis. The author investigates R. Bradbury's "*Embroidery*" in close connection with the metaphorical transfer of meaning and draws the conclusion that this approach opens new facets of conceptualization. The cognitive aspects of a literary text are analyzed, its deep intertextuality and ability to generate the new texts is established, the chain links are constructed. Such approach gives a new impetus to outlining the ways of its possible role in derivational text history. Much attention is paid to the intertextual inclusions, specifically emphasizing their role in changing and reframing the readers' cognitive system. Furthermore, the paper shows the movement along the multiple ways of creating sense, ensures unlimited possibilities for literary and linguistic sense revealing.

Key words: cognitive metaphor; donor domain; target domain; frame/slot analysis; conceptual analysis; component analysis; reframing; vector of associations; blending; input spaces

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Molchanova G.G. (2023) Sense-creating role of cognitive metaphor in text/discourse analysis. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2(26), pp. 9–23. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Galina G. Molchanova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; dean@ffl.msu.ru

REFERENCES

1. Aristotel'. 1976. Soch. v 4 t. T. 1. *Ritorika*. [Rhetoric]. M. (In Russ.)
2. Blek M. 1993. *Metafora* [Metaphore]. Teoriia metafory. M. (In Russ.)
3. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i iazyke [The phenomenon of productivity in culture and language]. *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no 2, pp. 57–69. (In Russ.)
4. Gulyga E.V., Shendel's E.I. 1976. *O komponentnom analize znachimyykh edinitz iazyka* [On the component analysis of significant language units]. Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. M. (In Russ.)
5. Dem'iankov V.Z. 2021. Ob usvoenii nerodnogo iazyka i korpusnoi lingvistike: chto takoe highly likely? [On non-native language acquisition and corpus linguistics: what is “highly likely”?]. *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova. Ser. 19 Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2, pp. 70–81. (In Russ.)
6. Iriskhanova O.K. 2021. Proiavleniia kross-modal'noi ikonichnosti v raznykh tipakh diskursa [Cross-modal iconicity in various types of discourse]. *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova. Ser. 19 Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2, pp. 29–39. (In Russ.)
7. Laionz Dzh. 2003. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russ.)
8. Lakoff Dzh. 2004. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [Women, fire and dangerous things]. M., p. 188. (In Russ.)
9. Kubriakova E.S. 2004. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge]. M.: IIA RAN, p. 506. (In Russ.)
10. Kuznetsov A.M. 1986. *Ot komponentnogo analiza k komponentnomu sintezu* [From component analysis to component synthesis]. M.: Nauka. (In Russ.)
11. Minski M. 1988. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Wit and logic of the cognitive unconscious]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 23. M. (In Russ.)
12. Molchanova G.G. 2007. *Angliiskii kak nerodnoi: iazyk, stil', kul'tura, kommunikatsii: verbalika i neverbalika* [English as a second language: language, style, culture, communication: verbal and non-verbal]. M.: OLMA-Media Press. (In Russ.)
13. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Cognitive polycodeness of intercultural communication]. M.: OLMA-Media Press. (In Russ.)
14. Rassel B. 1999. *Issledovanie znachenii i istiny* [A study of meaning and truth]. M.: Ideia-Press. (In Russ.)
15. Rezhabek E.A., Filatova A.A. 2009. *Kognitivnaya kul'turologiya* [Cognitive cultural studies]. SPb. (In Russ.)
16. Seliverstova O.N. 1982. *Trudy po semantike* [Semantics Studies]. M.; Yazyki slavianskoi kul'tury. (In Russ.)
17. Bradbury R. 1979. *Embroidery. The Golden Apples of the Sun*. N.Y.: Bantam Book Edition. P. 90–94.
18. Judd C.M., Park B. 1988. *Out-group homogeneity*, London, pp. 778–788.
19. *Hawkins B.* 1988. The natural category medium: An alternative to selection restrictions and similar constructions. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins.
20. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago & London: The University of Chicago Press, pp. 242.
21. Langacker R. 1991. *Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter.

22. Turner M., Fauconnie G. 2003. Polysemy and Conceptual Blending. *Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin, N.Y.
23. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 4th ed. 1986. Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 18.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 18.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Л.И. Богданова

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; libogdanova1@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается когнитивная сущность зооморфной метафоры и ее национально-культурное своеобразие в русском языке. Исследование выполнено на материале словарей и текстовых корпусов русского языка. Цель статьи — изучить зооморфизмы и их словарные и текстовые реализации, чтобы на основе анализа определить, какая культурная информация не полностью отражается в толковых словарях. В ходе исследования было установлено, что названия животных, представляющие в русском языке культурные эталоны, в основном фиксируют отрицательные черты характера человека и его внешности. Образы летающих птиц, напротив, способны отражать и описывать положительные характеристики человека. Анализ словарных дефиниций показал, что разные наименования одинаковых животных нередко имеют не одинаковый в национально-культурном плане ассоциативный потенциал. Толковые словари не всегда фиксируют различия в коннотативном объёме лексических единиц. Результаты данного исследования могут быть использованы в лексикографической практике — при создании комплексного словаря, который предполагает включение коннотативных и ассоциативных значений в состав толкования слов. Такие словари необходимы и при обучении русскому языку как родному, и при работе с иностранными студентами, которые изучают русский язык.

Ключевые слова: русский язык; зооморфная метафора; национально-культурный компонент; когнитивный подход; перспективы лексикографии; трансляция культурных смыслов

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; libogdanova1@mail.ru

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором на пленарном заседании Международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», МГУ имени М.В. Ломоносова, ФИЯР, 31 октября 2022 г.

Для цитирования: Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 24–40.

Введение. В настоящем исследовании рассматриваются идеи, связанные с национально-культурной спецификой метафоры, с культурным кодированием действительности, с описанием культурных эталонов. Эти идеи являются плодотворными и перспективными, поскольку способствуют более глубокому осмыслению соотношения «язык и культура». В контексте изучения этнокультурной специфики зооморфной метафоры ее когнитивная сущность осознается не только как один из способов познать окружающий мир, но и как средство, помогающее оценить человеческие поступки и качества сквозь призму образов животных, птиц, рыб. Интерес к природе, растительному и животному миру, различным природным стихиям постоянно растет в современном обществе. Изучение отношения «Человек-Животное» становится всё более необходимым именно в аксиологическом аспекте. В задачи работы входит систематизация и обобщение представлений о том, каким видит себя человек в зеркале зооморфной метафоры. Вторая сторона этой проблемы состоит в ответе на вопрос, как человек оценивает животных и птиц, живущих рядом с ним, сквозь призму метафоры. Изучение данной проблематики не только позволяет осознать неразрывность связей человека с живым миром природы, но и способствует осмыслению ценностно-оценочного потенциала метафоры и ее способности в сжатом виде хранить и передавать информацию от поколения к поколению.

Метафора имеет длительную и богатую историю изучения. Как предмет исследования метафора интересовала и филологов, и философов. Ее изучали Аристотель, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет. Теорию метафоры разрабатывали Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.Н. Телия и др. В контексте своих исследований изучением функционирования метафоры занимаются Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Молчанова, А.П. Чудинов и др. Из зарубежных исследователей большой вклад в изучение зооморфной метафоры внесли К. Basso, G. Lakoff, R. Sommer и В. Sommer и мн.др. Революционной в плане изучения метафоры по праву считается книга «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Авторы этого исследования, рассмотрев вопрос о связи метафор с национально-культурными ценностями, пришли к выводу, что те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой. Метафора, создавая новое знание, соотносит разные сущности, пропуская

их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений [Арутюнова, 1990; Lakoff, 1993]. Результативными в этом плане оказываются исследования синестезии в метафорологии [Молчанова, 2018]. Именно в метафоре, более чем в какой-либо другой форме символического выражения, язык и культура демонстрируют неразрывную связь [Basso, 1976: 142]. Причина этой тесной связи состоит в том, что в основу метафоры входят стереотипы и образы народного сознания, а также культурные эталоны, понимаемые как «характерологическая подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, которая становится знаком доминирующего в ней с точки зрения обиходно-культурного опыта народа свойства» [Телия, Опарина, 2011: 147]. Метафора создает ассоциативное поле «притяжения» с помощью образов, символов, коннотативных намеков и тем самым участвует в закреплении культурного опыта человечества с помощью определенных фреймов [Lakoff, 1986]. Одним из продуктивных понятий для выявления этнокультурной специфики языка следует считать код культуры [Богданова, 2022: 12]. Код культуры нередко определяется как «сетка», набрасываемая культурой на окружающий мир. С помощью этого инструмента человек «членит, категоризует, структурирует и оценивает мир» [Красных, 2001: 5]. Кодирование культурной информации в семантике языковых единиц происходит на основе коннотаций, которые играют важнейшую роль в межкультурном общении. Коннотативная семантика — это целый комплекс «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и других «созначений», актуализирующихся в особых, вторичных, поэтических, метафорических и других «непрямых» употреблении слов [Толстой, 1995: 289]. В плане межкультурной коммуникации значимыми оказываются и параметры «измерения культуры». Такие параметры, как высокая контекстуальность [Hall, 1976], вертикальная дистанция власти [Hofstede, 1991], косвенным образом влияют на понимание оценочной сущности зоометафор и характера их использования по отношению к взрослым и детям, начальнику и подчиненным. В плане лексикографического представления зоонимов важную роль сыграли труды Ежи Бартминьского, обосновавшего значимость когнитивной дефиниции [Бартминьский, 2004]. Углубление исследования в аспекте выявления комплекса оценочных смыслов, характерных для зооморфизмов, а также рассмотрение данной проблемы в лексикографическом аспекте с учетом значимости когнитивной дефиниции создают предпосылки для получения новых результатов в изучении зооморфной метафоры.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование подтвердило, что идиоэтническая специфика зоометафор во многом объясняется субъективным характером отражения мира в языках. Именно поэтому одни и те же образы животных могут вызывать абсолютно непохожие ассоциации у представителей разных народов. Богатый источник выявления национально-культурной специфики языковых единиц представляют собой культурные эталоны, которые требуют при интерпретации проникновения «в глубинные тайники» значения. В этом плане изучение зооморфизмов разных языков показывает неполное совпадение некоторых практически универсальных эталонных образов. Образ лисы, например, во многих лингвокультурах является эталоном хитрости, но в китайском и корейском языках зооморфизм *лиса* может характеризовать, кроме того, еще и красивую, но опасную для мужчин молодую женщину, коварную обольстительницу и соблазнительницу (*лиса-оборотень* из древних легенд). *Медведь* и в русском, и в китайском языках ассоциативно связывается с неуклюжестью, но в русском языковом сознании этот недостаток компенсируется за счет силы и мощи медведя: *Неуклюж медведь, да дюж; Медвежья сила; Сильный, здоровый, как медведь*². Согласно толковому словарю русского языка³: *Медведь* — 1. Крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами; 2. Перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.). Анализ словарей и текстовых реализаций показывает, что в русском языке лексическая единица *медведь* характеризуется большим объемом коннотативных значений, среди которых отметим следующие: 1) ‘много и беззаботно спать’: *Спит, как медведь в берлоге*; 2) ‘делать что-то с неразумным усердием’: *Добрый, преданный малый, а ломит всегда, как медведь!* (И.И. Лажечников), *медвежьи объятья* (разг., шутил.) — тяжелые и неловкие, *медвежья услуга* — неловкая помощь, причиняющая только вред; 3) ‘жить замкнуто, одиноко, вдали от других людей’: ср. *Медвежий угол; ... они жили особняком, как медведи, избегали людей* (А.П. Чехов)⁴.

Для китайцев *медведь*, представляя в целом негативный образ, к тому же является эталоном глупости, тупости, бесполезности, что имело подтверждение на занятиях по русскому языку в китайской аудитории. В частности, на предложение преподавателя завершить сравнительную конструкцию: *глупый как ...* китайские учащиеся, как правило, дружно отвечают: *глупый как медведь*. В русской куль-

² См.: *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.

³ Здесь и далее толкования лексических единиц даются по словарю: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.

⁴ См.: *Огольцев В.М.* Указ. соч.

туре, несмотря на образ простодушного и не всегда блещущего интеллектом медведя из народных сказок, для глупости / тупости в языке есть совсем другие эталоны как зооморфные (*осёл, баран, курица, утка*), так и «деревянные» (*пень, бревно, дуб, чурбан*).

Материал русского и немецкого языков также показал, что эталонные образы для обозначения одного и того же качества человека могут как совпадать в языках, так и существенно расходиться [Богданова, Малькова, 2014]. Например, для выражения упрямства и глупости в русском и немецком языках используется зооним *осёл* — *der Esel* (*упрямый как осёл*), эталоном красивого звонкого голоса является *жаворонок* — *Heidelerche* (*поет как жаворонок, голос звонкий как у жаворонка*), эталоном нежных любовных отношений — *голубки* — *Turmeltaube* (*воркуют как голубки*). Совпадающими образами также являются *крот* (плохое зрение), *ягненок* (кротость), *змея* (коварство), *рыба* (неразглашение тайн, молчаливость) и др. Существенно различаются в русском и немецком языках такие эталоны, как *воробей* (русск. сидеть, нахохлившись, мало есть — нем. быстро и много ругаться), *обезьяна* (русск. вертлявость, внешняя непривлекательность — нем. вычурность, сильная потливость, напряжённая работа), *лянь* (русск. пугливость, грациозность, быстрота — нем. скромность, хорошее здоровье) [Богданова, Малькова, 2014: 45]. Таким образом, очевидно, что в плане понимания и осмысления идиоэтнические эталоны оказываются трудными для представителей других культур. Русским, например, непонятно, почему *слон* в немецком языке является эталоном злопамятности. Китайцам непонятно, почему источник выгоды и объект несправедливой эксплуатации может быть обозначен в русском языке как *дойная корова*.

В ходе исследования были обнаружены проблемы, связанные с лексикографическим представлением зоонимов. Когнитивный подход к описанию семантики лексических единиц должен, на наш взгляд, обеспечивать их многоаспектное дифференцированное представление в словарях. Однако в традиционных словарях дефиниции не всегда обладают различительной силой, из-за чего нередко бывает трудно понять, чем же отличаются друг от друга описываемые животные. Ср.: *Лиса (лисица)* — ‘хищное млекопитающее семейства псовых с длинным пушистым хвостом, а также мех его’; *Волк* — ‘хищное животное семейства псовых’⁵. Основываясь на этих дефинициях, мы можем полагать, что волк отличается от лисы только отсутствием длинного пушистого хвоста. Однако опыт подсказывает нам, что это не так. В русском языковом сознании *волк* обычно

⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

предстает как существо опасное, агрессивное, вечно голодное: *волчий оскал, волком смотреть, волком выть, волчий аппетит; злой как волк, голодный как волк; С волками жить — по-волчьи выть* и т.п. Отрицательные характеристики, связанные с волком, метафорически переносятся на человека: *К волку в пасть лезть* (разг. неодобр.) — общаясь с кем-либо, подвергать себя явной опасности, неприятности; *Хоть волком вой* (разг.) — так говорят о состоянии тяжелой тоски или безвыходности; *волчий закон* — беззаконие, опирающееся на грубую силу. Отрицательную оценку имеют и метафорические обозначения опасных для человека коллективов: *волчье логово, волчья стая*. Однако комплекс отрицательных характеристик не помешал волку стать официальным символом Чемпионата мира по футболу 2018 г. Волк в русской культуре воспринимается не только как опасное животное, но и как свободолюбивое существо (*Как волка ни корми, а он всё равно в лес смотрит*), как животное, быстро передвигающееся (*Волка ноги кормят*), обладающее опытом и жизненной мудростью (*Старый морской волк*) и др. Примечательно, что слово *бирюк*, обозначающее тоже волка, не обладает столь богатым ассоциативным потенциалом. *Бирюк* — 1. Волк — одиночка (обл.) 2. Перен. Нелюдимый и угрюмый человек (разг.): *смотреть бирюком, жить бирюком*⁶.

Недостаточность когнитивной информации особенно заметна при анализе лексикографической интерпретации слов, обозначающих одно и то же животное или родственных животных. Так, например, животные *заяц* и *кролик* представлены в словаре одинаково: *заяц* — ‘зверек отряда грызунов с длинными ушами и сильными задними ногами, а также мех его’; *кролик* — ‘грызун семейства зайцев, а также мех его’. Однако очевидно, что в обыденном сознании русского человека *заяц* — это дикое животное, а *кролик* — домашнее. Существенным образом различаются и коннотации этих слов, влияющие на их употребление. Такие качества, как ‘быстрота’ (*быстрый как заяц*) и ‘трусливость’ (*заячья душа, трусливый как заяц*), характеризуют в русской языковой картине мира именно зайца, но не применимы к кролику, который ассоциируется с красными глазами (*глаза красные, как у кролика*) и ‘плодовитостью’ (ср. *размножаются, как кролики*).

Собака и *нёс*, обозначая одно и то же животное, также различаются в ассоциативном плане. Лексическая единица *нёс*, славянское по происхождению слово, закрепилась в русском языке как обозначение животного, имеющего хозяина и выполняющего охранную функцию: *сторожевой нёс, ценной нёс, верный нёс, преданный нёс*.

⁶ Там же.

Слово *собака* часто ассоциируется с бездомным животным. Жизнь бездомной собаки связана с бесконечными лишениями, голодом, холодом, необходимостью бегать в поисках пропитания. Представив «собачью жизнь» в виде своего рода фрейма, с помощью устойчивых сравнений мы можем выявить основные оценочные характеристики образа собаки в русском языке. Эти коннотативные признаки переносятся и на человека: *голодный как собака, бегал как собака, устал как собака, промок как собака, замерз как собака, собачий холод — собачья жизнь, собачья смерть*. Ср. примеры из НКРЯ⁷: *Ваш несчастный, брошенный, одинокий как собака* (Лидия Вертинская); *... окоченела, как собака, пока от метро доскакала* (Д. Донцова). Такая тяжелая жизнь формирует злобный характер: *Собака бывает кусачей только от жизни собачьей!* (Юнна Мориц). Ср.: *Пьяница был злой, как собака, мрачный, никого не любил, над матерью издевался...* (А.И. Слаповский).

Как показывает текстовый материал, *собака* может быть интенсификатором какого-либо качества, даже без видимой семантической мотивировки: — *Ишь, бесстыдница! Врет, как собака, да ещё и прячется* (Л.А. Коньков). Собака, как известно, врать не может, но глагол *брехать*, относящийся к собаке, имеет многозначную структуру: *Брехать* — 1. то же, что лаять. *Брешет собака*. 2. перен. **Врать**, говорить вздор. *Собака* может оказаться даже своего рода эталоном для характеристики ревнивого человека: *Я ему все скажу! Он ревнивый, как собака.* — *А собаки очень ревнивые?* (А. Мельник).

Оба слова, и *пёс*, и *собака*, могут использоваться в качестве прямого оскорбления. При этом *пёс* обычно подчеркивает низость, подлость, подчиненное положение оскорбляемого. В этом проявляются отголоски древнего речевого употребления, когда слово *пёс* (*пес*) использовалось для выражения верноподданнических чувств и намерений (*Твой верный пес*). Зооморфизм *пёс* можно считать маркированным с точки зрения отражения в языке иерархических отношений. Значимым оказывается статус по возрасту и социальному положению [Богданова, 2019]. Что касается зоонима *собака*, то его использование в виде метафоры имеет двойственную оценку. С одной стороны, *собака* может обозначать злого и жестокого человека: *Не человек, а собака!* С другой стороны, этим словом можно в восхищении назвать знающего, ловкого, искусного в каком-нибудь деле человека: *Как танцует, собака!* Такого рода употребления, смысл которых полностью определяется контекстом, можно считать

⁷ Здесь и далее примеры из НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.09.2022).

проявлением высокой контекстуальности русской культуры [Hall, 1976].

Слова *лошадь* и *конь*, называя в принципе одно и то же животное, также содержат и передают разную культурную информацию. Согласно толкованию, *лошадь* — ‘крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных’. Слово *лошадь*, как правило, называет сельскохозяйственное животное, которое используется для работы: *работать как лошадь* (много и тяжело), *устала как лошадь*. Очень крепкое здоровье могут назвать *лошадиным здоровьем*. О трудолюбивом человеке, безотказном работнике говорят: *Рабочая лошадка* (разг.). При этом по-русски не очень корректно сказать: **работать как конь*, **рабочий конь*, **устал как конь*. Слово *лошадь* применимо и по отношению к крупной, не очень привлекательной женщине: *Ну и лошадь, эта баба* (разг., неодобр.), а *лошадиное лицо* — это не очень красивое лицо с тяжелой и вытянутой нижней частью. Слово *конь* называет то же животное, что и *лошадь*, но в словаре есть добавление: преимущественно о самце⁸. Устойчивые сочетания и номинации со словом *конь* указывают на сферу употребления этого зоонима (военные действия, армия): *Боевой конь*. *По коням!* (кавалерийская команда); *конник*, *конница*. Слово *конь*, общеславянское по происхождению, воспринималось в русской культуре прежде всего как обозначение животного, связанного с войной, битвой: *боевой конь* — это верный друг и товарищ воина; *быть на коне* — быть победителем в битве. Ср. также: *Въехать в город на белом коне*; *Каждая девушка ждет принца на белом коне*, где замена коня на лошадь невозможна. Образ коня, кроме того, связан с волей, с ощущением простора, поэтому *конь* может подчеркивать свободолобие: *Мужчина, он всё одно как конь на воле: кто его обуздать может?* (А.Н. Островский). Кроме того, зооморфизм *конь* включает в свой ассоциативный потенциал и такие признаки, как прекрасное здоровье, сила и мощь: *Парень был здоровый, ясноглазый, сильный, как конь* (З. Прилепин). Эти качества могут характеризовать и женщину: — *Здоровая, как конь! А мы еще переживали, что не очнешься...* (В. Сеницына).

Прямые значения слов *осёл* и *ишак* также практически одинаковые. Ср. толкования в основном значении⁹: *Осёл* — ‘животное семейства лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами’. *Ишак* — ‘осёл’ и (обл.) лошак или мул. Нетрудно заметить, что ассоциативный потенциал у слов *осёл* и *ишак* разный, что и породило разные метафорические значения: если человека

⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

⁹ Там же.

называют *ослом*, значит, он упрямый или глупый, но если человека называют *ишаком*, то значит, что он или перетаскивает на себе тяжести (*навыючился, как ишак*), или слишком много работает, причем труд этот подневольный, не приносящий работающему ни прибыли, ни удовлетворения. Ср.: *Что я ишак?* (прост., неодобр.) — выражение протеста против трудной работы; *ишачить на кого-либо*.

Собранный материал позволяет обобщить основные характеристики человека, представляемые в русском языке с помощью образов животных.

Сила, высокий рост, здоровье человека (мужчины) передается с помощью следующих зооморфизмов: *бугай* (бык-производитель — большой, громоздкий человек), *буйвол*, *жеремец* (с сексуальным подтекстом), *конь*, *бык*, *лось*, *слон*, *медведь*. Ср.: *Да я здоровый, здоровый, как бык, как лось, как конь* (Н. Коляда); *Так от лекарства и помер, а здоровый был, как бык!* (К. Симонов); *Пушкай Митька работает, он здоровый, как бугай!* (А.В. Калинин); ... *он силен, как буйвол* (Ф. Гладков).

Работоспособность ('много и тяжело работать'): *лошадь*, *ишак*, *вол* ('сельскохозяйственное животное, кастрированный бык'). Ср.: *Вкалываю, как ишак, ставлю рекорды* (В. Липатов); *Мама у меня тогда красивая была, хоть и работала, как вол...* (А. Маринина). Умение много и напряженно работать не всегда положительно оценивается русским социумом. Ср.: *Новый начальник <...> имел уже репутацию страшного человека, встающего в шесть утра и работающего, как лошадь, и требующего такой же работы от подчинённых* (Л.Н. Толстой); *Всю жизнь бился, бился, с урока на урок, работал, как ломовая лошадь, и вот надорвался, не выдержал* (В.П. Катаев). Ср. также: *Живу в деревне, верчусь, как белка в колесе, много работаю, но всегда без гроша* (А.П. Чехов)¹⁰.

Толщина, лишний вес: *бегемот*, *боров*, *кабан*, *поросенок* *свинья*. Ср.: *Спасенный был невысокого роста, толстый, круглый, как откормленный кабан* (А.С. Новиков-Прибой).

Неуклюжесть, неповоротливость: *медведь*, *слон*, *тюлень*, *бегемот*, *корова* (как *корова на льду*). Ср.: *Он жутко толстый и неуклюжий, как медведь* (Е. Литинская); *Дубов, неповоротливый, как слон, ... отдаёт распоряжение* (А.С. Новиков-Прибой).

Недостатки внешнего вида, нескладная фигура, некрасивая внешность (женщины): *кляча*, *кошка драная*, *выдра*, *кобыла*, *лошадь*, *корова*, *обезьяна*, *жаба*. Ср.: *Мать ещё молодая, а сама с разрезанным морщинами лицом, как замученная кляча* А.С. Серафимович); ... *она лицом не вышла и ... одевается как выдра* (А.Н. Котюсов).

¹⁰ Примеры из Словаря: *Огольцев В.М.* Указ. соч.

Красивая внешность (женщины), **глаза, фигура, походка** могут описываться с помощью следующих образов: *лебедь, пав, лань, газель*. Ср.: *Рая была невысокая, с прекрасным, чистым, узким книзу лицом и большими, продолговатыми, как у газели, глазами* (Г.И. Коновалов); *Не найти, не сыскать такой красавицы: Ходит плавно — будто лебедушка; Смотрит сладко — как голубушка* (М.Ю. Лермонтов).

Из душевных качеств чаще всего метафоризируются следующие:

Жестокость, злоба, агрессия: *зверь, тигр, волк, собака, бык, змея, крокодил*. Ср.: *набросился как зверь, как волк, как тигр, как собака, как разъярённый бык*. См. примеры из НКРЯ: *Я всё ради неё делаю, а ей не нравится. Злая как змея* (Ю. Буйда); *Он побеждал... язычников, устремлялся на них как лев, гневен как рысь, губителен как крокодил* (Н.И. Костомаров).

Низменные интересы, примитивные потребности: *животное, скот, скотина, свинья*. Ср.: *Как скотина ты жил. А есть другая жизнь — человечья!* (А.С. Иванов); *Человеки ж мы, а не животные, чтоб жить ради брюха* (Ф.П. Певнев); *Работаем, как люди, а живём, как свиньи* (А.П. Гайдар).

Хитрость, коварство: *лиса, змея, жук*. Ср.: *Она, небось, думает, что хитра, как лиса* (С.П. Антонов); *Я стал холоден, любезен и хитер, как змея* (В.А. Каверин); *Нет, жук какой, а?! Двадцать лет бумажку хранил* (С. Носов).

Низкий интеллектуальный уровень: *осёл (тупой осёл), мерин (глуп, как сивый мерин), баран (глуп, как баран), индюк (глупый индюк), гусак, овца (тупая овца), курица (глупая курица), утка*. Ср.: *Ирон. Способный был немец, умный, как утка* (В. Липатов); *А народ несмышленный, как бараны* (Л.Н. Толстой); *Вы кретин! У вас куриные мозги!* (Д. Липскеров); ... [водитель] *высунулся и гневно прокричал: — Баран безмозглый!* (А. Житков); *Ох, ты, жеребец безмозглый!* (А. Иванов).

Упрямство: *осёл, козел, мул, бык, буйвол, вол, лошак, баран*; Ср.: *Снова, с воловьим упрямством, он говорил о материнстве...* (Е. Чиждова); *Но она упёрлась на своем, как баран* (М. Зощенко); *Едва не повторил слова Наполеона: «упрям, как мул»* (Д.С. Мережковский); ... *старовер был упрям, как козел* (И.П. Шемакин); *Я, конечно, стоял за вас, но вы же знаете председателя — он упрям, как лошак* (К.М. Станюкович, 1903).

Завышенная самооценка: *петух, индюк, гусь, павлин*; Ср.: *важный гусь, надутый, как индюк; заносчивый петух; самодовольный павлин*. Ср.: *...он богат и надменен, как индейский петух...* (Н.С. Лесков).

Среди **положительных качеств** можно отметить **смелость, храбрость, решительность:** *лев, барс*. Ср.: *Он был телом сильный,*

как бык, и **храбрый, как лев** (Л.Н. Толстой); *Он, как барс, выскочил бы из засады...* (И.А. Гончаров).

Кротость, чистота, невинность: голубь, агнец (ягненок). Ср.: *Жена моя чиста, как голубь* (В.А. Соллогуб); *Наталья имела прелестную душу, была нежна, невинна, как агнец* (Н.М. Карамзин).

Как следует из анализа зооморфизмов, устойчивые сравнения и метафоры характеризуют в подавляющем большинстве недостатки человека, а не его достоинства. Даже положительные качества при сравнении с животным могут превратиться в осмеиваемые недостатки человека. Ср.: *Ты верный, как пёс!* — как правило, не является похвалой. В оценочном плане показателен микротекст из НКРЯ с устойчивыми сравнениями — зародышами метафор: *Утром встаю взъерошенная, как овца, на работу бегу голодная как шакал, прицеплюсь на трамвай, как обезьяна, и еду на нем, как заяц, толкаясь, как медведь; пока доеду до работы, переругаюсь со всеми, как собака. Вылезу из трамвая оципанная как курица; работаю каждый день, как вол, потом, как ищейка, бегаю по магазинам; навьючусь, как верблюд; тащусь домой, как загнанный ишак* (В. Шахиджанян, 1999).

Проанализированный материал подтверждает, что «самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия» [Мокиенко, 2005: 108]. По-видимому, в негативной оценочности зооморфизмов отражается стремление человека возвыситься над животными [Sommer&Sommer, 2011]. При этом степень негативности зоометафор может быть различной. Например, сленговые единицы *телка (телочка), цыпочка* в разговоре мужчин о девушках, несмотря на некоторое пренебрежение, имеют более позитивную окраску, чем *овца, корова* или *курица*.

Выражение положительной оценки с помощью зоонимов. У человека нередко возникает потребность в обозначении ласкового отношения к любимому человеку с помощью зоонимов. В индивидуальном употреблении, по-видимому, практически любой зооморфизм может получить контекстную положительную оценку. В.В. Маяковский с удовольствием сравнивал себя с молодой собакой и подписывал свои письма Лиле Брик: «*Щен*» (именно так она его ласково называла). Ср. общеязыковое употребление метафоры *щенок*: — *Ты сопляк еще, ты щенок, недоросль, чего ты смеешься?!* (М. Дяченко, С. Дяченко, 1994).

А.П. Чехов в письмах своей жене Ольге Книппер мог обращаться к ней, прибегая к отрицательным в целом образам *собаки*, даже *лошадиной собаки (Лошадиная моя собака!)*, *крокодила (Крокодил моей души!)*. Ср. использование А.П. Чеховым метафоры *крокодил*

по отношению к женщинам в общезыковом значении: *Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил!* (А.П. Чехов, Медведь).

В русском языке есть и специализированные средства положительной оценки, среди которых особо отметим суффиксы со значениями невзрослости, уменьшительности и субъективной оценки.

Детеныши животных, как и дети вообще, обычно вызывают умиление. Однако не все названия невзрослых животных получили в языке закреплённую положительную оценку (ср. *щенок, собачий сын*, а также используемые по отношению к молодому человеку *крысеныш, змеёныш*). Нередко названия невзрослых животных имеют коннотацию малой ценности их жизни: *придушить, как котенка, как цыпленка, как щенка* — ‘уничтожить легко и просто’¹¹. Однако некоторые названия невзрослых животных имеют в целом положительные ассоциативные значения, связанные с нежностью, смирением, кротостью, лаской, добротой. Ср.: *Ласковый теленок двух маток сосет; Васенька был кротким, как теленок* (Н. Садур); *Он был очень ласковый, нежный, послушный, как ягненок* (М.Я. Гробман); *Богатырь, огромного роста, силы необычайной, но добрый и тихий, как ягненок* (Вл. А. Гиляровский). Резвость, игривость, веселый нрав ассоциируются с образами *козленка, жеребенка, котенка: Тогда он был веселый и шустрый, как козленок* (М.А. Шолохов).

Почти такие же качества могут быть обозначены с помощью диминутивов. В частности, *овечка* прочно ассоциируется с кротостью, чему может быть найдено и религиозное объяснение: *Христианин должен быть, как овечка, кроткий. Овечка, она же никогда не рычит, не грызёт никого, она только терпит, у нее такая участь* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди, 1984–1989). *Овечка* может быть эталоном для характеристики тихого и спокойного нрава, беззащитности, скромности: *Тихо и скромно, как овечка* (С. Гансовский); *Изумленная и оскорбленная хозяйка, как овечка кроткая, робко поглядывала на своих волков-гостей...* (Т.Г. Шевченко). *Козочка, лошадка, козлик* — эти диминутивы могут быть эталонами резвости, живости, привлекательности: *Леночка болтала, прыгала, как козочка; а право, она была премиленькая козочка — гибкая, стройная, черноглазая* (Н.Г. Помяловский); *Так вот, иду я как-то по станице, а навстречу мне идет молодая и красивая, как козочка, девка...* (М.А. Шолохов); *...черноглазая Нюрочка после уроков бежала домой, постукивая, как лошадка копытцами...*

¹¹ См.: Огольцев В.М. Указ. соч.

(А. Мариенгоф); <Он> подпрыгнул, как козлик, как теленочек веселый, молочком с пальца поеный (Е.И. Замятин).

Показательным в плане оценочных характеристик будет сравнение козлика (положительная оценка) с козлом (резко негативная оценка). Ср. фрагмент из НКРЯ: «Козел» — одно из самых страшных оскорблений, придуманных падким на образное слово народом. «Козел» — и перед вами встает не столько рогатое и бородатое, сколько тупое, не поддающееся дрессировке... «Козел» — и ваше воображение рисует подлое, способное на дрянной поступок исподтишка и бодливое существо (Ю. Кашкин, 2014).

Положительная оценка может передаваться также с помощью **образов летающих птиц**. Умение летать — это качество, недоступное человеку, предмет его мечтаний. Этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что «птичья» метафора, если она связана с некоторыми летающими птицами (курица в этом смысле не птица!), обозначает положительные качества человека: *орёл, сокол, голубь, ласточка, лебедь*. Разумеется, отрицательные качества человека также могут передаваться с помощью образов птиц: *ястреб, коршун, ворон, ворона, сорока* и др. Однако с образом птицы в целом тесно связана идея свободы, счастья: *Человек рождён для счастья, как птица для полёта* (В.Г. Короленко). Ср. также: *Их арестуют, и ты станешь свободным как птица* (В. Токарева); *У меня было ощущение, что расправились крылья и я парю как птица* (Сати Спивакова). Особенно в этом плане показательны выражение *вольная птица*: *Теперь-то он, как птица вольная, выпорхнул из-под тамбурной крыши...* (А. Солженицын); *Я — вольная птица, куда хочу, туда и лечу* (М. Шолохов); *... и мир у ваших ног, и вы — вольная птица* (Б. Пастернак); *Она искала целей разнообразных, как рыба ищет воды, а вольная птица — воздушной шири, без пределов и препон ее своеобразному полету* (В.П. Желиховская).

В номинативной метафоре для создания позитивного впечатления также используются образы птиц. Например, название скоростного поезда «Сапсан» связано с соколом-сапсаном. *Сокол* в русском языке имеет положительную оценку (*сокол ясный*): так называют мужественных, сильных, гордых мужчин. Известно, что сокол-сапсан не только красивая, но и стремительная птица: она может развивать скорость более 300 км / час. Электропоезда также имеют названия: «Стриж», «Ласточка». Номинативная метафора и в этих случаях обусловлена положительной оценкой (ср. ласковое обращение к любимому человеку: *Ласточка моя!*) и скоростью полета птиц.

Выводы. В работе были рассмотрены культурные эталоны человеческих качеств, сформированные на основе зоонимов. Эталоны не совпадают в разных языках (ср. *рыба* в китайском языке — сим-

вол изобилия и плодовитости, а в русском — часто обозначает холодность и молчаливость). Анализ материала показал, что функция зооморфной метафоры заключается, прежде всего, в том, чтобы дать некоторое описание человеку (или ситуации) на основании замеченного сходства внешних характеристик или поведенческих качеств животного с человеком. При этом в описание включается субъективный взгляд на объект наблюдения, влекущий за собой оценочную коннотацию, как правило, отрицательную. Это соотносится с общей тенденцией асимметрии оценок. Наблюдая за животными, человек отмечал те качества, которые ему были важны в прагматическом плане: сила, здоровье, работоспособность домашних животных были полезными для человека качествами, а, например, упрямство мешало человеку подчинять себе животное. Зооморфные метафоры и устойчивые сравнения в основном направлены на дискредитацию человека, резкое снижение его статуса. Однако диминутивы и названия незрелых животных, а также образы летающих птиц помогают использовать многие зооморфизмы в положительном смысле. В ходе изучения зооморфизмов было обнаружено, что ряд социокультурных параметров, выявленных в классификациях культур Г. Хофстеде и Э. Холла, среди которых PD (Дистанция Власти), высокая контекстуальность, приобретают определенную ценность при интерпретации отдельных зооморфных метафор (*nёс, щенок*). И это не случайно: различие культур, как правило, не может быть абсолютно нерелевантным при характеристике языковых единиц этих лингвокультур.

Анализ словарных толкований зоонимов показал, что дефиниции в традиционной лексикографии нередко перегружены научной информацией, а национально-культурная специфика представлена недостаточно. Выявление этнокультурной специфики в способе познания мира помогает ответить на вопрос, каким образом человек смотрит на мир, как опознает его объекты и включает их в светлую зону сознания, подвергая их категоризации. Исходя из этого, считаем, что лексикографическая интерпретация языкового образа мира в идеале должна также иметь национально-культурный отпечаток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сб. статей / Под общей ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 5–32.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
3. Богданова Л.И., Малькова В.В. Выявление ассоциативного потенциала слов-эталонов, представленных в русских и немецких устойчивых сравнениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Лингвистика». 2014. № 1. С. 41–51.

4. *Богданова Л.И.* Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
5. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
6. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19. С. 5–19.
7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
8. *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки. СПб., 2005.
9. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
10. *Телия В.Н., Опарина Е.О.* Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1 (56). С. 145–148.
11. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
12. *Basso K. H.* 'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory // Meaning in Anthropology. Albuquerque, 1976. P. 119–146.
13. *Hall E.T.* Beyond Culture. N.Y., 1976.
14. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. L., 1991.
15. *Lakoff G.* Frame semantic control of the coordinate structure constraint // Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory. Chicago, 1986. P. 152–167.
16. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ortony A. (ed). Cambridge, 1993.
17. *Sommer R. and Sommer B.* Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality // Antropozoos. 2011. Vol. 24 (3). P. 237–248.

Liudmila I. Bogdanova

MAN IN THE REFLECTION OF A ZOOMORPHIC METAPHOR

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, libogdanova@mail.ru

Abstract: The article deals with the cognitive essence of zoomorphic metaphor and its national and cultural identity in the Russian language. The study was carried out based on dictionaries and text corpora of the Russian language. The purpose of the article is to analyze the vocabulary material and its textual implementations in order to determine, based on the analysis, which cultural information is not fully reflected in explanatory dictionaries. In the course of the study, it was found that the names of animals, which represent cultural standards in the Russian language, mainly capture negative character traits of people and their appearance. The images of flying birds, on the contrary, capture and describe in a figurative form the positive characteristics of a person. The analysis of dictionary definitions showed that different names of the same animals often have different associative potential in the national-cultural sense. Explanatory dictionaries do not always capture differences in the connotative volume of lexical units. The results of this study can be used in lexicographic practice when creating a complex dictionary, which involves the

inclusion of connotative and associative meanings in the interpretation of words. Such dictionaries are necessary both when teaching Russian as a native language and when working with foreign students who study Russian.

Keywords: Russian language; zoomorphic metaphor; national-cultural component; cognitive approach; perspectives of lexicography; translation of cultural meanings

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Bogdanova L.I. (2023). Man in the reflection of the zoomorphic metaphor. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2, pp. 24–40. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Liudmila I. Bogdanova — Dr. Habil. in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; libogdanova1@mail.ru

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In *Teoriya metafory. Sb. statei* [Theory of metaphor]. Ed. N.D. Arutyunova. Moscow, pp. 5–32. (In Russ.)
2. Bartmin'skii E. 2005. *Yazykovoï obraz mira: ocherki po ehntnolingvistike*. [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I., Mal'kova V.V. 2014. Vyyavlenie assotsiativnogo potentsiala slovehtalonov, predstavleniykh v russkikh i nemetskikh ustoychivykh sravneniyakh [Identification of the associative potential of standard words presented in Russian and German stable comparisons]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “Linguistics”], no.1, pp. 41–51. (In Russ.)
4. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystvij [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ.)
5. Bogdanova L.I. 2022. Tsennosti i otsenki v protsesse kulturnoj transmissii [Values and Estimates in Cultural Transmission]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
6. Krasnykh V.V. 2001. Kody i ehtalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (an invitation to talk)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow. Issue 19, pp. 5–19. (In Russ.)
7. Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metaphors we live by*. Moscow. (In Russ.)
8. Mokienko V.M. 2005. *V glub' pogovorki* [Deep into the conversation]. St. Petersburg. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnaya sinestezijnaya metafora I teoriya napryazhennosti [Cognitive synesthesia metaphor and tension theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)

10. Teliya V.N., Oparina E.O. 2011. Kul'turnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoi znak [Cultural connotation as a way of translating culture into a linguistic sign]. *Kul'turologiya* [Culturology], no.1 (56), pp. 145–148. (In Russ.)
11. Tolstoy N.I. 1995. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i ehtnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow. (In Russ.)
12. Basso, Keith H. 1976. 'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory. In *Meaning in Anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976, pp. 119–146
13. Hall, Edward T. 1976. *Beyond Culture*. N.Y., Doubleday.
14. Hofstede, Geert. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
15. Lakoff, George. 1986. Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago, pp. 152–167.
16. Lakoff, George. 1993. The Contemporary Theory of Metaphor. In *Metaphor and Thought* / Ortony A. (ed). Cambridge.
17. Sommer, Robert and Sommer, Barbara. 2011. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality. In *Antropozoos*. Vol. 24 (3), pp. 237–248.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 22.12.2022;
approved after reviewing 22.01.2023;
accepted for publication 20.02.2023

Г.И. Бубнова

**ВНЕШНЕЕ САНДХИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ РЕЧЕВОМ
ПОТОКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОПИСАНИЯ
ENCHAÎNEMENT И *LIAISON***

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; gboubnova@mail.ru*

Аннотация: Во французском речевом потоке наблюдаются две противоборствующие тенденции. Как язык вокалического типа с доминантой открытого слога и отсутствием лексического ударения, французский язык (далее — ФЯ) создает последовательности двух гласных звуков (зияние/*l'hiatus*) на границе слов в речи. Для снятия этого коартикуляционно неблагоприятного контекста на стыке слов используются такие фонетические процессы, как сцепление (*enchaînement*) и связывание (*liaison*).

Очевидно, что реализация сцепления и связывания на границе слов в речевом потоке создает диффузность акустической маркировки внешнего сандхи: слова сливаются в непрерывный физический сигнал. Как говорящие создают эту коартикуляционную спаянность звуков в потоке речи? Как слушающим удается распознать в непрерывном потоке отдельные слова, которые вступают в определенные синтаксические и семантические отношения друг с другом? Внешнее сандхи рассмотрено в статье с точки зрения его артикуляторной, акустической, слуховой и когнитивной обработки.

Ключевые слова: внешнее сандхи; зияние; сцепление; связывание; артикуляция; акустика; перцепция; когнитивная обработка

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-03

Для цитирования: Бубнова Г.И. Внешнее сандхи во французском речевом потоке: теория и практика описания *enchaînement* и *liaison* // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 41–55.

Введение

«Каждый язык имеет особые фонологические средства, которые в определенном пункте звукового потока сигнализируют о наличии или отсутствии границ предложения, слова или морфемы» [Трубецкой, 2000: 285]. Во французском языке такими сигналами, наблю-

Бубнова Галина Ильинична — доктор филологических наук, профессор, ведущая кафедрой французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gboubnova@mail.ru

даемыми на границе слов, являются сцепление и связывание, рассмотрению которых и посвящена эта статья.

Во французском речевом потоке наблюдаются две противоположные тенденции. Как язык вокалического типа с доминантой открытого слога и отсутствием лексического ударения, французский язык (далее — ФЯ) создает последовательности двух гласных звуков (зияние/l'hiatus) на границе слов в речи. Для снятия этого коартикуляционно неблагоприятного контекста на стыке слов используются такие фонетические процессы, как сцепление (*enchaînement*) и связывание (*liaison*).

Приведу в собственном переводе определение этих маркеров внешнего сандхи французскими лингвистами: «Сцепление (*l'enchaînement*) — это явление внешнего сандхи, посредством которого соседние слова соединяются друг с другом в речевом потоке. В терминах традиционной лингвистики сцепление объединяет конечный произносимый согласный первого слова с начальным гласным второго, создавая несоответствие между слоговыми *une grande amie* [yn.grã.da.mi] и лексическими [yn] + [grãd] + [ami] границами. Связывание (*la liaison*) — это частный, специфичный для французского языка, случай сцепления, в ходе которого произносимый согласный в конце некоторых слов реализуется только в том случае, когда следующее слово начинается с гласного *un petit ami* [ɛ.pəti.ta.mi]. Ставший произносимым согласный образует, как правило, один слог с начальным гласным второго слова» [Fougeron&Delais-Roussarie, 2004: 1].

Сцепление vs связывание

Уточним в начале ряд существенных отличий в употреблении сцепления и связывания.

В сцеплении участвуют все французские согласные звуки, произносимые в конце слов, в связывании их список ограничен: [z], [t], [n], [r], [p], редко [v] и [g].

По результатам корпусных исследований [Boula de Mareuil et al., 2003] согласные связывания, ранжированные по частотности употребления, представляют следующую последовательность¹ [z], [t], [n], [r]. Для согласных [p] и [g] участие в связывании наблюдается только после слов *trop, beaucoup, long, sang*. По свидетельству авторов, единственный случай связывания со словом *sang* зафиксирован в оригинальном исполнении текста Марсельезы: “*Qu’un sang impur [sãkɛpyr]... Abreuve nos sillons!*”

¹ Корпусное исследование, проведенное Ж.-М. Малле [Mallet, 2008: 291], показывает другое ранжирование согласных связывания по частоте употребления: [n], [z], [t].

Согласные, участвующие в сцеплении, не меняют произнесения, наблюдаемого в финале слова, они лишь объединяются с последующим гласным в один слог. Согласные связывания подчиняются правилам фонетико-графических соответствий: конечные буквы “х” и “s” произносятся как [z], буква “d” — как [t], буква “g” — как [k] в *sang humain*, буква “f” — как [v] в *neuf ans* и *neuf heures*.

Условием реализации сцепления является отсутствие паузы между словами, их грамматический статус и синтаксические отношения никакого значения не имеют.

Связывание подчиняется правилам морфосинтаксической организации речи. Отметим, что этими же правилами регулируется и ритмическое ударение, которое объединяет слова, тесно связанные грамматически, в акцентную единицу с ударением на последнем слоге. Таким образом, связывание между словами, образующими ритмическую группу, характеризуется высокой частотностью и рассматривается как обязательное. Обязательное связывание реализуется либо между двумя безударными слогами *les z-enfants*, либо от безударного к ударному слогу *un n-an*.

На границе ритмических групп, последний слог которых маркируется ударением, говорящий имеет дело с факультативным связыванием.

Факультативное связывание реализуется от ударного слога к безударному, создавая конфликт между делимитативной функцией (*fonction démarcative*) французского ритмического ударения и коартикуляционным жестом, объединяющим согласный связывания с гласным следующего слова *j'ai tellement t-à faire, il s'attend t-à partir, et puis z-on partira*. Употребление факультативного связывания в речевом потоке регулируется такими социолингвистическими параметрами, как диастратия (социальный статус говорящего), диафазия (ситуация общения) и диамезия (устное порождение / озвучивание письменного текста).

Существуют также контексты, в которых связывание между словами запрещено несмотря на существующую между ними синтаксическую связь: так называемое запрещенное связывание. Например, перед *h aspiré en # haut, des # hasards*, а также, чтобы избежать омофонии: *Elle est belle et # intelligente. vs Elle est t-intelligente. или Ce sont des # héros. vs Ce sont des zéros.*

В отличие от сцепления связывание может сочетаться с паузой, реализуемой между объединяемыми словами: связывание, именуемое в литературе *liaison sans enchaînement* [Encrevé, 1988].

Продуктивность этих явлений, изученная на материале больших корпусов, содержащих прочитанные тексты [Fougeron&Delais-Roussarie, 2004], показывает, что частота реализации, рассчитанная

с опорой на количество потенциальных контекстов, выше для сцепления (60%), чем для связывания (42%). Изучение просодической обусловленности внешнего сандхи, проведенное с учетом деления речевого потока на акцентные (ритмические) группы позволило авторам сделать вывод, что акцентное членение речевого потока:

- не влияет на реализацию сцепления: оно свободно реализуется как внутри, так и между акцентными группами;
- детерминирует отсутствие связывания на границе акцентных групп, но допускает не реализацию связывания внутри этих групп.

Итак, сцепление — это феномен фонетический *par excellence*: его реализация бессознательна и обязательна при отсутствии паузы на границе лексических единиц, отсутствует ассоциативная связь произносимого согласного с буквой.

Связывание — сложный феномен, который одновременно затрагивает практически все языковые уровни: просодический, фонетический, фонологический, морфологический, лексический, синтаксический, семантический и орфографический. Будучи явлением сложным и нестабильным, связывание создает лексически неоднозначные контексты. Например: *sens idéal* в сцеплении произносится [sã si de al] и означает «идеальное чувство», а *sans idéal* в связывании — [sã zi de al], означает «без идеала». Лексическая обработка слушающим подобных устно речевых отрезков ставит вопрос об их фонетической репрезентации и хранении в сенсорных и речевых системах мозга [Bybee, 2005; Laks&Calderone, 2014].

Коартикуляция согласный-гласный: стык слов / инициаль слога

Процессы восприятия и понимания речи требуют сегментации непрерывного акустического сигнала, в котором часто отсутствует явная акустическая маркировка границы слова или границы слога. Указанная неоднозначность сегментации возникает при реализации сцепления и связывания внутри французской ритмической группы.

Изучение фонетического механизма, обеспечивающего разграничение слов в потоке речи при реализации внешнего сандхи, проводится на артикуляционном, акустическом и перцептивном уровнях.

Первые исследования в этом направлении исходят из того, что согласный в инициале слога является эксплозивным, т.е. произносится с нарастанием напряженности, а в финале слога — имплозивным, характеризуясь убыванием напряженности. М. Дюран [Durand,

1936 цит. в статье Delattre, 1940], анализируя напряженность² стыковых согласных, дает ответ на вопрос о том, насколько стыковой согласный отличается от инициального согласного в случае реализации сцепления и связывания. Полученные ею данные свидетельствуют, что:

- согласный связывания произносится с нарастанием энергии, т.е. является эксплозивным и полностью принадлежит следующему слову *mauvais état* [mɔ.vɛ.ze.ta], *petit orage* [pəti.tɔ.ra:ʒ], *petit ange* [pəti.tɑ̃:ʒ];

- согласный сцепления реализуется тремя контекстуальными вариантами:

- соединяясь с безударным гласным, согласный реализуется как полностью импловзивный *petite orange* [pətit.ɔ.rɑ̃ʒ], импловзивно-эксплозивный *mauvaise épée* [mɔ.vɛz.ze.pe],
- соединяясь с ударным гласным, согласный реализуется как эксплозивный *petite anse* [pəti.tɑ̃s], т.е. по модели связывания.

П. Делаттр [Delattre, 1940], основываясь на экспериментальных данных, полученных Дюран, привлекает к изучению внешнего сандхи более широкую лингвистическую базу. В качестве такого фактора рассматривается ударение двух видов: финальное/ритмическое и выделительное.

Анализируя фразы-омонимы, Делаттр показывает, что в ряде случаев, объединяясь в ритмическую группу, слова не полностью утрачивают лексическое ударение, которым они обладают при изолированном произнесении, что обеспечивает перцептивно-слуховую идентификацию слов в речевом потоке. Например: *un signalement — un signe allemand, on s'en dégoûte — on sent des gouttes*.

Еще более надежным пограничным сигналом, по мнению Делаттра, является выделительное ударение, которое падает на первый слог присоединяемого слова, влияя на коартикуляцию согласный-гласный в случае реализации как сцепления, так и связывания. Описывая механизм интралингвистической вариативности внешнего сандхи на фонетическом уровне, Делаттр указывает, что оба изучаемых стыка подвержены варьированию, которое регулируется социолингвистическими параметрами [Gadet, 2003: 7–22].

² В современных исследованиях целевые согласные сопоставляются по параметру длительности. Полученные результаты варьируют в зависимости от методов сегментации и измерения согласных, длительность которых включает три участка: VOT (время появления голоса) + tenue (выдержка) + burst (коартикуляционный переход к гласному). Подавляющее большинство исследователей считают, что согласный связывания и сцепления в среднем на 15% короче соответствующего начального согласного.

В итоге коартикуляционный жест согласный-гласный в трех изученных позициях можно представить в следующем виде:

- согласный в инициале слога демонстрирует максимальную коартикуляционную спаянность с гласным,
- согласный в связывании демонстрирует небольшое уменьшение этой спаянности (короче в среднем на 15%),
- согласный в сцеплении демонстрирует лишь тенденцию к спаянности с гласным.

Исследование В.С. Соколовой [Соколова, 1983: 72–88] проводится методом не только слухового, но и инструментального анализа на материале озвучивания фраз-омонимов (65 пар) в трех режимах:

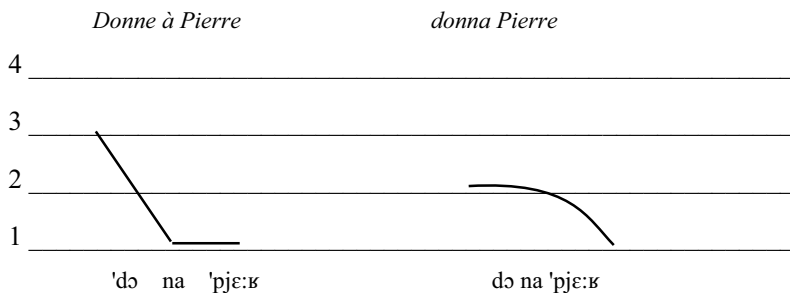
- чтение списком фраз, в которых внешнее сандхи:
 - отсутствует *à quel cœur, les zones* (согласный — инициаль слога),
 - представлен сцеплением *à quelque k-heure* или связыванием *les z-aunes*;
- чтение фраз-омонимов в диалогическом тексте;
- «дидактическое» чтение фраз-омонимов, представленных парами, с поставленной перед дикторами задачей: снять омонимию фонетическими средствами.

Если в целом полученные результаты подтверждают выводы, сделанные Дюран и Делаттром (см. выше), то дидактическое чтение позволило Соколовой сформулировать целый ряд выводов относительно намеренного использования фонетических средств для разграничения фраз-омонимов. К ним относятся:

- фокализация ударения;
- сохранение «остаточного» лексического ударения внутри ритмической; группы (Делаттр пишет о неполной утрате лексического ударения);
- употребление выделительного ударения;
- локализация пика ЧОТ и характер тонального оформления фразы.

Очевидно, например, что разграничение фраз *Donne à Pierre — donna Pierre*³, которое наблюдаются при сопоставлении слога [na], обеспечивается в первую очередь выражаемой коммуникативной интенцией: повелительная фраза — конец повествовательной фразы. Именно выражаемая интенция задает акцентно-мелодическую структуру, в которую говорящий встраивает слоговое деление, наблюдаемое на участке слога [na]:

³ Пример, заимствованный Делаттром из [Rousselot, 1924].

Перцептивно-слуховая идентификация внешнего сандхи

В. Званенбург и его коллеги [Zwanenburg et al., 1977] провели экспериментальную проверку перцептивно-слуховой обработки рассмотренных выше положений на материале озвучивания фраз-омонимов, иллюстрирующих пять видов оппозиций:

I согласный в инициале слога / согласный связывания: *Chez nous on ne vend pas ces tailles / Chez nous on ne vend pas cet ail*

IIa согласный в инициале слога / согласный сцепления: *Il parlait du nombre / Il parlait d'une ombre*

IIb согласный в инициале слога / согласный сцепления + удлиненный гласный в предконтексте: *Il entre les rassurer / Il entre l'air assuré*

IIIa согласный связывания / согласный сцепления: *André y a été influencé par certain artiste / André y a été influencé par certaine artiste*

IIIb согласный связывания / согласный сцепления + удлиненный гласный в предконтексте: *Elle avait ses amants / Elle avait seize amants*

Этот звучащий материал (60 пар фраз) был начитан двумя дикторами в двух ситуациях:

- чтение нарративных текстов, содержащих экспериментальные фразы,
- озвучивание изолированно предъявляемых фраз со зрительной опорой на фразу-омоним.

Проведение аудиторского анализа: аудиторы прослушивают фразы, смонтированные в произвольном порядке, и отмечают в предоставленном им списке омонимических пар ту, которая, по их мнению, произнесена.

Полученные результаты подтвердили выводы Делаттра (см. выше) как в целом, так и в рамках каждого подкорпуса (текст/фраза). Иначе говоря, аудиторы практически безошибочно определяют слова с консонантным началом и показывают удовлетворительную успешность, работая контекстами связывания. Наибольшая вариативность ответов наблюдается в контексте сцепления.

Связывание с сцеплением и без него / Liaison avec et sans enchaînement

В рамках фонологического подхода к описанию связывания, П. Анкреве [Encrevé, 1988] разрабатывает трехмерную фонологию, которая использует принципы автосегментарной теории [Goldsmith, 1976 цитируется в книге Encrevé, 1988] и силлабической теории [Kaye et Lowenstamm, 1984]. В модели Анкреве согласный связывания определяется как «плавающий» автосегмент, который может присоединяться как к предшествующему (liaison sans enchaînement), так и к последующему (liaison avec enchaînement) слову. В последнем случае реализация связывания регулируется, следовательно, механизмом ресиллабизации.

Изучая речи французских политических деятелей, автор устанавливает два основных контекста, в которых реализуется связывание без сцепления: [Encrevé, 1988: 21–54].

1. Перед словом с вокалическим началом, при наличии паузы до или после согласного слияния;

1.1. Пауза делается после согласного связывания, который произносится как:

- имплозивный придыхательный [t^h):
qui sont en vérité les siens [ki sɔ̃^h # ə̃ ve ki te le sjɛ̃] (discours de F. Mitterrand: 21.05.81),

- имплозивный [z]:
j'avais un rêve [za vɛz # ɛ̃ vɛ:v] (conf. de presse de V. Giscard d'Estaing: 27.11.78),

- имплозивный [t] с постпаузальным [ə]:
il faut en être à la fois [il fɔt # ə̃ ã nɛ tva la fwa] (entretien de J. Chirac: 15.11.81),

- имплозивный [t] с постпаузальной гортанной смычкой перед следующим гласным [*a]:

serait à mes yeux excessive [sə vɛt # *a me zjø ek se siv] (conf. de presse de V. Giscard d'Estaing: 27.11.78),

- эксплозивный [n] с хезитационным [ə::] вместо паузы:
dans son interprétation [dã sɔ̃ nə:: ɛ̃ tɛv pɛtə ta sjɔ̃] (conf. de presse de V. Giscard: 27.11.78);

1.2. Пауза делается перед согласным связывания, который произносится с выделительным ударением [«za»]:

nous avons assumé [nu za vɔ̃ # *za sy me] (discours du général De Gaulle: 1958)⁴;

⁴ Пример из [Léon, 1971: 157]. Леон добавляет, что в процессе произнесения оратор останавливается и заменяет связывание на выделительное ударение, реализуя: [nu za vɔ̃ # *a sy me].

1.3. Пауза не делается, наблюдается своего рода фальстарт [ky нэ нэж] на границе артикля и существительного:

donc **une** organisation [dɔ̃ ky нэ нэж ga ni za sjɔ̃] (conf. de presse de V. Giscard d'Estaing: 27.11.78).

2. Согласный связывания реализуется перед словом с консонантным началом, пауза отсутствует (оба примера из: entretien de J. Chirac: 15.11.81):

- согласный связывания произносится как имплозивный придыхательный [t^h]:

on peut s'opposer [ɔ̃ pøt^h so po ze],

согласный связывания объединяется с последующим согласным и произносится как инициаль слога [tmø],

quand monsieur Mitterrand [kã tmø sjø mi te kã].

Обобщая полученные данные, Анкреве квалифицирует связывание без сцепления как явление языковой динамики, которое связано со сложным и многофакторным взаимодействием письменной и устной форм языка. Это взаимодействие обусловлено, по мнению автора, такими социокультурными параметрами, как повышение уровня образованности французов, медийная доступность устной речи высокообразованных слоев общества, устная речь которых становится объектом подражания. С лингвистической точки зрения отмечены большой разрыв между орфографией и орфоэпией, тенденция к усилению маркировки внешнего сандхи для повышения разборчивости речи в противовес тенденции к открытому слогу, о которой много писал П. Делаттр [Delattre, 1940; 1953].

Вывод Анкреве о влиянии письменной формы на устную речь, сформулированный в ходе изучения liaison sans enchaînement, имел для своего времени большое значение. Об этом влиянии и взаимодействии размышляли и продолжают размышлять многие лингвисты [Бубнова, 2018; 2021], в частности хочу процитировать Л.В. Бондарко [Бондарко, 1981: 191], которая отмечает: «Орфографическая упорядоченность письменной речи вполне может быть реальным фактором, оказывающим влияние на фонологию речевой деятельности, противостоя орфоэпическому (в широком смысле слова) беспорядку, характерному для современного русского языка».

Когнитивные процессы / механизмы восприятия и обработки внешнего сандхи

В исследованиях, выполненных в рамках психо- и нейролингвистического направления, применяются различные экспериментальные методики, которые позволяют проверить реакцию испытуемых при прослушивании целевых сегментов, внутри которых наблюдается ресилабизация по типу сцепления и связывания. В качестве

исходного материала используются чаще всего студийные записи дикторского озвучивания специально подобранных контекстов.

Испытуемые работают с опорой на визуальные стимулы (слова или картинки), представленные на экране компьютера, время их реакции на предъявляемый звучащий стимул (нажатие соответствующей кнопки) определяется автоматически.

Таблица 1

Экспериментальный материал и полученные результаты

Материал	Результаты
Нормативные контексты: <i>un grand téléphone</i> , <i>un nerf</i> (согласный инициали) / <i>un grand t-éléphant</i> , <i>un n-air</i> (согласный связывания)	Процент обнаружения ниже и время отклика короче для согласного связывания по сравнению с инициальным согласным [Nguyen et al., 2007]
Экспериментальные конструкторы, состоящие из контекстов нормативного связывания <i>grand t-avion</i> и ложного связывания <i>vrai tavion</i>	Время отклика короче при условии нормативного связывания, чем при условии ложного связывания [Spinelli et al., 2002]
Целевые сегменты, полученные методом перекрестной замены согласных связывания/сцепления и согласных инициали (<i>manipulation par cross-splicing</i>) в рамках каждого корпуса	Тенденция к нейтрализации различия во времени отклика, влияние на процент обнаружения целевых слов отсутствует (все перечисленные выше авторы)

Следует также отметить, что в процессе подготовки материала для процедуры кросс-сплайсинга установлено, что согласные связывания/сцепления в среднем на 15% короче соответствующих согласных инициали [Tremblay&Spinelli, 2014; Grosson, 2011; Fougeron, 2007; Nguyen et al., 2007; Spinelli et al., 2002].

Заключение

Подводя итог, важно подчеркнуть, что изучение внешнего сандхи проводится на звучащем материале, который получен в ситуации зрительной опоры на письменный текст как при порождении (озвучивание), так и при восприятии (использование зрительной опоры при анализе слухового восприятия).

Установлено, что лексический контекст эффективно используется говорящим для устранения неоднозначности, создаваемой в ситуации ресиллабизации на фонетико-фонологическом уровне. Однако, несмотря на достаточно жесткий отбор материала и строгости его акустического анализа полученные результаты не позволяют однозначно интерпретировать результаты, полученные на фонетическом уровне.

Логично предположить, что анализ устно порожаемой речи покажет еще большую вариативность изучаемого явления как на уровне продукции, так и на уровне восприятия. Очевидно таким образом, что выявленные акустические изменения реализации согласных сцепления и связывания (уменьшение длительности) по сравнению согласными инициалами, и явление «фонологической глухоты» испытуемых при их восприятии работают не сами по себе, а в сочетании с целым рядом других факторов, таких как контекстное окружение и частота употребления как словоформ, так и устойчивых словосочетаний. Анализ показывает, что ресиллабизация реализуется именно внутри таких высокочастотных ритмических групп. Эффекты частоты и контекста демонстрируют, по мнению Д. Байби [Bybee, 2005], что использование языка оказывает влияние на ментальные репрезентации. В таком случае установленные фонетические особенности реализации согласных связывания можно рассматривать как процесс категоризации лингвистического опыта, в ходе которого высокочастотные конструкции классифицируются по фонетико-фонологическому и семантическому сходству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.
2. Бубнова Г.И. Перцептивно-слуховая сегментация устно порожаемой речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 51–64.
3. Бубнова Г.И. Лингвокогнитивная специфика монологической речи в условиях озвучивания и спонтанного порождения (на материале французской радиопередачи “La Danse des mots”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 31–41.
4. Едличко А.И. Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 72–82.
5. Соколова В.С. Фонетика французского языка. М., 1983.
6. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. 2-е изд. М., 2000.
7. Boula de Mareuil Ph., Adda-Decker M. & Gendner V. Liaisons in French: a corpus-based study using morpho-syntactic information /ICPhS-5, 1329–1332. Barcelona, 2003. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_1329.pdf (accessed 24.12.2022).
8. Bybee J. La liaison: effets de fréquence et constructions // Langages. 2005. 158. P. 24–37. URL: https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_2005_num_39_158_2660 (accessed 24.12.2022).
9. Delattre P. Le mot est-il une entité phonétique en français? // Le Français Moderne, 8, 1 (January, 1940). P. 47–56. URL: <https://doi.org/10.1515/9783112416105-020> (accessed 30.12.2022).
10. Delattre P. Les modes phonétiques du français // The French Review. Vol. 27. No. 1 (Oct., 1953). P. 59–63. URL: <https://www.jstor.org/stable/i216362> (accessed 30.12.2022).

11. *Encrevé P.* La liaison avec et sans enchaînement. P., 1988.
12. *Fougeron C.* Word boundaries and contrast neutralization in the case of enchaînement in French. In Cole, J. & Hualde J.I. (eds) *Papers in Laboratory Phonology IX: Change in Phonology*. Berlin, 2007. P. 609–642. URL: https://www.researchgate.net/publication/238086392_Word_boundaries_and_contrast_neutralization_in_the_case_of_enchaînement_in_French (accessed 30.01.2023).
13. *Fougeron C. & Delais-Roussarie E.* Liaisons et enchaînements: “Fais_en à Fez_en parlant?”. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228527731>, 2004 (accessed 30.12.2022).
14. *Gadet F.* La variation social en français. P., 2003. 135 p.
15. *Grosson C.* Formes articulatoires et formes phonologiques: le cas de la liaison. Thèse de Docteur de l’Université de Provence. Aix-Marseille 1, 2011. URL: file:///C:/Users/Galina/Downloads/111215_Douchez_0294018489P_TH-2.pdf (accessed 30.12.2022).
16. *Kaye J. & Lowenstamm J.* De la syllabicit . In F. Dell, D. Hirst, & J.-R. Vergnaud (Eds.) // *Forme sonore du langage: Structure des repr sentations en phonologie*. P., 1984. P. 123–159. URL: <http://tscheer.free.fr/scan/Kaye&Low84> (accessed 30.01.2023).
17. *Laks B. & Calderone B.* La liaison en fran ais contemporain: approches lexicales et exemplaristes // *La liaison: approches contemporaines*. Soum Ch, Coquillion A. & Chevrot J.-P. (eds). Berlin, 2014. P. 79–109. URL: https://www.researchgate.net/publication/281185995_La_liaison_approches_contemporaines (accessed 24.12.2022).
18. *L on P.* Aspects phonostylistiques des niveaux de langue / In: *La grammaire du fran ais parl *. P., 1971. P. 149–159.
19. *Mallet G.-M.* La liaison en fran ais: descriptions et analyses dans le corpus. Th se de doctorat: Universit  Paris Ouest Nanterre La D fense, 2009. URL: https://www.projet-pfc.net/wp-content/uploads/2009/02/these_mallet.pdf (accessed 24.12.2022).
20. *Nguyen N., Wauquier-Gravelines S., Lancia L. & Tuller B.* Detection of liaison consonants in speech processing in French: Experimental data and theoretical implications. *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science series*. 2007. 4, 282. P. 3–23. URL: <http://dx.doi.org/10.1075/cilt.282.03ngu> (accessed 30.12.2022).
21. *Spinelli E., Cutler A. & McQueen J.* 2002. Resolution of liaison for lexical access in French // *Revue Fran aise de Linguistique Appliqu e*, 1: Vol. VII, P. 83–96. URL: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2002-1-page-83.htm> (accessed 30.12.2022).
22. *Tremblay A. & Spinelli E.* Utilisation d’indices acoustico-phon tiques dans la reconnaissance des mots en contexte de liaison. In: *La liaison: approches contemporaines*. Soum Ch, Coquillion A. & Chevrot J.-P. (eds). Berlin, 2014. P. 93–116.
23. *Zwanenburg W, Ouweneel G.R.E. & Levelt W.J.M.* La fronti re du mot en fran ais / *Studies in Language* 1977. URL: https://www.mpi.nl/world/materials/publications/levelt/Zwanenburg_Frontiere_1977.pdf (accessed 24.12.2022).

Galina I. Bubnova

**EXTERNAL SANDHI IN THE FRENCH SPEECH STREAM:
THEORY AND PRACTICE OF ENCHAÎNEMENT AND
LIAISON DESCRIPTION**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gboubnova@mail.ru

Abstract: There are two opposing tendencies in the French speech stream. As a vocal-type language with a dominant open syllable and the absence of lexical stress, French creates sequences of two vowel sounds (gaping / hiatus) on the border of words in speech. Phonetic processes such as coupling (enchaînement) and binding (liaison) are used to remove this coarticulatively unfavorable context at the word junction. It is obvious that the implementation of coupling and binding at the border of words in the speech stream creates a diffuse acoustic marking of the external sandhi: words merge into a continuous physical signal. How do speakers create this co-articulatory cohesion of sounds in the speech stream? How do listeners manage to recognize in a continuous stream separate words that enter into certain syntactic and semantic relationships with each other? The article considers the external sandhi from the point of view of its articulatory, acoustic, auditory and cognitive processing.

Keywords: external sandhi; gaping; coupling; binding; articulation; acoustics; perception; cognitive processing

For citation: Bubnova G.I. (2023) External sandhi in the French speech stream: theory and practice of *enchaînement* and *liaison* description. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2 (26), pp. 41–55. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Galina I. Bubnova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University; gboubnova@mail.ru

REFERENCES

1. Bondarko L.V. 1981. *Foneticheskoe opisanie yazyka i fonologicheskoe opisanie rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad: LSU Publishing House. (In Russ.)
2. Bubnova G.I. 2021. Pertseptivno-slukhovaya segmentatsiya ustno porozhdaemoi rechi [Perceptual-auditory segmentation of orally generated speech]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.)
3. Bubnova G.I. 2018. Lingvokognitivnaya spetsifika monologicheskoi rechi v usloviyakh ozvuchivaniya i spontannogo porozhdeniya (na materiale frantsuzskoi radiopredachi “La Danse des mots”) [Linguo-cognitive Specificity of Monologue Speech under Conditions of Scripted and Spontaneous Production: A Study of the French Radio Broadcast “La Danse des mots”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 31–41. (In Russ.)
4. Edlichko A.I. 2020. Orfoepicheskie normi nemeckogo yazyka_ problemi sistematizatsii i kodifikatsii [Orthoepical norms of the German language: some problems of systematization and codification]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 72–82. (In Russ.)
5. Sokolova V.S. 1983. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
6. Trubetskoi N.S. 2000. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow: Aspent press. (In Russ.)
7. Boula de Mareuil Ph., Adda-Decker M. & Gendner V. 2003. *Liaisons in French: a corpus-based study using morpho-syntactic information / ICPHS-5*, pp. 1329–1332.

- Barcelona. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/pl5_1329.pdf (accessed 30.12.2022)
8. Bybee J. 2005. La liaison: effets de fréquence et constructions [Liaison: frequency effects and constructions] *Langages*, 158, 24–37. URL: https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_2005_num_39_158_2660 (accessed 24.12.2022). (In French)
 9. Delattre P. 1940. Le mot est-il une entité phonétique en français? [Is the word a phonetic entity in French?] *Le Français Moderne*, 8, 1, pp. 47–56. URL: <https://doi.org/10.1515/9783112416105-020> (accessed 30.12.2022). (In French)
 10. Delattre P. 1953. Les modes phonétiques du français [The phonetic modes of French] *The French Review*. Vol. 27, No. 1, pp. 59–63. URL: <https://www.jstor.org/stable/i216362> (accessed 30.12.2022). (In French)
 11. Encrevé P. 1988. *La liaison avec et sans enchaînement* [Liaison with and without coupling]. Paris, Éditions du Seuil. (In French)
 12. Fougeron C. Word boundaries and contrast neutralization in the case of enchaînement in French. In Cole, J. & Hualde J.I. (eds) *Papers in Laboratory Phonology IX: Change in Phonology*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. pp. 609–642. URL: https://www.researchgate.net/publication/238086392_Word_boundaries_and_contrast_neutralization_in_the_case_of_enchaînement_in_French (accessed 30.01.2023).
 13. Fougeron C. & Delais-Roussarie E. 2004. Liaisons et enchaînements: “Fais en à Fez en parlant” [Liaison and coupling: “Fais en à Fez en parlant”]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228527731> (accessed 28.12.2022). (In French)
 14. Gadet F. 2003. *La variation sociale en français* [The social variation in French]. Paris, Ophrys. (In French)
 15. Grosson C. 2011. *Formes articulatoires et formes phonologiques : le cas de la liaison* [Articulatory forms and phonological forms: the case of liaison]. Thèse de Docteur de l’Université de Provence. Aix-Marseille 1. URL: file:///C:/Users/Galina/Downloads/111215_Douchez_0294018489P_TH-2.pdf (accessed 30.01.2023). (In French)
 16. Kaye J. & Lowenstamm J. 1984. De la syllabité [Of syllabicity]. In F. Dell, D. Hirst, & J.-R. Vergnaud (Eds.) In: *Forme sonore du langage: Structure des représentations en phonologie*. Paris: Hermann, 1984, pp. 123–159. URL: <http://tscheer.free.fr/scan/Kaye&Low84> (accessed 30.01.2023). (In French)
 17. Laks B. & Calderone B. 2014. La liaison en français contemporain : approches lexicales et exemplaristes [The liaison in contemporary French: lexical and exemplaristic approaches]. In: *La liaison: approches contemporaines*. Soum Ch, Coquillic A. & Chevrot J.-P. (eds). Berlin: Peter Lang, pp. 79–109. URL: https://www.researchgate.net/publication/281185995_La_liaison_approches_contemporaines (accessed 24.12.2022). (In French)
 18. Léon P. 1971. Aspects phonostylistiques des niveaux de langue [Phonostylistic aspects of language levels] / In: *La grammaire du français parlé*. Paris: Hachette, pp. 149–159. (In French)
 19. Mallet G.-M. 2009. *La liaison en français: descriptions et analyses dans le corpus* [The liaison in French: descriptions and analyses in the corpus]. Thèse de doctorat: Université Paris Ouest Nanterre La Défense. URL: https://www.projet-pfc.net/wp-content/uploads/2009/02/these_mallet.pdf (accessed 24.12.2022). (In French)
 20. Nguyen N., Wauquier-Gravelines S., Lancia L. & Tuller B. 2007. Detection of liaison consonants in speech processing in French: Experimental data and theoretical implications. *Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science series*, 4, 282, pp. 3–23. URL: <http://dx.doi.org/10.1075/cilt.282.03ngu> (accessed 30.12.2022).
 21. Spinelli E., Cutler A. & McQueen J. 2002. Resolution of liaison for lexical access in French / *Revue Française de Linguistique Appliquée*, 1: Vol. VII, pp.83–96. URL:

<https://www.cairn.info/revue-francaise-de-linguistique-appliquee-2002-1-page-83.htm> (accessed 30.12.2022).

22. Tremblay A. & Spinelli E. Utilisation d'indices acoustico-phonétiques dans la reconnaissance des mots en contexte de liaison. In: *La liaison: approches contemporaines*. Soum Ch., Coquillion A. & Chevrot J.-P. (eds). Berlin, Peter Lang, 2014, pp. 93–116.
23. Zwanenburg W, Ouweneel G.R.E. & Levelt W.J.M. 1977. La frontière du mot en français [The border of the word in French]. *Studies in Language*, 1:2, pp. 209–221. URL: https://www.mpi.nl/world/materials/publications/levelt/Zwanenburg_Frontiere_1977.pdf (accessed 24.12.2022). (In French)

Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 17.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 17.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

РЕГИОНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И АРЕАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Т.Ю. Загряжкина

ПРОЦЕССЫ АРЕАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ПРОСТРАНСТВА)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация: Статья имеет целью изучить современные аспекты варьирования языкового и культурного пространства и уточнить подходы к его рассмотрению на примере франкоязычного пространства. Показана роль романских исследований в выработке принципов изучения пространства, установления пространственных закономерностей, картографирования и создания атласов. Доказано, что особенностью романской школы ареальных исследований является возрастающее стремление отразить связь языка и культуры. С учетом этих особенностей устанавливается, что франкоязычное пространство представляет собой обширный разорванный ареал, имеющий ядро и региональные центры, демонстрирующий тенденцию к расширению, обладающий относительной целостностью, которая поддерживается взаимосвязями и тенденциями развития составляющих его зон. Вопрос о том, сохраняется или ослабляется единство франкофонного ареала по мере его расширения, требует дальнейшего изучения. Результаты проведенного исследования подтверждают имманентный характер вариативности как свойства языка, сложность взаимоотношения «центр» — «периферия», роль границ в языке и культуре, значение самооценки говорящих в поддержании целостности ареала. Эти вопросы важны для изучения не только франкофонного ареала, но и ареалов других наднациональных сообществ, сформированных на базе иных языков — романских и не романских.

Ключевые слова: ареальные исследования; романские языки; франкофонный ареал; варьирование языка и культуры; лингвистическая география; языковой континуум; лингвистические атласы и карты; феномен границы; центр; периферия

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-04

Загряжкина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana_zagr@mail.ru

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Загрязкина Т.Ю. Процессы ареального варьирования романских языков и культур (на примере франкоязычного пространства) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 56–67.

Ареальные исследования являются одним из приоритетных направлений многих наук, среди которых этнология, лингвистика, регионоведение и др. Использование ареального метода при изучении языков и культур особенно важно: оно способствует переходу от фрагментарности научного знания к междисциплинарному синтезу, позволяя рассмотреть вопросы взаимодействия времени и пространства — базовых понятий человеческого мышления, отражающих многообразие мира. Так, варьирование языка в пространстве тесно связано с его изменением во времени: регионализмы во многих (но не во всех) случаях представляют собой архаизмы; оно связано и с особенностями развития общества, так как региональные формы речи часто являются источником арго и просторечия.

Именно поэтому варьирование языка в пространстве — одна из «классических» и всегда актуальных тем лингвистических исследований. Большой вклад в ее изучение внесли отечественные исследователи М.А. Бородина, В.Г. Гак, Е.А. Реферовская, Г.В. Степанов, Н.М. Фирсова и др. Статья имеет целью вернуться к «старой» проблеме варьирования языкового и культурного пространства, показать ее новые грани и уточнить перспективы изучения ареалов романской речи, в частности франкоязычного пространства.

Эти подходы определялись по-разному. Ряд ученых, среди которых М.А. Бородина, выделяли три направления: 1) диалектологию, восходящую к периоду античности; 2) лингвогеографию, оформившуюся на рубеже XIX и XX вв. (появление лингвистических атласов, установление границ явлений, проведение и анализ изоглосс) и 3) ареальные исследования (ареология), выделившиеся во второй трети XX в. и характеризующиеся большей степенью обобщения при картографировании и анализе фактов языка [Взаимодействие лингвистических ареалов, 1980: 8]. А.В. Десницкая полагала, что противопоставление лингвогеографии и ареальной лингвистики не вполне правомерно, если речь идет лишь о степени обобщения материала [Десницкая, 1977: 22, 24]. Г. Тюайон, основатель общероманского Центра диалектологических исследований (г. Гренобль), включал в понятие «диалектология» два направления, различающиеся разными трактовками пространства как замкнутой или от-

крытой территории: 1) точечная диалектология (*dialectologie du point*), изучающая языковые формы одного пункта; 2) пространственная диалектология (*dialectologie de l'espace*) рассматривающая взаимосвязи внутри пространства. Тюайон считал, что «точечная диалектология», более ранняя, не прекращает своего существования с возникновением пространственного подхода и развивается параллельно с ним [Tuailon, 1991: 409]. Соглашаясь с этим мнением, можно подчеркнуть, что одна и та же локация, независимо от ее масштаба (хутор, небольшой город, мегаполис, регион), может рассматриваться по-разному: а) атомистически, независимо от других территорий, или б) во взаимосвязях с другими территориями, или ареалами, составляющими лингвистический континуум — непрерывное пространство.

Идея открытого пространства содержалась в латинском этимоне *area* («открытая возвышенность, равнина»), она сохранилась и у французской лексемы *aire* / ареал (*surface plane*). Согласно словарю *Trésor de la langue française*, среди других значений лексемы — компонент движения в пространстве (*espace assigné à une activité ou à un phénomène en expansion*, «пространство, отведенное для расширяющейся деятельности или явления»); идея внутренних «пробелов» и «разрывов» (*lacunes et les discontinuités*)¹.

Эти компоненты значения имеет и интернациональный термин, использующийся в том числе в российской научной литературе. Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, ареал обозначает область «взаимодействия диалектов, языков и ареальных общностей – языковых союзов, характеризующихся общими структурными признаками», при этом определяющим принципом при ареальном исследовании служит «фронтальный охват форм», позволяющий выявить «границы распространения языков и языковых общностей»². Важна также форма ареала, который может быть сплошным, разорванным, островным и др. (ср. выше: «пробелы» и «разрывы»). Возможен акцент на взаимодействии пространного, временного, социального аспектов ареала как части целого (континуума): «это пространственно-временная и социальная единица, противопоставленная по определенным признакам остальному лингвистическому континууму» [Взаимодействие лингвистических ареалов, 1980: 24].

Романия была и остается благодатным полем для ареальных исследований. Вот лишь некоторые крупные достижения романисти-

¹ Trésor de la langue française informatisé. Op. cit. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr> (дата обращения: 30.01.2022).

² Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. С. 43.

ки в этой области: деятельность Парижской лингвистической школы (конец XIX в.); создание Лингвистического атласа Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона (1902–1910), открывшего новую эру в науке³; появление вслед за ним Лингвистического атласа Италии и южной Швейцарии К. Яберга и Ж. Юда⁴; Румынского лингвистического атласа С. Попа, Э. Петровичи; подготовка иберо-романских атласов известными лингвистами (А. Гриера, А.-М. Бадиа-Маргарит, М. Алвар, Т. Наварро, Р. Менендес Пидаль); разработка итальянского лингвистического атласа *Atlante Linguistico Italiano*, в которой принимали участие самые авторитетные лингвисты своего времени М. Бартоли, Ж. Видосси, Г.-И. Асколи, Б. Террачини; коллекция из 25 региональных атласов Франции, инициированная в 1939 г. А. Доза и завершенная в 1980-е годы XX в. (*Atlas linguistiques de la France par régions*); в 1960–1970-е годы выпуск Молдавского лингвистического атласа под редакцией Р.Я. Удлера и В. Комарницкого⁵. В на рубеже XX–XXI вв. была начата работа над Лингвистическим атласом Романии (*Atlas linguistique roman, ALiR*)⁶. Создание атласов нового поколения не перечеркивает значения более ранних собраний: последние остаются точкой отсчета в диалектометрии — современном направлении, изучающем совокупности диалектных различий с использованием статистических методов [Goebel, 2013].

Таким образом, романский языковой материал использовался для установления пространственных закономерностей, создания карт и опросников, разработки принципов и методов диалектологических и ареальных исследований. Эти принципы претерпевали изменения, среди которых, в частности, постепенное углубление культурологического компонента. Если Лингвистический атлас Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона (атлас 1-го поколения) был сугубо лингвистическим, то в дальнейшем возрастала доля этнографического материала. В атласе Италии и Южной Швейцарии К. Яберга и Я. Юда содержится не только лингвистический, но и этнографический и фольклорный комментарий, есть также зарисовки. Этнографический компонент углубляется в атласах второго поколения, входящих в серию атласов Франции по регионам (25 атласов, 60 томов), он закрепляется даже в их названиях, ср. *Atlas linguistique et ethnogra-*

³ Gilliéron J., et Edmont E. Atlas linguistique de la France. En 35 fasc. P. 1902–1910.

⁴ Jaberg K., Jud J. Sprache — und Sachatlas Italiens und der Südschweiz: En 8 vol. Zofingen, 1928–1940.

⁵ Атласул лингвистик молдовенеск / Под ред. Р.Я. Удлера и В. Комарницкого: В 4 ч. Кишинев, 1968–1973.

⁶ Atlas linguistique roman / Réd. Tuailon G., Contini M. Vol. 1, 2. Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, Roma, 2001; 2006. URL: <https://www.shop.ipzs.it/3000040455-1.html> (дата обращения: 01.02.2023).

phique de la Champagne et de la Brie и др.⁷; однако лингвистический аспект в них еще превалировал.

Начиная с атласов третьего поколения — Лингвистического атласа Романии (*Atlas linguistique roman, ALiR*) и Лингвистического атласа Европы (*Atlas Linguarum Europae, ALE*), концепция радикально меняется в сторону синтезированного представления фактов языка и культуры. В обоих атласах реализован принцип *мотивационных карт*, предложенный Р.И. Аванесовым и М. Алинеем [Алиней, 1993] и предполагающий рассмотрение культурных представлений, лежащих в основе диалектных наименований как родственных (*ALiR*), так и неродственных языков (*ALE*). Среди мотиваций выявляются сходства, восходящие: а) к позднему христианскому пласту представлений (в *ALE* также и мусульманскому); б) предшествующему ему языческому, антропоморфному; в) и наиболее древнему, зооморфному слою. Уже на этапе картографирования происходит переход от фиксации языковых фактов к одновременной интерпретации стоящих за ними культурных представлений.

Если обратиться к интерпретации пространства «простыми» носителями, то она характеризуется довольно высокой степенью образности. Это связано с сенсорным восприятием территории как протяженности, имеющей разную конфигурацию, ср. неофициальные обозначения стран и регионов, ассоциированные с их расположением на карте: “hexagone” (гексагон, шестиугольник — континентальная Франция); “croissant” (полумесяц — пограничная зона между Севером и Югом Франции), “stivale” (сапог — континентальная Италия).

Метафорические обозначения и прототермины, отражающие визуальное восприятие пространства, используются и в научной литературе. Часть из них сохраняет авторский характер: «дерево» языков и диалектов А. Шлейхера (иллюстрация теории родословного древа); «ковёр», «цепь» Г. Париса и «круг от брошенного камня» И. Шмидта, А. Мартине (отсылка к теории языковой непрерывности); «переживаемое/обитаемое пространство» Г. Башляра, М. де Серто (референция к опыту познающего сознания). Другая часть включает общепринятые термины, сохранившие образный компонент: «центр притяжения», «иррадиация», «зона вибраций», «парашютаж», «остров»; «центральный ареал», «кружевной ареал», «разорванный ареал», «боковой ареал» и др.

Типология ареалов, в том числе противопоставление центральных и маргинальных — важнейшие аспекты ареальных исследований.

⁷ Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie: En 2 Vol. CNRS, 1966–1978.

Вопрос о соотношении центра и периферии с учетом фактора времени и местоположения был поставлен и по-своему решен в 1940-е годы итальянскими неолингвистами. На примере языков и диалектов итало-сардинской подгруппы М.-Дж. Бартоли и Дж. Видосси установлены «закономерности», или «нормы», отражающие фазы изменений центральных и латеральных зон относительно оси времени. По предложенной классификации более изолированный ареал консервативнее, чем сплошной; обширный ареал консервативнее, чем менее обширный; боковое пространство консервативнее, чем центральное; новообразованное пространство (например, колония) консервативнее, чем материнское, первоосновное [Bartoli, Vidossi, 1943]. Эти выводы сейчас кажутся излишне категоричными, далеко не все из них подтвердилось, но проблема была обозначена как обшая для изучения языкового пространства.

Обращаясь к франкоязычному ареалу, отметим, что его «материнское» ядро составляют регионы Франции, франкоязычные зоны Швейцарии, Бельгии, севера Италии, где французский язык развивался естественным путем на основе народной латыни. В дальнейшем «первоосновное» пространство последовательно расширялось на страны и регионы Северной и Южной Америки, Африки, Юго-восточной Азии в контексте колонизации, проходившей в течение XVI–XIX вв. Зона распространения французского языка, сложившаяся к настоящему времени, представляет собой обширный ареал в Старой и Новой Романии (Европа/другие континенты). Конфигурация ареала имеет разорванный характер; можно условно говорить о четырех довольно компактных зонах: 1) северо-американской (Квебек, приморские провинции Канады, штат Луизиана в США); 2) европейской (Франция, регионы Бельгии, Швейцарии, Монако, отчасти Люксембург); 3) южной (страны Магриба и Африка к югу от Сахары); 4) восточной, имеющей островной характер (Юго-восточная Азия: Вьетнам, Лаос, Камбоджа).

Новые, периферийные зоны, с одной стороны, вступили во взаимодействие с центром, с другой — установили между собой многосторонние связи. Они предоставляют уникальный материал для исследований центробежных и центростремительных процессов, возникающих между территориями и миром над территориями, что в современных условиях особенно актуально. Разнонаправленные силы поддерживают неустойчивое равновесие, обеспечивающее относительную целостность франкоязычного ареала, хотя его распад на несколько частей в будущем теоретически не исключен. Подтверждение этому дает анализ языкового материала.

Лингвистического атласа франкофонного ареала не существует, но другие источники позволяют сделать интересные выводы. Так,

исследования текстов и записей устной речи, проведенные в том числе автором этих строк, с одной стороны, выявляют специфические черты французского языка территорий, отличающиеся от языка Парижа. Вполне ожидаемо, что среди них обозначения местных реалий, заимствованные из субстратных или адстратных языков и диалектов: *souk* — рынок в Тунисе (из арабского); *ouananiche* — пресноводный лосось, из языка коренных народов Квебека. Возможно изменение семантики общезападных слов под влиянием местных представлений. В Сенегале, например, слово *charlatan* не имеет отрицательной коннотации и обозначает лекаря, использующего средства народной медицины [подробнее Загрязкина, 2018: 78–84].

В то же время в различных частях франкоязычного ареала, расположенных на нескольких континентах, засвидетельствованы общие региональные явления и формы, отсутствующие в референтном французском языке. Часть сходных форм — архаизмов и диалектизмов — объясняется единым диалектным субстратом регионов Франции и Бельгии (валлонским, пикардским), Франции и Швейцарии (франкопровансальским). Многие из них были «вывезены» на новые территории и сохранены в местной французской речи Квебека, африканских стран, других регионов, например, старые формы числительных *septante*, *huitante*, *nonante* (70, 80, 90) вместо нормативных *soixante-dix*, *quatre-vingt(s)*, *quatre-vingt-dix*. Но есть и другая группа совпадений — инновации. Во-первых, это упрощения по аналогии (пример выравнивания парадигмы особого спряжения: *vous disez* вместо *vous dites*) и б) во-вторых, это дифференциация форм по аналогии: *bleu* — *bleuse* (как *heureux* — *heureuse*) [там же]. Последний пример иллюстрирует тенденцию к «новому синтетизму», в данном случае, восстановлению противопоставления по роду у прилагательных, утративших его в процессе исторического развития. И в том и в другом случае действует аналогия, но она действует в разных направлениях, что объясняется возможностями системы французского языка, которые шире, чем его норма, а также стремлением к аналогическому выравниванию форм при усвоении другого варианта языка.

Таким образом, периферийные франкоязычные ареалы имеют как консервативные, так и инновационные характеристики. Они частично совпадают с особенностями разговорного французского языка и просторечия внутри Франции. Все сказанное подтверждает единство языка не только в прошлом (архаизмы), но, как возможная перспектива, и в будущем (инновации). Между тем этот тезис разделяют не все исследователи.

Так, трактовки результатов ареального варьирования французского языка во французской и квебекской научных традициях различаются. Французские авторы акцентируют центростремительные тенденции, квебекские подчеркивают центробежные факторы. В квебекском научном сообществе раздаются голоса об отрыве от французского языка Франции, необходимости создания собственных «норм», собственном «квебекском языке», отражающем квебекскую, а не французскую идентичность [Cajolet-Laganière, Martel, 2008: 586]. Иными словами, речь идет о региональном центре, противопоставленном языку Парижа. Между тем представители французской школы отказывают квебекскому варианту в статусе языка и даже варианта языка. По мнению Г. Тюайона, типологической разницы между региональными особенностями французского языка внутри Франции и за ее пределами не существует — это «отдельные регионализмы» (*régionalismes*), не составляющие системы, только степень самоконтроля во Франции выше [Tuaille, 1983: 20]. За нюансами научных трактовок стоят разные представления о дальнейшей судьбе ареала: его разрыве или сохранении единства при всем многообразии вариантов.

Представления об особенностях своей речи имеют и «простые» говорящие, и этот фактор необходимо учитывать. Ф. Лаллеман считает, что в целях консолидации ареала необходимо укреплять чувство общей франкофонной идентичности, которое, как она полагает, существует [Lallement, 2018]. Между тем ситуация сложнее. Говорящие осознают различия — языковые и культурные; они их стратифицируют и оценивают свою речь как наиболее статусную, ассоциированную с «центром» (отсутствие регионализмов, положительная коннотация) или менее статусную, «периферийную» (наличие регионализмов, сниженная коннотация). Такой подход возник не сегодня. «Прошу извинить меня за грубый, неуклюжий и дикий язык, ведь я не из Парижа»⁸, — писал в XIII в. поэт Жан де Мён, родом из провинции Орлеана.

Сниженная самооценка, или чувство языковой и культурной нестабильности, получили название «лингвистической неуверенности» (*insécurité linguistique*, термин М. Гарсу, М. Франкара, В. Лине, см. подробнее [Невежина, 2017; 2022]). Чем ближе к Франции, тем регионализмы менее заметны, а чувство неуверенности выражено сильнее. Напротив, чем дальше от Франции, тем степень варьирования выше и отчетливее уверенность носителей в том, что они имеют право на различие. Как подчеркивает бельгиец Ж.-М. Кли-

⁸ *Goebel H. Verba volant, scripta manent. Revue de linguistique romane. Vol. 41. 1979. № 171–172. P. 353.*

кенберг, «Француз может сколько угодно высмеивать язык своего кузена с берегов реки Святого Лаврентия и его тяжелый акцент <...> квебекец говорит по-французски, потому что он этого очень хочет» [Klinkenberg, 2015: 149]. Вероятно, и как хочет.

Как отмечал еще диалектолог К. Яберг, интеграция языкового пространства поддерживается внутренними взаимосвязями составляющих его систем [Jaberg, 1936: 107]. Через полтора столетия философ Г. Башляр назвал главной функцией пространства «чисто связывающую функцию» [Башляр, 2000: 237]. Внутренние связи франкофонии имеют разную направленность — центробежную и центростремительную, что отражается на структуре ареала: кроме исторического центра (Франция), появились новообразованные (например, Квебек). И все же Франция, ее язык и культура, продолжают играть референтную роль на франкофонном пространстве и по-прежнему составляют ядро ареала. Ж.-М. Клинкенберг привел аналогию с Солнечной системой, в которой вокруг Франции-солнца (France-soleil, ср. Roi-soleil, король-Солнце) совершают движение страны и регионы, каждый по своей орбите, более близкой или более дальней [Klinkenberg, 2015: 124–128].

Установление границ ареала также представляет трудность, между тем это всегда считалось важнейшей задачей исследователя [Бородина, 1966: 5]. Уже в наше время франкоканадский автор А. Дорион подчеркнул роль границы в формировании идентичности: «... границы сплачивают идентичности, иногда они их изменяют и даже создают» [Dorion 2006: 44]. Вопрос, однако, осложняется тем, что границы франкоязычного ареала как лингвистического феномена размыты. Речь идет не только и не столько о том, что между странами и регионами пролегают тысячи километров, и они разделяются естественными преградами: горами, морями и даже океанами. Важно, что статус французского языка и степень его реального использования говорящими на разных территориях не одинаков: это может быть единственный официальный язык (Франция), один из официальных языков (Канада, Квебек); язык одной или нескольких сфер общения (Марокко, образование). Лингвистические границы столь неоднородного ареала можно установить только условно.

Подведем итоги.

Франкоязычное языковое пространство — обширный разорванный ареал, имеющий ядро, периферию, региональные центры, стертые границы. Он демонстрирует тенденцию к расширению, обладает относительной целостностью, которая поддерживается общими тенденциями развития составляющих его частей. Вопрос о том, ослабляется ли единство ареала по мере его расширения,

остаётся открытым. Среди других вопросов, требующих изучения — углубление пространственных исследований Новой Романии, все еще недостаточно изученной. Но это уже тема другой статьи.

Результаты проведенного исследования подтверждают важность рассмотрения фактов языка и культуры и многообразие факторов, поддерживающих или ослабляющих целостность ареала. Все эти вопросы важны для изучения наднациональных сообществ, сформированных на базе иных языков — романских и нероманских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиней М.* Лингвистический атлас Европы: первые 22 года // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 120–135.
2. *Башляр Г.* Новый рационализм. М., 2000.
3. *Бородина М.А.* Проблемы лингвистической географии: на материале диалектов французского языка. М.; Л., 1966.
4. Взаимодействие лингвистических ареалов / Под ред. М.А. Бородиной. Л., 1980.
5. *Десницкая А.В.* К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики // Ареальные исследования в языкознании и этнографии / Под ред. М.А. Бородиной. Л., 1977.
6. *Загрязкина Т.Ю.* Франция и франкофония: язык, общество, культура. 2-е изд. М., 2018.
7. *Невежина Е.А.* Франко-германское пограничье в Швейцарии: аксиологический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 108–119.
8. *Невежина Е.А.* Франкоязычный ареал Бельгии: динамика языковых процессов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 74–80.
9. *Bartoli M., Vidossi G.* Lineamenti di linguistica spaziale. Milano, 1943.
10. *Cajole-Laganière H., Martel P.* Un dictionnaire qui reflète notre identité culturelle / Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie // Dir. De M. Plourde et de P. Georgeault. Québec, 2008.
11. *Dorion H.* Eloge de la frontière. Montréal, 2006.
12. *Goebel H.* Du chemin parcouru en géolinguistique romane depuis Jules Gilliéron: une reconsidération critique à la lumière de la plus récente dialectométrie // Le XVII-e Congrès international de Linguistique et de Philologie romanes. Nancy, 2013. Programme. URL: https://accademiadellacrusca.it/sites/www.accademiadellacrusca.it/files/page/2013/07/10/cilpr2013_programme.pdf (дата обращения: 01.02.2023).
13. *Jaberg K.* Aspects géographiques du langage. Paris, 1936.
14. *Klinkenberg J.-M.* La langue dans la cité: Vivre et penser l'équité culturelle. Bruxelles, 2015.
15. *Lallement F.* Enseigner la Francophonie? Enseigner les francophonies. un essai d'analyse d'une injonction "complexe" // Recherches et applications — Le français dans le monde. Enseigner la Francophonie, enseigner les francophonies / Coord. Par F. Chnane-Davin, F. Lallement, V. Spaëth. 2018. Vol. 64 (Juillet). P. 42–54.
16. *Tuailion G.* La dialectologie // Les sciences du langage en France au XX-e siècle. 1991. Vol. 10. P. 395–448.
17. *Tuailion G.* Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. Klincksieck, 1983.

Tatiana Yu. Zagryazkina

**PROCESSES OF AREAL VARIATION OF ROMANCE
LANGUAGES AND CULTURES (ON THE EXAMPLE
OF THE FRENCH-SPEAKING SPACE)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana_zagr@mail.ru

Abstract: The article aims to study modern aspects of the variation of linguistic and cultural space and to clarify approaches to its study, using the example of the French-speaking space. The role of Romance studies in the development of the principles of spatial research, the establishment of spatial patterns, mapping and the creation of atlases is shown. It is proved that the peculiarity of the Romance school of areal studies is the increasing desire to reflect the connection of language and culture. Taking into account these features, it is established that the French-speaking space is a vast, fragmented area with a core and regional centers, showing a tendency to expand, having relative integrity, which is supported by the interconnections and development trends of its constituent zones. The question of whether the unity of the Francophone area is preserved or weakened as it expands requires further research. The results of the study confirm the immanent nature of variability as a property of language, the complexity of the relationship “center” — “periphery”, the role of borders in language and culture, the importance of self-esteem of speakers in maintaining the integrity of the area. These questions are important for studying not only the Francophone area, but also the areas of other supranational communities formed on the basis of other languages — Romance and non-Romance.

Key words: areal studies; Romance languages; francophone area; variation of language and culture; linguistic geography; linguistic continuum; linguistic atlases and maps; border phenomenon; center; periphery

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2023) Processes of areal variation of romance languages and cultures (on the example of the French-speaking space). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 56–67. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Yu. Zagryazkina — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; *tatiana_zagr@mail.ru*

REFERENCES

1. Alinei M. 1993. *Lingvisticheski atlas Yevropy: pervye 22 goda* [Linguistic atlas of Europe: first 22 years]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 120–135. (In Russ.)
2. Bachelard G. 2000. *Novyi ratsionalizm* [New rationalism]. Moscow. (In Russ.)

3. Borodina M.A. 1966. *Problemy lingvisticheskoi geografii: na materiale dialektov frantsuzskogo yazyka* [Problems of linguistic geography: on the material of dialects of the French language]. Moscow-Leningrad, Nauka. (In Russ.)
4. *Vzaimodeistvie lingvisticheskikh arealov* [Interaction of linguistic areas]. 1980. In M.A. Borodina. (ed.) Leningrad, Nauka, Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.)
5. Desnitskaya A.V. 1977. K voprosu o predmete i metodah areal'noi lingvistiki [To the question of subject and methods of areal linguistics]. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Areal studies in linguistics and ethnography]. In M.A. Borodina. (ed.) Leningrad, Nauka, Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Yu. 2018. *Frantsiya I frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura* [France and Francophonie: language, society, culture]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2 ed. (In Russ.)
7. Klinkenberg J.-M. 2015. *La langue dans la cité: Vivre et penser l'équité culturelle*. Bruxelles, Les impressions nouvelles. (In French)
8. Nevezhina E.A. 2022. Franko-germanskoye pogranič'ye v Shveysarii: aksiologicheskii aspekt [Franco-German Borderlands in Switzerland: Axiological Aspect]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 108–119. (In Russ.)
9. Nevezhina E.A. 2018. Frankoyazychnyi areal Bel'gii: dinamika yazykovykh protsessov [French-speaking area of Belgium: dynamics of linguistic processes]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 74–80. (In Russ.)
10. Bartoli M., Vidossi G. 1943. *Lineamenti di linguistica spaziale*. Milano, Edizioni "Le lingue estere". (In Italian)
11. Cajolet-Laganière H., Martel P. 2008. *Un dictionnaire qui reflète notre identité culturelle. / Le français au Québec : 400 ans d'histoire et de vie*. In M. Plourde, P. Georgeault (dir.). Québec, FIDES. (In French)
12. Dorion H. 2006. *Eloge de la frontière*. Montréal. (In French)
13. Goebel H. *Du chemin parcouru en géolinguistique romane depuis Jules Gilliéron : une reconsidération critique à la lumière de la plus récente dialectométrie*. Le XVII-e Congrès international de Linguistique et de Philologie romanes. Nancy, 2013. Programme. URL: https://accademiadellacrusca.it/sites/www.accademiadellacrusca.it/files/page/2013/07/10/cilpr2013_programme.pdf (accessed: 01.02.2023). (In French)
14. Jaberg K. 1936. *Aspects géographiques du langage*. Paris. (In French)
15. Lallement F. 2018. *Enseigner la Francophonie? Enseigner les francophonies. un essai d'analyse d'une injonction "complexe"*. Recherches et applications — Le français dans le monde. Enseigner la Francophonie, enseigner les francophonies. Coord. Par F. Chnane-Davin, F. Lallement, V. Spaëth, no. 64 (Juillet), pp. 42–54. (In French)
16. Tuaille G. 1991. *La dialectologie. Les sciences du langage en France au XX-e siècle*, no.10, pp. 395–448. (In French)
17. Tuaille G. 1983. *Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois*. Paris, Klincksieck. (In French)

Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 17.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 17.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

Д.А. Шевлякова

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ИТАЛЬЯНСКИХ ВИН В НАЧАЛЕ XXI в.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; scevliakova@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию принципов номинации в сфере винодельческого производства Италии за период 2018–2022 гг., а именно — выявлению ономастического сдвига относительно традиционных принципов именования классических марочных вин Италии в XIX–XX вв. Методом сплошной выборки с сайтов производителей вина и блога маркетологов винодельческой продукции единицы исследования были проанализированы с точки зрения лингвокогнитивных критериев, которыми, предположительно, руководствовались производители вина, выбирая нетрадиционные и новаторские названия для вин и шампанских. В статье также выявляются словообразовательные модели прагматонимов винодельческой сферы и иерархия коммуникативных функций. Особое внимание уделяется актуализации ассоциативно-коннотативного ряда при формировании названия вин.

Ключевые слова: прагматонимы; вина Италии; виноделие Италии; названия итальянских вин; наименования итальянских вин; винные этикетки; итальянская национальная идентичность

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-05

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Шевлякова Д.А. Принципы номинации итальянских вин в начале XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 68–78.

Винодельческие традиции Италии представляют собой плодотворную сферу для изучения механизмов сохранения и передачи культурной памяти нации. Вино является не только компонентом гастрономической системы, но также важным элементом социальной и идеологической подсистем культуры (в терминологии Л. Уайта). Названия прославленных итальянских вин — «Кьянти», «Бароло», «Вальполичелла», «Просекко» — такие же признанные символы национальной идентичности, как и Колизей, Пизанская башня, ве-

Шевлякова Дарья Александровна — доктор культурологии, профессор кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; scevliakova@mail.ru

нецианские гондолы, итальянская опера, пицца и эспрессо. Поэтому по наименованиям итальянских вин последнего десятилетия можно в первом приближении выявить и «прочитать» некоторые тенденции в изменении национальных нарративов: «Ономастикон представляет своего рода верхний слой культуры, слой, доступный для прочтения. Ведь по картине или фотографии не всегда можно определить место или объект, особенно если раньше никогда его не видели, имя (название картины) дает ключ к разгадке» [Робустова, 2018: 33].

Актуальность настоящего исследования обусловлена значительной сменой ономастикона в области итальянского виноделия в начале XXI в. по сравнению с традицией именованья вин XIX–XX вв. Семантический сдвиг в наименованиях вин может быть ценным свидетельством об изменениях в маркетинге и, более в общем, — в ценностной картине нации, так как отвечает на вопросы: «Что является значимым в национальной материальной культуре, в частности, в винной промышленности? Какие концепции можно упаковать в коммерческую упаковку и назвать именем (торговым знаком), которое выразит эти ценности?»

Для выявления новых тенденций в принципах наименования итальянской винной продукции методом сплошной и репрезентативной выборки были проанализированы 427 названий новых вин, появившихся на рынке сбыта в последние пять лет (2018–2022). В качестве источника информации о новых винах были взяты публикации итальянского блога профессиональных маркетологов винной продукции и упаковки “Il nome del vino” — *Имя вина*, в котором скрупулезно по годам анализируются упаковка, этикетка, контрэтикетка и кольеретка винных новинок, а также официальные информационные ресурсы винодельческих компаний, производителей анализируемых вин.

Цель статьи — выявить новые принципы наименований вина в начале XX в. относительно традиционных способов коммерческой номинации, бытовавших на протяжении XIX–XX вв. в итальянском виноделии. Задачи статьи: 1) определить место наименований вина в системе онимов; 2) дать описание традиционных принципов номинации вина в Италии XIX–XX вв.; 3) выявить новые принципы наименований вин, рассмотреть основные лингвокогнитивные механизмы формирования винных прагматонимов; 4) выстроить иерархию коммуникативных функций наименований вина.

Название вина — это его имя собственное (ИС), являющееся коммерческим наименованием (торговым знаком). Этикетка на бутылке является основной формой коммуникации производителя с потребителем, с помощью этикетки вино презентуется по визуаль-

ному и вербальному коммуникативным каналам, но именно название является квинтэссенцией коммерческой (и имплицитно — ценностной) интенции производителя.

Название вина — особый тип торгового знака, который в итальянской лингвистической традиции определяется как «эноним», наименование вина, согласно терминологии лингвиста А. Галковского [Gałkowski, 2010: 605]. В российской научной традиции, однако, данный термин не получил распространения, поэтому в статье будет использовано понятие «наименование вина» или более общий термин — прагматоним (прагмоним). Под прагматонимом обычно понимается «номен для обозначения сорта, марки, товарного знака» [Подольская, 1978: 81].

Специфика прагматонимов заключается в том, что они: 1) «маркируют» серию однородных объектов, определяя как отдельный элемент ряда, так и всю серию в целом; 2) функционируют в сфере производства и торговли, что предполагает наличие аттрактивной (рекламной) функций [Исангузина, 2008: 990]. Прагматонимы — ключевые знаки рекламного дискурса: они воздействуют на потребителя на когнитивном уровне. В рекламном пространстве они передают смысл во взаимодействии с визуальным коммуникативным модусом (шрифты, цветовая гамма, графические символы, рисунки, фотографии и т.п.), т.е. выступают как мультимодальные комплексы [Омельяненко, 2018]. Прагматонимы, будучи особыми единицами «рекламного» языка, выполняют следующие функции: дифференцирующую, информативную, охранную, гарантийную и психологическую; сверхфункция остается аттрактивной, рекламной [Исангузина, 2008: 991]. Однако, на наш взгляд, следует в дальнейшем более подробно изучить функциональные сферы прагматонимов, так как, являясь ИС, они могут помимо «когнитивной и коммуникативной» раскрываться в функциях «аффективной, знаковой, идентифицирующей, игровой, оценочной, парольной, прагматической, характеризующей, экспрессивной, апеллятивной, иконической, имплицитивной, индексальной, индивидуализирующей» [Робустова, Манченкова, 2021: 32].

Как правило, наименования большинства европейских вин (итальянские вина — не исключение) восходят к топонимам, относящимся к винодельческим областям и районам (например, районы виноделия Barolo, Chianti, Valpolicella в Италии одновременно являются наименованием марочных вин), — это первый, самый традиционный и продуктивный принцип номинации винодельческой продукции. Среди вин без маркированного в названии места происхождения выделяют так называемые сортовые вина, наименования которых указывают на моносорт или преобладающий сорт исполь-

зуемого винограда (например, «Каберне», «Шардоне» или «Мерло»), — это второй традиционный способ номинации вин. Третий традиционный способ представляет собой синтез двух предыдущих: указывается как сорт винограда, так и местность, в которой произрастает винодельческая культура, например, “Amarone di Valpolicella”, в котором “Amarone” — сорт винограда, а Valpolicella — название винодельческого района [Gilardoni, 2017: 120]. Очевидная связь между вином и территорией произрастания виноградника определяет и основную направленность в маркетинге вина в европейской и, в частности, итальянской традиции виноделия — классические марочные вина будут иметь топонимические, сортовые или сортово-топонимические названия. В качестве подтверждения достаточно проанализировать наименования 78 итальянских марочных вин DOCG (данные на январь 2023 г.): 36 названий будут иметь оттопонимическую номинацию, 38 названий — номинацию «сорт винограда + топоним», одно наименование — «сорт винограда», три наименования — другие принципы номинации.

Традиционные (территориальные или сортовые) наименования вина в маркетинге обусловлены как гарантией достоверности данных, так и стремлением завоевать доверие потребителя. Потребитель, не будучи экспертом-сомелье, ориентируется при покупке на исторически проверенную территорию происхождения вина или на определенный сорт винограда. Менее частотными, но более интересными с семантической точки зрения являются другие способы наименования, которые либо идентифицируют производственные методы виноделия и виноградарства, либо связаны с культурно-историческими особенностями области или винодельческой компании: 1) микротопонимы-названия виноградников (“San Lorenzo Rosso Conero”) или винодельческих хозяйств (“Nozzole”); 2) оттопонимические производные (“Torveto” — составной оним от ойконимов Torgiano и Orvieto, “Nato in Sicilia” — *Рожденный в Сицилии*); 3) природная среда или рельеф территории (“Cipressi” — *Кипарисы*, “Ghiaie della Furba” — *Гравий на реке Фурба*); 4) технологии или характеристика процессов виноделия (“Elogio alla Lentezza” — *Восхваление медлительности*, “Zerolegno” — *Нулевое дерево* (не выдерживается в деревянных бочках) и виноградарства (“Carovolto” — *Перевернутый* (лоза растет сверху вниз)); 5) антропонимы с мифологическими, религиозными и литературными коннотациями (“San Giorgio” — *Св. Георгий*, “Dionisio” — *Дионис*, “Tancredi” — *Танкред*); 6) антропонимы, микротопонимы и другие слова, связанные с историей семьи и винодельческой компании (“Villa Antinori” — *Вилла (маркизов) Антинори*, “Nozze d’Oro” — *Золотая свадьба*); 7) органолептические характеристики и цвет вина (“Rosso Puro” — *Красный*

чистый, “Aurente” — *Золотящийся*, “Brezza” — *Бриз*) [Gilardoni, 2017: 128–129].

Из исследованного материала (427 наименований новых итальянских вин и шампанских, вышедших в продажу в 2018–2022 гг.) в данной статье мы выделим только две категории номинации, которые не встречаются (или встречаются как исключения из правила) в традиционном наименовании итальянских вин XIX–XX вв.

Первая категория затрагивает технические характеристики вина (26 % от проанализированного корпуса), в основном, акцент будет сделан на «чистоте» и аутентичности продукта (отсутствие консервантов и биологическая подлинность). В качестве примеров мы рассмотрим лишь три интереснейших наименования, которые тоже информируют нас о чистоте продукта, но делают это через скрытую метафору, черпая производящие для ИС существительные из химической терминологии. Первый пример — шампанское “Rhodium” — *Родиум* (винодельческая компания “Slainozzi”, регион Трентино-Альто-Адидже). Игристые вина всегда занимали особое место в оппозиции повседневная/праздничная культура, коннотативно они связаны с праздником, элитарной культурой и привилегиями, в отличие от классических сухих вин, которые в Италии атрибутивно связаны с повседневностью. Недаром и упаковка шампанских вин всегда празднична и драгоценна, как и их названия. В данном случае винодельческая компания стремится к эффекту предельной привилегированности: «Родиум» — научное, химическое название родия, металла, еще более редкого и драгоценного, чем золото и платина. Кольеретка (этикетка, размещена на фольге на горлышке бутылки) подчеркивает «научную» атрибуцию вина химическим обозначением элемента родия — “Rh”. В качестве второго примера приведем белое вино “Ossigeno” — *Кислород* (производитель “Rob de Matt”, регион Кампания). Подобное название можно считать слишком смелым для вина, в технологии производства которого кислород является одним из самых страшных врагов качества конечного продукта. Под названием мелким шрифтом написано: «Произведено, чтобы искоренить явно неизлечимую печаль»: в химическом термине, неожиданно перешедшем в класс прагматонимов, авторы, скорее всего, хотели актуализировать сему «необходим (как воздух)». Второй актуализированный компонент значения «простота, без примесей» нам визуально подсказывает контрэтикетка: вверху мы видим три веселых пьяных лица с подписью: «Не более, чем виноград», — виноград такой же простой материал для вина, как и кислород для воздуха. Таким образом принцип номинации формально идет по техническим характеристикам, а на самом деле является метафорическим способом номинации.

Если «Родиум» и «Кислород» пришли как производящие имена из области химии, то вино “l’Afrodisiaco” — *Афродизиак* (винодельческая компания “Buglioni”, регион Венето) было взято прямо-таки из алхимии. Редкое красное пассито (сладкое вино из заизюмленного винограда) в своем именовании референтом имеет афродизиак — вещество (продукт питания), стимулирующее сексуальное возбуждение; существование таких веществ научно не доказано, но верования бытуют в коллективном сознании многих народов мира. Конечно, вино обладает растормаживающим эффектом, но совсем не обязательно сексуальным. Однако сама идея выпить сладкий и ароматный напиток, вызывающий страстное влечение и придающее силы в любовной игре, создает позитивный психологический эффект. Скорее всего, таково и было намерение маркетологов винодельни — предложить вино сладкое и соблазнительное не только по вкусу, но и по названию, намекающее на приятное завершение трапезы и «начало» другого типа вечера.

Новым, не встречавшимся в традиции номинации классических вин XX–XXI вв., будет и принцип номинации по предполагаемому эффекту от вина. Категория «предполагаемый эффект от вина» оказалась одной из самых частотных (32 %). Семантика названий будет, в основном, касаться предполагаемых приятных эмоциональных состояний человека, который будет пить данное вино, компонент значения «обещание приятного» будет обязательным. Так красное вино “Serenò” — *Спокойное* (производитель “Villa Santo Stefano”, регион Тоскана) передает стремление к внутреннему миру и гармонии. Второе значение прилагательного sereno — *ясный, безоблачный* — выступает как скрытый семантический фон, привнося коннотации с хорошей погодой, на фоне которого вызревает замечательный виноград. Наименование белого вина “Gioia” — *Радость* того же производителя не столь многозначно, зато несет более интенсивный эмоциональный заряд, кроме того, выражено существительным, которое всегда более «существенно», чем лишенное предметных референций качественное прилагательное.

Наименование игристого вина “Vitapiena” — *«Полная жизнь»* (производитель “Contesa vini”, регион Абрुцци) отсылает к образу жизни, полной удовольствий и празднования. Хотя жизнь в реальности, скорее, полна проблемами, заботами и огорчениями, но вот пожелания «полной жизни» обладает положительными коннотациями. Авторы блога “Il nome del vino” также трактуют значение наименования в русле пожелания: «Или, может быть, название указывает путь к “полноценной жизни” каждый день, а не только в праздники, с которыми ассоциируется обычно игристое вино» [ilnomedelvino.blogspot.com: электронный ресурс].

Положительным ассоциативно-коннотативным потенциалом обладает и название вина “Settimocielo” — *Седьмое небо* (винодельня “Settecapi”, регион Эмилия-Романья). В итальянском языке, как и в русском, существует идиома *essere al settimo cielo* — *быть на седьмом небе* (от счастья). Только в итальянском языке она носит ярко выраженные теологические коннотации. Этимология выражения восходит к средневековой схеме Рая, описанного Данте в «Божественной комедии»: согласно аристотелевско-птолемеевской космологической системе, Земля находится в центре Вселенной, окруженная девятью небесами. Первые семь небес — это сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, восьмое небо — сфера (остальных) звезд, девятое — кристальное небо, десятое — Эмпирей, где обитает Бог. Из этих десяти небес только первые семь были доступны человеку, поэтому седьмое небо представляет высший уровень достижения человеческой радости, которое и обещает легковерному потребителю название вина.

Следующее наименование вина “Allegracore” — *(оно) Радует сердце* (производитель “Fattorie Romeo del Castello”, Сицилия) интересно многозначностью производящей синтагмы. Во-первых, мы имеем дело с оттопонимической трансонимизацией, где производящей основной будет микротопоним: Allegracore — это район расположения виноградников, дающих сырье для вина “Allegracore”; он находится на склонах культового сицилийского вулкана Этна, откуда открывается с высоты 700 м захватывающий вид на буколический пейзаж. Получается, с одной стороны, индексальное наименование, так как оно указывает на место производства вина, но второй компонент значения формируется по метонимическому принципу причинно-производственной связи (виноградник-виноград-виноделие-вино), а коннотативно отсылает к красоте панорамы со склонов Этны. Таким образом, наименование вина явно информативно и скрыто — суггестивно.

Отдельно в категории «Эффект от вина» хотелось бы рассмотреть два примера парадоксального наименования. Название белого вина “Dossia fredda” — *Холодный душ* (винодельня “Controvento”, регион Абруцци) — производитель на сайте объясняет «свежестью» напитка, «который выпивается на одном дыхании» и обещает эффект приятной прохлады, как от холодного душа в жару. Действительно, в жару в Италии предпочитают белые вина даже с теми блюдами, для которых обычно выбирают красные вина, так как последние способствуют выработке красных кровяных телец и благотворному согреванию крови. Для визуального подтверждения эффекта прохлады на этикетке изображена женская фигура на пляже (в купальнике 1960-х годов), которая собирается воспользоваться душем из

бочки, и, судя по форме бочки, в ней находится отнюдь не вода. Следует отметить, что женщина изображена в кокетливых туфельках на каблучках, не подходящих для песка и пляжа. Безраздельно царит вымысел, мы находимся в области грез, иллюзий, приятных нарративов отдыха и игривого настроения. Коммерческое название и этикетка выполняют свою аттрактивную функцию, привлекая внимание потенциального потребителя в момент принятия решения о покупке.

Прохладу обещает и название-оксюморон белого игристого вина “Brina d’Estate” — *Летний иней* (винодельня “Tenuta di Aljano”, регион Эмилия). Для расшифровки механизма кодирования названий стоит обратиться к лингвокогнитологии. Профессор Г.Г. Молчанова следующим образом объясняет механизм когнитивного диссонанса: «Непонимание адресата требует переключить наше внимание на другой результат, более уместный и успешный, а для этого необходимо кардинально поменять акценты — т.е. поместить наше восприятие в новый фрейм. Рефрейминг, или смена фрейма, обозначает помещение какого-либо образа или переживания в новый фрейм. <...> Тип контекстуального рефрейминга в таком случае зачастую принимает форму так называемого бокового смещения, т.е. использования метафор и аналогий. Паттерном аналогии в нейролингвистическом программировании называется попытка установить взаимосвязь, аналогичную определяемой в некотором обобщении. Такая взаимосвязь открывает новые подтексты этого обобщения при помощи абдуктивного (метафорического) мышления, противопоставляемого индуктивному (объединение) и дедуктивному (разделение). Абдуктивное мышление предполагает творческий подход и в конечном итоге дает возможность открывать более глубокие истины» [Молчанова, 2018: 12–13]. Рефрейминг контекста в наименовании вина «Холодный душ» связан с отрицательным значением производящей для ИС идиомы «холодный душ» (нечто неожиданное, неприятное, отрезвляющее), помещенная в контекст перегретого жаркого пляжа, она приобретает положительные коннотации. В случае вина «Летний иней» производитель обещает природное явление, невозможное в действительности, но страстно желаемое жарким летом, и выполняет невысказанное желание клиента метафорически, в названии вина, которое сулит неожиданный эффект прохлады, мы опять находимся в области грез и воображения.

Подводя итоги статьи, хотелось бы выделить следующие положения. В 2020-х годах в сфере номинации итальянских вин происходит ономастический сдвиг, помимо традиционных способов оттопонимическо-сортового и атрибутивного значения, бытовавших ранее, появляются новые. В статье мы выделили лишь два принци-

па номинации вин. В первой номинативной категории «Технические характеристики вина» лидирует гарантийная функция — производители заверяют покупателя, что процесс выдержан по строгим требованиям современных технологий и состав вина технически безупречен, «научно» выверен. Соответственно, деривационной базой для наименования вин зачастую будут выступать научные (химические) термины, которые могут не иметь никакого отношения к составу вина («Кислород», «Родий», «Афродизиак»), в этом случае функция дифференциации продукта будет раскрываться и усиливаться гарантийной, характеризующей, экспрессивной, даже игровой и парольными функциями за счет отчетливой внутренней формы ИС. Лингвокогнитивный механизм образования прагматонима кажется терминологическим, но на самом деле, является метафорическим.

Во второй номинативной категории «Эффект от вина» авторы рассчитывают на способность имени вызывать положительные эмоции и таким образом стимулировать потребителя к покупке. Приветствуется игра слов, зачастую основанная на парадоксе с механизмом рефрейминга образа. В качестве номинативной модели выступает переход прилагательного, нарицательного существительного или словосочетания в ИС; наблюдается предпочтение существительных в качестве деривационной базы в ущерб прилагательному. Особенно этот номинативный перекокс заметен в словообразовательной модели сложения основ существительного и прилагательного, где графически зафиксировано слитное написание («Полная жизнь», «Седьмое небо»), — существительное как бы «поглощает», вбирает в себя семантику прилагательного, чтобы при переходе в класс ИС максимально являть собой сущность, предмет. Информативная функция ИС в обоих типах номинации стремится к нулю: ни о реальных качествах вина, ни о месте произрастания, ни о технологиях производства покупатель сведений не получает, зато усиливается воображение, чему очень способствует стимуляция абдуктивного (метафорического) мышления.

Что говорит нам исследованный материал о «ценностях на продажу» в национальном профессиональном сообществе виноделов Италии? Позиционируются две концепции: высокотехнологичное, научно выверенное и поэтому эксклюзивное качество итальянского вина, которое обещает «спокойную радость» потребителю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Исангузина И.И.* Прагматонимы в ономастическом пространстве: семантический, лингвокультурологический и синтаксический аспекты (на примере на-

- званий кондитерских изделий) // Вестн. Башкирского ун-та. 2008. Т. 13. № 4. С. 990–993.
2. Молчанова Г.Г. Когнитивный диссонанс как транзакционный прием построения урбанонима // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 8–16.
 3. Омеляненко В.А. Отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в российской рекламе // Вестн. Российского ун-та. дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 712–728.
 4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
 5. Робустова В.В. Названия игрушечной продукции как маркер трансформации современной социокультурной среды // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 31–38.
 6. Робустова В.В., Манченкова А.И. Репрезентирующая функция имен собственных // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 32–41.
 7. Galkowski A. Problemi di terminologia onomastica. Contributi per un dibattito // Rivista italiana di onomastica. 2010. № 16. P. 604–624.
 8. Gilardoni S. I nomi dei vini italiani. Tra denominazioni di origine, marchi aziendali e marchi di prodotto // Lingue e Linguaggi. 2017. № 22. P. 113–136.

Daria A. Shevliakova

PRINCIPLES OF NAMING ITALIAN WINES IN THE 21ST CENTURY

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sjevliakova@mail.ru

Abstract: The article discusses the principles of nomination in the field of Italian wine production for the period 2018–2022, the identification of an onomastic shift relative to the traditional principles of naming classic vintage wines in Italy in the 19th–20th centuries. Using the method of continuous sampling from the websites of wine producers and the blog of wine marketers, the units of the study were analyzed in terms of linguistic-cognitive criteria that guided wine producers when choosing non-traditional and innovative names for wines and champagnes. The article also reveals word-formation models of pragmatonyms in the wine-making sphere and a hierarchy of communicative functions. Particular attention is paid to the actualization of the associative-connotative series when forming the names of wines.

Key words: pragmatonyms; wines of Italy; winemaking in Italy; names of Italian wines; wine labels; Italian national identity

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Shevliakova D.A. (2023) Principles of naming Italian wines in the 21st century. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 68–78. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Daria A. Shevliakova — Dr. Habil. In Culturology, Professor, Head of the Department of Italian of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; scevliakova@mail.ru

REFERENCES

1. Gałkowski A. 2010. Problemi di terminologia onomastica. Contributi per un dibattito [Onomastics terminology problems. Contributions for a debate]. *Italian journal of onomastics*, no. 16, pp. 604–624. (In Italian).
2. Gilardoni S. 2017. I nomi dei vini italiani. Tra denominazioni di origine, marchi aziendali e marchi di prodotto [The names of Italian wines. Among denominations of origin, company brands and product brands]. *Languages and special languages*, no. 22, pp. 113–136. (In Italian).
3. Isanguzina I.I. 2008. Pragmatonimy v onomasticheskom prostranstve: semanticheskiy, lingvokul'turologicheskii i sintaksicheskii aspekty (na primere nazvaniy konditerskikh izdeliy) [Pragmatonyms in Onomastic Space: Semantic, Linguocultural and Syntactic Aspects (on the Example of Confectionery Names)]. *Bashkir University Bulletin*, v. 13, no. 4, pp. 990–993. (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnyy dissonans kak transaktsionnyy priyem postroyeniya urbanonima [Cognitive dissonance as a transactional technique for constructing an urbanonym]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 8–16. (In Russ.)
5. Omelyanenko V.A. 2018. Otonimnyye pragmatonimy s natsional'no-kul'turnym komponentom v rossiyskoy reklame [Otonymic Pragmatonyms with a National-Cultural Component in Russian Advertising]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, v. 9, no. 3, pp. 712–728. (In Russ.)
6. Podolskaya N.V. 1978. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Robustova V.V. 2018. Nazvaniya igrushechnoy produktsii kak marker transformatsii sovremennoy sotsiokul'turnoy sredy [Names of toy products as a marker of the transformation of the modern socio-cultural environment]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 31–38. (In Russ.)
8. Robustova V.V., Manchenkova A.I. 2021. Reprezentiruyushchaya funktsiya imen sobstvennykh [Representing Function of Proper Names]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no.1, pp. 32–41. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 17.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 17.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И РКИ

А.В. Павловская

МЕСТО И РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; annapavl@mail.ru*

Аннотация: Иностранные языки всегда занимали заметное место в России и русской культуре. Несмотря на кажущуюся отрезанность от внешнего мира, Россия во все времена была тесно с этим миром связана. И не только закономерными торговыми и политическими отношениями, но и духовными, и культурными связями. Первым значительным поводом для распространения иностранных языков в обществе стало принятие христианства, принесшее не только новую веру, но и греческий язык вместе с богословскими книгами. Вся последующая история становления и развития страны, все ключевые исторические эпохи и события в России тем или иным образом связаны с проблемой внешним миром, в первую очередь, с европейским — даже в тех случаях, достаточно нередких в русской истории, когда этот мир отвергался, критиковался и считался неизбежным злом, от которого предпочтительно было отгородиться каким-нибудь занавесом. С течением времени все новые иностранные языки распространялись в обществе, иногда даже вступая в борьбу: латинский с греческим на богословском поприще, немецкий с французским на политическом, французский с английским на литературном. В отдельные исторические периоды, например, в первой половине XIX в., иностранные языки даже потеснили родной в определенной общественной среде, стали поводом для волнений относительно потери национальной идентичности. А порой, как в советское время, приобретали статус «мертвых», становясь исключительно данью традиции и средством для чтения. Однако всегда сохраняли свою важную роль, открывая русскому человеку новые горизонты и связывая его с окружающим миром.

Ключевые слова: русская культура; межкультурная коммуникация; история образования; национальные менталитеты; взаимодействие культур; иностранные языки

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-06

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annapavl@mail.ru

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. Место и роль иностранных языков в русской культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 79–91.

Изучению иностранных языков придавалось особое значение с самого начала распространения книжности и знания в Древней Руси. Можно сказать, что вера, книга и иностранный язык появляются практически одновременно с крещением Руси. Н.М. Карамзин писал о том, что в этот начальный период «знание Еллинского языка составляло ученость...» [Карамзин, 1993: 220]. Подобная ситуация сохранялась в России удивительно долго: первый, базовый, этап образования — овладение грамотой для чтения, а следующий, высший, — иностранным языкам для чтения же. Длительное время понятие «образованный человек» включало две главные составляющие — начитанность и знание языков, причем чем большим количеством и чем свободнее владел ими человек, тем он считался образованнее. Понадобилось много веков, чтобы понятие образования расширилось и русское общество стало относиться к иностранному языку как к орудию познания, а не самоцели [Бельчиков, 2007; Раевская, 2006; Тер-Минасова, 2016].

На протяжении всей российской истории иностранный язык был неразрывно связан с книгой. Безусловно, важнейшим стимулом стало развитие международных контактов — дипломатических, политических, культурных — и, конечно, торговли. И все-таки главным поводом для овладения языками для русского человека являлась книга. Первоначально в течение длительного времени это были преимущественно книги духовного содержания, и язык изучался прежде всего греческий, позже книги научные и практические, что привело к распространению латинского и немецкого, затем романы и моды наводнили страну французским, наконец в XX в. литература на английском языке связала Россию с окружающим миром.

В самом начале XVIII в. И.Т. Посошков знаменитое «Завещание отеческое» открывает следующим советом: «В начале отрочества своего, сыне мой, паче всех наук прилежи книжному научению, не только славянскому одному, но и греческому или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польском языке много таковых книг есть, кои у нас на славянском языке не обретаются...» [Посошков, 1985: 64]. Язык в первую очередь для чтения, а не для общения главенствовал в России, и одной из важнейших причин популярности

иностранных языков в стране можно считать любовь и уважение к книге.

Другой причиной можно считать присущий русской культуре интерес к внешнему миру, стремление узнать и понять его. Географическая удаленность России, в определенные (достаточно многочисленные) периоды политическая закрытость и практически всегда внутренняя изоляция, психологическая, т.е. основанная в большей степени на ощущении, чем на реальности, делали языки и книги на языках главными проводниками в другие миры и культуры. В России даже сложился интересный феномен: люди, никогда не покидавшие своего кабинета, могли знать окружающий мир лучше любого профессионального дипломата или путешественника. Еще в поучении Владимира Мономаха говорится о том, что отец его выучил пять языков «дома сидя»¹. Ключевский приводит историю из русской жизни конца XVIII в. о графе Бутурлине, который удивил приезжего француза детальным знанием Парижа, его улиц, гостиниц, театров и памятников. Удивление приезжего гостя перешло в потрясение, когда оказалось, что сам граф там никогда не был, а все свои обширные познания почерпнул из книг [Ключевский, 1990, 5: 159].

В советский период, когда о реальных поездках за рубеж для простых граждан речи практически не шло, многие прекрасно знали порой самые отдаленные уголки земли, только чаще всего это был не современный реальный город Лондон, а Лондон Шерлока Холмса, или Париж трех мушкетеров, или Латинская Америка Жюль Верна. Так, на протяжении всей российской истории книги и иностранные языки знакомили с окружающим миром не хуже длительных, утомительных и дорогостоящих путешествий, к тому же не всегда практически осуществимых по разного рода причинам.

Интерес к окружающему миру отмечался в самых разных слоях общества, новости внешнего мира вызывали всегда чуть ли не больший интерес, чем внутренние. Карамзин рассказывает в очерке с характерным названием «О книжной торговле и любви к чтению в России» (1802): «Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров... теперь расходится московских около 6000: без сомнения, еще мало, когда мы вообразим величие империи, но много в сравнении с прежним расходом; и едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные

¹ Поучение Владимира Мономаха. Памятники литературы Древней Руси. XI — начала XII века. М., 1979. С. 401.

люди подписываются; и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель!* Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут “Московские ведомости”, хотя четверо не знают грамоте; но пятый разбирает буквы, а другие слушают”². Подобного рода интерес очень показателен, хотя, конечно, и не предполагает распространения знания иностранных языков во всех слоях общества.

Профессор Московского университета, педагог, бывший одно время директором Благородного университетского пансиона, а также возглавлявший Общество любителей российской словесности, А.А. Прокопович-Антонский (1763–1848) писал о причинах, по которым необходимо знать иностранные языки: «Важнейшая польза, какую доставляет нам память, состоит в изучении языков. Чем мы им не обязаны? Они обогащают нас многими высокими, тонкими, прекрасными мыслями, кои в переводах или обезображиваются, или совсем пропадают; они делают нас гражданами всего мира, способствуют распространению торговли, знакомят нас с отдаленнейшими народами и приводят в состояние судить о совершенстве и недостатках их установлений, обычаев, правления, политики, наук, художеств» [Прокопович-Антонский, 1985: 352].

А.С. Пушкин писал: «Переводчики — почтовые лошади просвещения» [Пушкин, 1947: 179], подчеркивая значение иностранных языков в распространении знаний, в образовательном процессе. Он же, кстати, отмечал, что языки — только средство познания мира, и считал, что количество отведенных на них часов в учебных заведениях слишком велико, освоение их должно идти в раннем детстве, наряду с родным, чтобы к школьному возрасту ребенок был уже готов пользоваться ими, а не тратить время на их изучение.

Вместе с тем в различные периоды наряду с полезностью изучения соседствовала мысль о необходимости с осторожностью относиться к знанию иностранных языков, не делать этого в ущерб собственному языку и культуре. Увлекающаяся русская натура порой брала верх над благоразумием: книги, как отмечалось, становились объектом страсти, а иностранные языки вытесняли родной. Задолго до того, как дворянское общество заговорило свободно и повсеместно по-французски, да так, что Пушкину пришлось «переводить» на русский язык письмо провинциальной девушки, В.Н. Татищев предупреждал, что изучать иностранные языки нужно, «дабы мы других... народов разуметь и им наше мнение

² Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 322.

объявить могли: но сие полезно токмо, когда правильно употребляемо; безрассудное же употребление, т.е. примешивание иноязычных слов в свой язык, вредительно, как то видим многих наибольшею частью неразумных и неученых от хвастовства и нерассудности не токмо в разговорах, но в письмах весьма странные слова употребляют... а для чего, того сами сказать не умеют, кроме хвастанья, что умеет чужое слово выговорить...» [Татищев, 1985: 78].

К тому же, открывая окно в другие миры, языки и книги давали возможность проникновения в русское общество не всегда понятных, а порой откровенно чуждых идей. Неслучайно вопросы образования и изучения иностранных языков всегда волновали духовенство. Только греческий язык до определенного времени оставался вне подозрений, латинский же мог принести с собой религиозные сомнения, французский — моральное разложение и атеизм, немецкий — подрыв государственных начал.

Однако чаще всего преобладало отношение к изучению иностранных языков как важному и жизненно необходимому элементу познания окружающего мира, неотъемлемой составляющей образования. Характерно высказывание преподобного Серафима Саровского, ответившего на вопрос помещика Богданова, надо ли учить детей иностранным языкам и наукам: «Чего же худого знать что-нибудь?» [Зырянов, 1999: 125].

Итак, с появлением на Руси в X–XII вв. книг и рукописей на иностранных языках возникает и необходимость их изучения. Естественно, что в первую очередь изучался греческий язык: связи с Византией, и не только духовные, были наиважнейшими для того периода. С XV в. оспаривать первенство греческого все активнее начинает латинский язык. Падение Константинополя, усложнившее отношения с христианским Востоком, все более активные контакты с Западной Европой, возникновение книгопечатания и, как следствие, увеличение книжного потока привели к все более активному проникновению литературы на латыни, прежде всего из Германии. К тому же латинский язык был проще греческого, о котором Максим Грек писал: «Еллинский языкъ, сиречь греческий, зело есть хитрейший; не всякъ сие удобь можетъ достигнути силы его до конца, аще не многа лета просидель кто будет у нарочитых учителей, и той аще будет грекъ родомъ и умомъ остеръ, еще же и охочъ; а точию не таковъ — учится убо отчасти, а в совершение его не дошелъ» [Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия, 1998: 15].

Создание Посольского приказа в 1549 г. и то ведущее место, которое он занял в системе государственного управления времен Ивана Грозного, наряду с все более активным расширением и увеличением контактов с Европой, безусловно привели к тому, что

государство стало остро нуждаться в переводчиках для международного общения. Известно, что Борис Годунов пытался организовать школы для обучения русских людей иностранным языкам. Интересно, что этому воспротивилось духовенство, которое, как пишет С.М. Соловьев, «говорило, что обширная страна их едина по религии, нравам и языку; будет много языков, встанет смута в земле» [Соловьев, 1993, кн. 4: 373]. Характерна сама постановка вопроса: религия, нравы и иностранные языки выступают здесь в неразрывной связке, затронешь одно, непременно пострадает и другое. Борис Годунов все-таки попытался осуществить задачу обучения русских молодых людей иностранным языкам, отправив специально отобранных боярских детей за границу, однако результат этой кампании оказался неутешительным — выучившие языки молодые люди домой не вернулись. Иностранные языки в этот период по-прежнему оставались привилегией книжников и употреблялись чаще всего для чтения книг и их переводов на русский.

Заметные перемены произошли в XVII в. Растет число людей, владеющих иностранными языками, увеличивается набор самих языков, кроме традиционных латинского и греческого, распространяются в России и другие, расширяются возможности получения знания языков, открываются учебные заведения для обучения им.

С середины XVII в. начинает активно проникать в русское общество английский язык. Так, до нашего времени дошла рукопись, принадлежавшая ярославскому посадскому человеку, содержащая записанную им английскую азбуку, англо-русский словарик и разговорник, что говорит об интересе к иностранным языкам среди городского населения, занимавшегося, видимо, торговлей с иностранцами. Один из наиболее ранних переводов с английского языка относится к первой четверти XVII в. — это «Землемерные книги». Знания о стране «ангилийских немцев» распространялись в России вместе с языком. В середине века в русском источнике мы встречаем следующее описание жителей далекого острова, составленное явно русским «англофилом»: «Английские люди доброобразны, веселоваты, телом белы, очи имеют светлы, во всем изрядны, подобны итальяном. Житие их во нравах и обычаех чинно и стройно, ни в чем их похулити невозможно. Воинскому чину искусны, храбры и мужественны, против всякого недруга безо всякого размышления стоят крепко, не скрывая лица своего. Морскому плаванью паче иных государств зело искусны, пища их большая статья от мяс, ествы прохладные, пива добрые, и в иные страны оттоле пивы идут. Платье носят с французского обычая. Жены их красовиты, платье носят по своему обычаю...» [Алексеев, 1982: 49]. Этаким благостный панегирик стране, в которой сам автор вряд ли был, но

мнение о которой составил по европейским книгам и возможным встречам с англичанами в Москве (напомним, что за сто лет до этого была учреждена и активно функционировала английская торговая компания в Москве).

В рассматриваемый период увеличивается поток иностранцев в Россию, многие приезжают на службу к московскому государю, «на ловлю счастья и чинов», другие едут по заданию своих правительств собирать данные о все набирающей силу и международный вес державе, кто-то приезжает из обыкновенного любопытства, с познавательными целями. Некоторые из приехавших нанимаются для заработка учителями в богатые семьи, обучая детей, главным образом, языкам, которыми сами владеют.

Создание Славяно-греко-латинской академии в 1680-е годы подняло преподавание иностранных языков на новый уровень. Открытию ее предшествовала «схватка» между латинским языком, языком европейской науки, и греческим, языком русской церкви, причем речь, конечно, шла о гораздо большем, чем просто язык. Как писал Ключевский, «эти языки были тогда не просто разные грамматики и лексиконы, а разные системы образования, враждебные культуры, непримиримые мирозозерцания» [Ключевский, 1990, 3: 296]. Восторжествовала эллинистическая традиция, а латинское учение было признано вредным и опасным, что, правда, не отразилось на распространении латыни, остававшейся важным средством общения с европейскими государствами. Руководство новым учебным заведением было поручено двум грекам братьям Лихудам. В академии изучали греческий, славянские языки, а также латинский, причем отдельные предметы также читались на языках — грамматику и пиитику преподавали на греческом, а риторику и физику на греческом и латинском. Выпускники академии становились в числе прочего переводчиками, справщиками (редакторами) книг для Печатного двора, преподавателями, т.е. использовали полученные знания языков для государственных нужд. Интересно, что попавшие в немилость братья Лихуды были сосланы из академии в типографию, где им было поручено учить детей итальянскому языку. Именной указ предписывал боярским и иных чинов детям учиться у них этому языку.

К концу XVII в. заметно расширяется круг людей, владеющих иностранными языками. Теперь это не только люди духовного звания, книжники, переводчики книг на русский язык, дипломаты, толмачи и высшие государственные деятели, но и горожане, занимающиеся торговлей, люди, связанные с образовательными учреждениями, дворяне, стремящиеся сделать карьеру, а нередко и простые обыватели, имеющие возможность и время изучить иностранный

язык. Заметно разнообразится набор языков: помимо сохраняющих свое лидирующее значение греческого и латинского, а также традиционных славянских, начинают постепенно проникать в Россию и завоевывать популярность другие европейские языки, такие как немецкий, английский, итальянский, французский, голландский. Множатся способы получения языкового образования, здесь и домашнее преподавание, в том числе и с иностранными учителями, и самообразование по книгам, и частные школы, и появление государственных учебных заведений. Однако подлинный переворот в изучении иностранных языков в России произошел в следующем столетии.

Петровские преобразования в значительной степени основывались на западном опыте, его видение будущего России связывалось с Европой, а значит, иностранные языки не могли не приобрести важнейшее значение. Только с их помощью можно было постичь тайны западных ремесел, военного искусства, государственного устройства. А как было ехать за европейским опытом за границу, что делали многие, не владея ими? Да и перенять чужие манеры, быт, нравы можно было только овладев иностранным языком. Это понимал не только Петр, но и многие в его окружении. Теперь языки ставятся на службу делу, а книги переводятся те, из которых можно почерпнуть практические сведения, появляются и разного рода грамматики иностранных языков и словари. В соответствии с политической ориентацией и личными симпатиями царя все большее значение приобретает немецкий язык, следом за ним идут другие живые европейские языки — итальянский, французский, голландский, английский. Латинский и греческий сдают свои позиции, первый сохраняется прежде всего в науке, а второй — в церкви.

Иностранный язык становится необходимым орудием приобретения знания. Все новые виды обучения, внедренные царем-преобразователем, были прочно связаны со знанием языков: очевидно, что они были необходимы тем, кого отправляли учиться за границу, что было одной из первых образовательных мер рубежа XVIII в., но и тем, кто оставался в России, для обучения было необходимо знание языков, большая часть преподавателей во вновь открываемые учебные заведения — приглашенные иностранцы, не владевшие русским языком. Так, в знаменитой Школе математических и навигацких наук одними из первых преподавателей были три англичанина.

Проекты реорганизации системы образования в России с начала XVIII в. неизбежно связаны с овладением иностранными языками. Интересна программа, представленная видным государственным деятелем, реформатором, сторонником социально-политических и культурных преобразований Федором Степановичем Салтыковым

(?–1715). Он был прекрасно образованным человеком, в конце XVII в. три года провел в Англии и Голландии, где обучался морскому делу, а вернувшись домой, руководил строительством военных судов. В 1711 г. он был вновь послан в Англию для закупки судов для русского флота, откуда им было отправлено Петру I две записки, названные им «Пропозиции», в которых он представил свой проект реформирования России: развитие в кратчайшие сроки системы образования, в том числе и женского, книгопечатания, открытие библиотек, строительство мануфактур и расширение торговли, поиски Северного морского пути в Индию и Китай, освоение Средней Азии и Сибири. Салтыков не вернулся из Англии, по некоторым данным, предложения его показались Петру слишком радикальными, и он остался, боясь опалы и ареста.

Салтыков указывал на необходимость организации учебных заведений («академий») в каждой из семи губерний, для чего предлагал отдать под них монастыри, а проблему финансирования решить тем, что содержать их на монастырские доходы. При каждой такой академии предполагалась библиотека, «из разных языков и из разных наук... как в Англии — в Оксфорде и Кембридже». В программе обучения на первом месте стояли иностранные языки: «А в тех академиях велеть учить: языков для обхождения в разговоре с разными народами — латинского, греческого, немецкого, английского, французского». Кроме того, предполагалось изучение «свободных наук», т.е. набора общеобразовательных предметов и «для обороны собственной и для изящества учиться — на лошадях ездить/на шпагах биться/танцевать». Салтыков был сторонником женского образования, считая, что нередко жизнь в родительском доме до замужества, где девушки растут, «не зная обхождения людского и разговоров», для них вредна. Он предлагал ввести для них обязательное обучение, под угрозой штрафа отца, разработав специальный комплекс женских «наук»: «для домоводства» (читать, писать, считать, «для изящества в языках» (французский, немецкий), «для забавы» и «для забавы же своей и в компаниях веселого обхождения» [Салтыков, 1985: 57–58]. Интересно, что уже в начале XVIII в. именно французский назван главным языком, необходимым для светского общения.

Проведя много времени за границей и столкнувшись там с разного рода книгами, искажающими русскую историю, а также тем далеким от истины образом России, который сложился к этому времени на Западе, этот патриот-эмигрант предлагал написать историю Российского государства, перевести ее на немецкий и французский языки и разослать по Европе для распространения правильной информации о стране. Петр и сам пришел к такому же выводу и, не

жалая средств, издавал книги о России за границей на немецком и других языках, стремясь противопоставить выходящим там изданиям о России свой взгляд и позиции, распространить знания о ней.

Роль иностранных языков в светской жизни России нарастала в течение всего XVIII в. по мере ее усложнения, расширения и европеизации. С эпохой Елизаветы Петровны обычно связывают начало преобладания французского языка и культуры, однако, как отмечалось выше, его лидерство в данной сфере началось значительно раньше. Появляется и стремительно завоевывает признание новый для России вид книг — любовные французский и английские романы, давая новый повод для изучения языков, особенно для женщин.

Молодой Д.И. Фонвизин в бытность свою учеником гимназии Московского университета, попав впервые в столичное общество, собравшееся в театре в Петербурге, сразу столкнулся с необходимостью владения французским. Благодаря природному уму он с честью вышел из ситуации, но первый урок светской жизни запомнил хорошо. «Стоя в партерах, — вспоминал писатель, — свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся и ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал было надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости...» [Фонвизин, 1989: 51] Однако случай этот врезался в память, и Фонвизин по возвращении в гимназию стал брать уроки французского, который вскоре выучил превосходно.

Самым распространенным способом обучения иностранным языкам в это время становится домашнее воспитание с помощью иностранных учителей. С раннего детства отдавая ребенка на руки иностранцам, родители рассчитывали научить его в совершенстве языку, причем педагогические способности и уровень образования такого учителя роли не играли, самое важное было свободное владение языком. Образчик такого типичного «педагога» встречаем в комедии Фонвизина «Недоросль». Самый высокооплачиваемый учитель у Митрофанушки, пользующийся некоторым уважением даже у Простаковой, иностранец, нанятый на следующих условиях: «По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка

даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит». То, что Вральман, бывший кучер, «робенка не неволил», и было одним из его главных педагогических приемов, как и у других подобных ему новоиспеченных учителей. Да и как неволить, если знания ограничивались конюшной. Он и сам предпочитал свою бывшую профессию, но что делать, если кучеров в России и своих хватало, а на учителей спрос был огромен.

Случались и курьезные истории. Так, из XVIII в. дошла история о том, как одни простодушные родители наняли для обучения своих детей французскому языку гувернера, якобы француза, а потом оказалось, что он чистокровный чухонец и вместо французского языка обучил своих питомцев финскому [Ключевский, 1990, 9: 35].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 49.
2. *Бельчиков Ю.А.* Всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2007. № 4. С. 192–195.
3. *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 125.
4. *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 322.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 220.
6. *Ключевский В.О.* Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени: Сочинения. Т. 9. М., 1990. С. 35.
7. *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Сочинения. Т. 3. М., 1990. С. 296.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Сочинения. Т. 5. М., 1990. С. 159.
9. Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 15.
10. *Посошков И.Т.* Завещание отеческое: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 64.
11. Поучение Владимира Мономаха. Памятники литературы Древней Руси. XI — начала XII века. М., 1979. С. 401.
12. *Прокопович-Антонский А.А.* О воспитании: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985 С. 352.
13. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 179.
14. *Раевская М.М.* Язык в ментальном пространстве: к проблеме постижения национальной логики мышления // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2006. № 1. С. 27–41.
15. *Салтыков Ф.С.* Пропозиции: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 57–59.
16. *Соловьев С.* История России с древнейших времен: Сочинения. Кн. 4. М., 1993. С. 373.
17. *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 78.
18. *Тер-Минасова С.Г.* Учитель, ученик, учебник в современной России // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2016. № 4. С. 130–138.
19. *Фонвизин Д.И.* Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях помышлениях // *Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917).* М., 1989. С. 51.

Anna V. Pavlovskaya

THE ROLE AND PLACE OF FOREIGN LANGUAGES IN RUSSIAN CULTURE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annapavl@mail.ru

Abstract: Foreign languages have always occupied a prominent place in Russia and the Russian culture. The paper states that despite being seemingly isolated from the outside world, Russia has always been closely connected with it, and not only by trade and political relations, but also by spirit and culture. The research contributes to the discussion of the role of foreign languages in Russian culture and reviews the development of foreign languages teaching system in Russia. Adoption of Christianity was the first significant reason for the spread of foreign languages in the society that brought not only a new religion, but also the Greek language along with the theological books. Over time, more and more foreign languages began to spread in the society, sometimes even entering into a conflict with one another: Latin with Greek (in the theological field), German with French (in the sphere of politics), French with English (in the literary field). In certain historical periods (for example, in the first half of the 19th century), foreign languages even displaced the Russian language in some social strata. The contribution underlines the importance of analysing such historical periods with special reference to interconnection between language as a means of communication and national identity. The investigation also argues that at times, for example, like in Soviet times, foreign languages acquired the status of the ‘dead’ languages and became an exclusive tribute to *the tradition and a means of reading*. In conclusion, the paper declares that foreign languages have always retained their important role, opening up new horizons for the Russian people and connecting them with the outside world.

Keywords: Russian culture; intercultural communication; history of education; national mentalities; interaction of cultures; foreign languages learning; means of cognition

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2023) The role and place of foreign languages in Russian culture. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 79–91. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Anna Pavlovskaya — Dr. Habil. in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annapavl@mail.ru

REFERENCES

1. Alekseev M.P. 1982. Russko-anglijskie literaturny'e svyazi: XVIII v. — pervaya polovina XIX v. [Russian-English Literary Relations: 18th century — first half of the 19th century.] Nauka. (In Russ.)

2. Bel'chikov Yu.A. 2007. Vsyakoe izuchenie yazyka neizbezhno imeet svoim predmetom samoe kul'turu. [Every Study of Language Inevitably Has Culture Itself as Its Object.] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4. (In Russ.)
3. Fonvizin D. I. 1989. Chistoserdchnoe priznanie v delah moih i pomyshleniyah. [Sincere Recognition in My Deeds and Thoughts.] In *Moskovskij universitet v vospominaniyah sovremennikov (1755–1917)*, pp. 49–52. *Sovremennik*. (In Russ.)
4. Karamzin N.M. 1993. [History of the Russian State] *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. Vol. 5. Nauka. (In Russ.)
5. Karamzin N.M. 1986. Zapiski starogo moskovskogo zhitelya. [Notes of an Old Moscow Resident], p. 322. *Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.)
6. Klyuchevsky V.O. 1990. Sochineniya. [Essays] Vol. 3. *Mysl'*. (In Russ.)
7. Klyuchevsky V.O. 1990. Sochineniya. [Essays] Vol. 5. *Mysl'*. (In Russ.)
8. Klyuchevsky V.O. 1990. Sochineniya. [Essays] Vol. 9. *Mysl'*. (In Russ.)
9. Monomah V. 1978. Pouchenie Vladimira Monomaha. [Teaching Of Vladimir Monomakh] In L. Dmitriev & D. Likhachev (Eds.), *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi*. XI — nachalo XII veka, pp. 393–416. *Hudozhestvennaya literatura*. (In Russ.)
10. Nemcy v Rossii. Problemy kul'turnogo vzaimodejstviya. 1998. [Germans in Russia. Problems of cultural interaction], p. 15. Dmitrij Bulanin. (In Russ.)
11. Pososhkov I.T. 1985. Zaveshchanie otecheskoe. [Father's Testament] In M. Kondakov, Yu. Babanskii, & Yu. Vasil'ev (Eds.), *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.*, pp. 64–67. *Pedagogika*. (In Russ.)
12. Prokopovich-Antonskij A.A. 1985. O vospitanii. [On Education]. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.*, p. 352. *Pedagogika*. (In Russ.)
13. Pushkin A.S. 1949. *Polnoe sobranie sochinenii*. [Pushkin Complete Works] Vol. 11. *Akademiya nauk SSSR*. (In Russ.)
14. Raevskaya M.M. 2006. Yazyk v mental'nom prostranstve: k probleme postizheniya nacional'noj logiki myshleniya. [Language in the Mental Sphere: On the Problem of National Logic of Thinking.] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1. (In Russ.)
15. Saltykov F.S. 1985. Propozicii. [Propositions] In *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.* (pp. 54–59). *Pedagogika*. (In Russ.)
16. Solovyov S.M. 1993 *Sochineniya v 18 tomakh*. [Works in 18 volumes] Vol. 4. (In Russ.)
17. Tatishchev V.N. 1985. Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch [A Conversation on the Usefulness of Sciences and Schools]. *Antologiya pedagogicheskoi mysli Rossii XVIII v.*, p. 78. *Pedagogika*. (In Russ.)
18. Ter-Minasova S.G. 2016. Uchitel', uchenik, uchebnik v sovremennoi Rossii [Teacher, student, textbook in today's Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 130–138. (In Russ.)
19. Zyryanov P.N. 1999. Russkie monastyri i monashestvo v XIX i nachale XX veka. [Russian monasteries and monasticism in the 19th and early 20th centuries], p. 125. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 16.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 16.01.2023;
approved after reviewing 16.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

А.И. Комарова, И.Ю. Окс

СОЗДАНИЕ ГЛОССАРИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ESP: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; aikomarova@gmail.com; irinaox@gmail.com*

Аннотация: В статье сообщается о структуре, содержании и организации глоссария английских глагольных словосочетаний географического регистра научной речи. Созданный на кафедре иностранных языков для географического факультета комбинаторный глоссарий принадлежит к числу «активных» лексикографических пособий, содержит ключевую глагольную лексику географии, словосочетания и непосредственные контексты употребления. В научной речи по географии важнейшим «динамическим элементом» являются глаголы разных типов: 1) терминологические глаголы; 2) глаголы общего языка в прямых и «географических» значениях; 3) общенаучные глаголы, — их усвоение в составе регулярно воспроизводимых понятийно-обусловленных словосочетаний служит основой овладения ESP. Учебно-методическая направленность глоссария проявляется: 1) в строгой нормативности; 2) в ограничении словника; 3) в ограничении лексических рядов, характеризующих сочетаемость заголовочных слов; 4) в построении словарных статей. При составлении словника мы использовали частотные списки слов, употребленных в учебниках по географии, терминологические, толковые и комбинаторные словари английского языка, а в качестве источника контекстов, иллюстрирующих речупотребление глаголов, служат дефиниции терминов, учебно-научная и периодическая литература по географии, а также материалы корпуса английского языка. Глоссарий предназначен для студентов-географов и научных работников в области наук о Земле для написания статей и докладов, для перевода научно-географических текстов на английский язык, так как свободные и связанные словосочетания (collocations) с глаголами являются «строительным материалом» научной речи. Такие словосочетания и выражения, а также краткие контексты употребления глаголов целесообразно использовать для контроля владения ESP географии.

Комарова Анна Игоревна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков для географического факультета факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; aikomarova@gmail.com; *Окс Ирина Юрьевна* — старший преподаватель кафедры иностранных языков для географического факультета факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; irinaox@gmail.com

Ключевые слова: комбинаторный словарь; глагольные словосочетания; научный регистр речи; язык для специальных целей; обучение ESP

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-07

Для цитирования: Комарова А.И., Окс И.Ю. Создание глоссария глагольных словосочетаний географического ESP: теория и практика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 92–107.

На кафедре иностранных языков для географического факультета в МГУ имени М.В. Ломоносова создается словарь-глоссарий употребительных английских словосочетаний, которые составляют основу регистра научной речи географии. Задача составления такого комбинаторного глоссария лексикографически сложная, так как комплексная: 1) представить основной словарный фонд географического регистра речи; 2) показать эти слова в составе основных самых непосредственных словосочетаний; 3) дать «иллюстративную фразеологию», т.е. краткие контексты их реального речеупотребления.

Отправной точкой в этой работе было понимание того, что наиболее сложным для изучающих иностранный язык оказывается именно лексическая сочетаемость слов. Как преподаватели мы знакомы с тем, что учащиеся часто ошибочно сочетают английские слова, следуя фразеологическим образцам родного языка. В результате нарушения сочетаемости слов из-за буквального пословного перевода могут возникнуть нелепо звучащие языковые комбинации [Тер-Минасова, 1986]. Комбинаторный словарь-глоссарий помогает избегать таких ошибок и главное — обеспечивает пользователей надежными лексическими средствами, наиболее употребительными в географической научной речи. Мы задались целью сделать «активное» лексикографическое пособие, нацеленное на производство речи (production-oriented dictionary). С.Г. Тер-Минасова обозначила такой тип словаря следующим образом: “... a production-oriented kind of dictionary illustrates the word’s actual life in speech and gives the word in its conventional, habitual, safe-for-a-foreign-learner contexts...” [Тер-Минасова, 1995: 29]. Если применить это определение к задачам географического ESP, то наш словарь-глоссарий послужит средством практического овладения английским языком специальности.

Первоначально мы решили взять за основу словника английские географические термины-существительные и сопроводить заголовочные слова распространенными словосочетаниями с основными частями речи. Но потом мы поняли, что «хотя научная речь носит

преимущественно именной характер, основой ее является всё-таки глагол» [Теория и практика английской научной речи, 1987: 79]. В связи с этим в настоящее время мы сосредоточили внимание на семантических, словообразовательных и функциональных особенностях именно глаголов географического регистра научной речи. Глоссарий снабжает студентов материалом для построения английской речи (устной и письменной) в области географических дисциплин [Восканян, 2018; Медведева, 2008], чтобы учащиеся имели в своем словарном запасе помимо списка основных глаголов еще и часто употребляемые английские неидиоматические словосочетания с ними, а также коллокации типа: to take samples, to impose an embargo, to go on an expedition, to carry out an experiment, to conduct scientific research, etc.

В качестве надежной основы для составления словника глоссария нам служит фундаментальный терминологический словарь: «География: понятия и термины» [Котляков, Комарова, 2007]. Он включает базовую терминологию 14 дисциплин географии и описание терминов в виде дефиниций на английском и русском языках. Второй важнейшей опорой является учебник «Английский язык для географических специальностей» [Комарова, Окс, Бадмаева, 2021], содержащий частотный список слов, использованных в текстах учебника, тематически покрывающих все основные разделы географии.

В целом лексика научной речи относится к трем слоям: термины, слова общего языка, общенаучная лексика. Эта общепринятая классификация, справедливая и для глаголов, не является застывшей или абсолютно строгой, так как в языке имеется много промежуточных случаев, переходов слов из одной категории в другую и масса других допущений. Однако мы опираемся на эту классификацию в своем анализе глагольной лексики для удобства описания глаголов географического регистра, и чтобы сделать представление их в словаре-глоссарии более упорядоченным и системным. Как реально ведут себя глаголы в сочетаемости с другими словами и в географических контекстах видно в оформлении словарных статей глоссария, которые мы последовательно прокомментируем.

Первую категорию глаголов, представленных в глоссарии, составляют глаголы-термины. Мы полагаем принципиально важным считать терминами не только существительные, но и глаголы, хотя среди лингвистов идут давние дискуссии о том, являются ли специальные глаголы терминами [Авербух, 2006; Ахманова, 1969; 2010].

Типичным примером оформления в глоссарии терминологического глагола является:

to acclimatize (акклиматизироваться) = to become used to...

to acclimatize to conditions/climate/change/environment

Animals can acclimatize to a change in climate.

Before the tour to Sri Lanka starts, tourists should acclimatize to the humid, tropical conditions.

Polar plants and animals have acclimatized to cold.

The mountain climbers spent a few days acclimatizing themselves to the high altitude.

The ability to acclimatize to environmental conditions may be inherited.

Данный пример показывает, что в словарном гнезде мы помещаем заголовочный глагол *to acclimatize*, в скобках даём его русский эквивалент — акклиматизироваться, после знака равенства даём его английский синоним = *to become used to...*, далее идут свободные словосочетания со словами, с которыми глагол наиболее естественно и непосредственно сочетается в географической научной речи — *to acclimatize to conditions/climate/change/ /environment*, и, наконец, приводим несколько коротких контекстов употребления глагола, взятых нами из реальных источников по географии. Таким образом глагол *to acclimatize* — однозначный, его эквивалент на русском языке узнаваем, он употребляется в составе модели глагол+прямое дополнение с предлогом *to*, сочетаемость логическая со словами, относящимися к географии.

Другой терминологический глагол **to meander** также имеет легко узнаваемый терминологический эквивалент на русском языке — меандрировать. Однако у него есть семантические особенности, существенные для географического регистра. В определение глагола *to meander* входит помимо более общего значения *to wind, to have a lot of bends*, передаваемого русским глаголом «извиваться (о реке, дороге)», более специальное понятие «меандрировать, т.е. создавать, формировать хорошо выраженные излучины (меандры) речного русла на широкой пойме или в долинах» = *to create meanders, to cause meanders, to form a loop-like bend in the course of a river or of a valley, to develop the bends in the course of a stream; to develop pronounced bends or loops in the course of a sluggish river having a wide floodplain*. Поэтому словарное гнездо *to meander* мы оформляем таким образом, что словосочетания и контексты употребления отражают это прямое специализированное значение:

to meander (меандрировать) = to create/cause/develop meanders; to wind

river/stream/current **meanders**

The total width of the area covered by a river which meanders is called meander belt.

A terrace forms on one bank of a river as it meanders in its valley and at the same time erodes the valley floor.

Meandering valley has large sweeping curves that cut into the solid rocks that contain it.

Complex horizontal water flow formed as a result of sea current meandering.

The river was allowed to meander naturally and not controlled by artificial flood defences.

Примечательно, что глагол *to meander* (меандрировать) происходит от названия реки Большой Мендерес, протекающей на западе Турции; в нижнем течении русло реки чрезвычайно извилистое, поэтому древнегреческое название реки Меандр (*μυρ. menderes* — излучина, изгиб) стало нарицательным для обозначения меандр (речных излучин) и руслового процесса меандрирования, приводящего к образованию подобных форм, а также глагола меандрировать. Эта этимологическая информация подтверждает, что терминологическое значение глагола с некоторыми уточнениями является его первоначальным прямым значением, которое как раз и реализуется в большинстве контекстов, относящихся к географии. Вместе с тем даже у такого, казалось бы, сугубо специализированного слова, как *to meander* толковые словари английского языка регистрируют наличие переносного значения «бродить без цели» (*wander in an aimless way, to move or speak slowly without a particular direction or purpose in mind*): *Visitors can meander through exhibition space* (Посетители бродили по выставочному пространству); *She liked to meander through familiar streets* (Она любила бродить по знакомым улицам); *The debate goes on, meandering its way to the end* [Collins, 2014]. Если мы обратимся к корпусу современного английского языка, то обнаруживается, что в нем есть лишь единичные случаи проявления номинативного значения глагола *to meander*, относящегося к меандрированию реки, в то время как подавляющее число употреблений в переносном смысле «бродить без цели»: *We meandered into a café*; *My idea would be to meander up and down the country stopping off at interesting towns*; *The city is worth visiting just to meander in its lovely mediaeval streets*; в том числе в чрезмерно метафорическом окружении: *Its attention allowed to meander across*

the debris of a vast information explosion; Twiddy guitar solos meander around the venue.

Мы приводим контексты из корпуса, показывающие преобладание в общем языке переносного значения глагола *to meander*, чтобы подчеркнуть довольно распространенное явление, когда в общем языке на первый план выходит метафорическое значение слова, опережая по частотности употребление номинативного значения. В научной же речи глаголы употребляются преимущественно в своих прямых значениях. Именно поэтому так важно создать глоссарий основного словарного фонда географического ESP и проиллюстрировать речупотребление глаголов в прямых значениях соответствующими контекстами, полученными из учебно-научных источников по географии и научной периодики.

В отличие от предыдущих примеров русский эквивалент глагола-термина **to pollute** (загрязнять) имеет общеславянскую основу, поэтому он не так очевиден для перевода с русского языка. В глоссарии он представлен так:

to pollute (загрязнять) = *to contaminate*

to pollute air/water/soil/land; **to pollute with** substances/waste

to pollute heavily/chemically

The oil spillage has polluted the harbour.

River was polluted with toxic chemicals of the factory.

Car exhaust pollutes the air.

Runoff from fertilized fields pollutes drinking water.

The fund provides money to lean up chemically polluted industrial sites.

We won't invest in any company that pollutes the environment.

Как видно, глагол *to pollute* имеет синоним *to contaminate*, словосочетания показывают логическую сочетаемость с понятийно-связанными с географией словами *air, water, soil, land, environment, chemicals, waste, etc.*: в составе простой лексико-грамматической модели глагол+прямое дополнение — *to pollute air/water/soil/land*, и с союзом *with* — *to pollute with substances/waste*, а также с наречиями — *to pollute heavily/chemically*.

Контексты, иллюстрирующие речупотребление, относятся к почвоведению, метеорологии, гидрологии, геоэкологии, что подтверждает его тематическую универсальность в рамках географии. Следует подчеркнуть, что для целей глоссария нас интересует именно прямое номинативное значение глагола, при этом за ненадобностью его для научной речи мы не учитываем переносное значение *to pollute* (растлевать): He was accused of polluting children's minds (Его обвиняют в том, что он засорил детские умы).

В целом за исключением редких переносных значений терминологические глаголы обычно бывают однозначными, чего нельзя сказать о многозначном глаголе **to flood**. Он явно имеет непосредственную соотнесенность с географией, но только в двух своих значениях — **to flood (1)** (затоплять) и **to flood (2)** (разлиться о реке, выйти из берегов), которые мы фиксируем в глоссарии:

to flood (1) (затоплять) = to cover with water, to inundate

to flood area/place/land/floodplain

The river floods the whole valley twice a year in the rainy season.

The dam collapsed, flooding a vast area.

The rice fields were flooded.

If the polar ice caps melt, sea levels could rise and densely populated regions would be flooded.

to flood (2) (разлиться о реке, выйти из берегов) = to overflow
river/stream **floods**

The river floods usually after very heavy rain.

A mountain stream floods because it has more water in it than normal due to glacier melting.

Due to intense glacier melting the river flooded.

Остальные значения глагола и их оттенки мы не учитываем, так как они не релевантны для географического регистра научной речи, в то время как в словаре Macmillan зафиксированы следующие семь значений глагола **to flood**: 1) when water covers sth; 2) when light fills place; 3) arrive in large numbers; 4) about engine; 5) suddenly start to cry; 6) when face turns red; 7) feel emotion strongly. При этом важные для географии два значения (1) «затопить» и (2) «разлиться о реке, выйти из берегов», в словаре общего языка не дифференцируются и обозначаются совокупно как **when water covers sth** (когда вода покрывает ч-л.), тогда как в географии различимы и значимы оба действия: «затопить» и «выйти из берегов». А в толковом словаре английского языка Collins COBUILD зафиксировано девять оттенков значений этого глагола, включая переносные, проиллюстрированные примерами: **More migrants flooded into the cities; Cheap plastic bowls flood the market; The memories flooded back as we passed the old school; Daylight flooded the room; His face floods with red,** — однако опять различие в интересующих нас значениях не зарегистрировано.

В целом так же, как **to acclimatize, to meander, to pollute, to flood,** другие терминологические глаголы географии **to erupt, to erode, to weather, to saturate, to transpire, to evaporate, to absorb, to percolate, to lithify, to migrate, to commute, to map, etc.,** имеют понятийно-обусловленную сочетаемость: **volcanoes erupt, landscapes evolve, work force**

migrates, high tides are eroding the coast, rainfall evaporates, soils are saturated with nitrogen, karst area absorbs water, urbanization accelerates, sediment and debris accumulate at the bottom of a lake, permafrost thaws, groundwater freezes seasonally, winds blow regularly. Кроме того, как правило, терминологические глаголы образуют свободные словосочетания в составе простых моделей, поэтому их речупотребление не представляет особых трудностей, а значения терминов, студенты, будучи специалистами в географии, часто знают даже лучше преподавателей-филологов и легко понимают их по аналогии с соответствующими созвучными русскими словами.

Обратимся теперь к представителям следующей категории лексики научной речи — словам общего языка (verbs of the General English). Так, глагол **to fall** входит в число 2000 самых распространенных английских слов. Это многозначный глагол (словарь Macmillan фиксирует 12 значений, Collins COBUILD — 11 значений), обладающий многими идиоматическими связями и образующий устойчивые выражения. Однако для географического регистра ключевыми значениями оказываются только: (1) to fall (падать), понимаемое в физическом смысле — to move down towards the ground, to drop down from the sky и (2) to fall (уменьшаться) — to decrease:

to fall (1) (падать, выпадать) = to come down, to drop
precipitation/rain/snow **falls**

Precipitation is any liquid or frozen water that forms in the atmosphere and falls to the Earth in many forms, like rain, sleet, and snow.

Solid particles fall from the atmosphere on the Earth.

Large masses of rock are constantly falling into the sea.

to fall (2) (уменьшаться, снижаться) = to descend, to decrease
temperature/sea level/water table/production/prices **fall**

During ice ages, sea level falls because of a shift in the global hydrologic cycle.

Soil fertility falls when more nutrients are removed from the earth by crops.

Barometric pressure is falling, and a storm is likely to pass over the area.

Temperature falls below the freezing point.

Industrial production has fallen by 10%.

Oil consumption in the region fell dramatically.

В целом получается, что в рамках научной речи у многозначного общеязыкового глагола происходит сужение семантики, т.е. он употребляется преимущественно в своем прямом номинативном значении в сочетании с географическими словами. Остальные значения

остаются за пределами ESP, равно как и разветвлённые идиоматические связи глагола, выраженные в многочисленных оборотах *fall asleep, fall in love, falls to pieces* и др., присущих глаголу *to fall* в обычном речепотреблении. Следовательно, мы не включаем их в глоссарий.

Другим ярким примером многозначного глагола общего языка служит **to produce**. Это в целом весьма распространенный глагол, имеющий по данным одноязычных словарей большое количество значений (словарь Macmillan фиксирует семь значений, Collins CO-BUILD — девять значений). В географическом регистре помимо двух основных значений, отмеченных в глоссарии как (1) и (2), глагол развивает специальное тематически связанное с географией значение (3). В ESP глагол *to produce* оказывается наиболее частотным в своем прямом значении (производить, создавать) в сфере экономической географии:

to produce (1) (производить, вырабатывать, создавать) = *to make, to create, to manufacture*

to produce *energy/goods/crops/food*

Incoming tides produce an enormous amount of energy.

Wind power can be used to produce electricity.

Aviation industry produces airplanes and helicopters.

Alternative energy is produced from renewable sources such as wind power, tidal power, etc.

Второе важное значение глагола *to produce* (быть причиной, вызывать, создавать) реализуется преимущественно в контекстах, относящихся к физической географии:

to produce (2) (быть причиной, вызывать, образовывать) = *to cause, to form*

to produce *changes/currents/landforms/snow*

The melting of a glacier surface at different rates produces variable landforms on it.

Tectonic processes produce dramatic changes in the shape of the Earth's surface.

Artificial snow is produced by a snow cannon by spraying frozen water droplets and used mainly to prepare the runs for skiing.

В рамках значения *to produce* (2) мы помещаем, предваряя значком ◇, устойчивое общенаучное выражение *to produce results* и снабжаем его географическими контекстами:

◇ **to produce results** (давать/приносить результаты); **to produce no results** (не дать никаких результатов)

Collaboration among regional organizations can produce results that exceed the effect of each individual organization's contribution to the economic development of Africa.

Japanese business community has expressed interest in Russian initiatives in the Far East because they are convinced that their investment will produce results.

What results were produced by completing the above procedure?

Кроме двух базовых значений глагола to produce (1) и (2), наиболее употребительных в географии и оформленных в глоссарии в виде отдельных словарных единиц, для географического ESP выделяется и подкрепляется соответствующими словосочетаниями и контекстами значение to produce oil/gas (добывать нефть/газ), которое используется во многих текстах по географии и в заголовках научных статей, но как отдельное значение не зафиксировано в толковых словарях общего языка. Мы включаем в глоссарий это специализированное значение под цифрой (3):

to produce (3) (добывать нефть/газ) = to extract

to produce oil/gas/minerals

Oil is produced using different methods depending on geology and location.

Which countries produce the most oil?

Samotlor field began to produce oil in November 1997.

В отличие от перечисленных выше значений глагола to produce, отраженных в нашем глоссарии, следующие значения и словосочетания, которые в целом в английском языке весьма употребительны, не являются релевантными для географического ESP, поэтому мы их в глоссарий не включаем: to produce offspring — произвести потомство; to produce passport from a pocket — достать паспорт из кармана; to produce a film — продюсировать фильм; to produce a meal — готовить еду. Они остаются за пределами нашего внимания, так как не используются в ESP географии.

В отношении проявления специализации у глаголов общего языка показателен глагол **to feed**. Помимо прямого значения (1) to feed (питать(ся), кормить(ся)) в географическом ESP у него возникает и четко проявляется значение (2) to feed (питать ледник/реку/водоток), которое в толковых словарях английского языка занимает последние строчки по частотности, а в географическом речепотреблении является существенным и распространенным, мы включаем его в глоссарий, как отдельное значение исключительной важности:

to feed (1) (питаться, кормиться) = to eat, to consume food

to feed on plants/animals

Pasture is land covered with herbs where livestock can feed on growing grass.

Estuaries are places where thousands of migratory birds feed in winter.

Typical ocean forage fish feed near the base of the food chain on plankton.

to feed (2) (питать реку, ледник) = to give supply, to nourish

to feed glaciers/rivers/lakes

Several small streams feed the river.

The river is fed by the glacier.

The giant ice cap in the Andes is feeding 47 large glaciers.

There exist regenerated valley glaciers fed by the ice falling from the glacier hanging above.

Coastal lagoons of fresh water typical of the Baltic coast of Germany, Poland and Russia are fed by a stream.

Мы не учитываем переносные значения глагола *to feed*, так как они не используются в рамках географического ESP: (обеспечивать) = *to feed a family*; (снабжать информацией) = *to feed the information*; (подогревать, разжигать чувства) = *to feed the feeling/addiction*.

Аналогично глаголам *to produce* и *to feed* ведет себя целый ряд общеязыковых английских глаголов, которые помимо основного прямого значения реализуют в рамках географического дискурса специальное понятийно-обусловленное значение, знание которого необходимо географам, но которое часто в словарях общего языка даже не выделяется в отдельный пункт. Именно логическая предметно-обусловленная сочетаемость многозначного глагола общего языка четко «специализирует», конкретизирует его значения, фигурирующие в географическом дискурсе, выявляя «географичные» смыслы. Подобные семантические сдвиги, т.е. случаи появления специальных узкодисциплинарных значений у общенаучных лексических единиц в медико-биологическом дискурсе, описаны в исследовании Т.Р. Беляевой [Беляева, 2022].

Что касается грамматического аспекта сочетаемости, глаголы общего языка в научных текстах по географическим дисциплинам употребляются в основном в составе простых морфо-синтаксических моделей типа глагол+прямое дополнение и т.п. Преобладают нейтральные, узуальные словосочетания (коллигации, коллокации), которые уже вошли в язык и повторяются в готовом виде. Поскольку география состоит из двух основных ветвей — физической и социально-экономической, то этот факт проявляется в словосочетаниях одного и того же глагола, относящихся соответственно к физической и социально-экономической отраслям географии: **to fall**

(temperature/precipitation falls, industrial production falls), **to grow** (trees grow, population grows), **to rise** (sea level rises, prices rise), **to develop** (soils develop on volcanic rocks, economies develop fast). Мы стремимся отразить в глоссарии это внутридисциплинарное различие в подборе контекстов употребления глагола в разных географических науках.

Наконец еще одной группой являются общенаучные глаголы. Общенаучная лексика в целом исследована более подробно, существует целый ряд словарей словосочетаний с общенаучными словами [Назарова, Васильев, 1987; Сиполс, 2018], однако в них обычно не учитывается речепотребление в науках о Земле. Мы же, рассматривая глаголы в неразрывной связи со спецификой их реального функционирования в научной речи по географии, включаем в наш глоссарий общенаучные глаголы в географических контекстах. В качестве примера словарной статьи приведем общенаучный глагол **to depend**:

to depend (зависеть) = to be conditioned by

to depend on conditions/resources/factors/weather/countries

to depend largely/mainly/heavily/entirely

The radius of a meander depends on the stream discharge and its flow velocity.

The potential of land for agriculture and forestry depends on its physical and environmental qualities, soil type, climate, etc.

The duration of night depends on the geographical latitude and season.

The flows of many rivers depend on glaciers.

India heavily depends on water resources of the river Indus.

The systems of irrigated agriculture depend on large rivers.

Из вышеизложенного следует, что для понимания того, как следует представлять глагольную лексику в комбинаторном глоссарии, нам необходимо было теоретически разобраться в том, какие семантические и фразеологические особенности проявляются у разных типов глаголов, функционирующих в географическом регистре научной речи. Анализ глагольной лексики показал, что терминологические глаголы обычно бывают однозначными, имеют латинское происхождение в английском и русском языках и как правило легко узнаваемы. Глаголам-терминам и глаголам со специальным значением свойственна логическая сочетаемость в составе простых моделей: rivers meander, volcanoes erupt, landscapes evolve, work force migrates, high tides are eroding the coast, rainfall evaporates, soils are saturated with nitrogen, karst area absorbs water, urbanization accelerates,

sediment and debris accumulate at the bottom of a lake, permafrost thaws, groundwater freezes seasonally, winds blow regularly.

В отличие от большинства терминов глаголы общего языка наиболее употребительные в обычной неспециальной речи являются многозначными, однако в рамках научной речи они сужают свою семантику и употребляются либо в номинативном значении, либо развивают специальное тематически-связанное с географией значение. Такое «географичное» значение некоторых общеязыковых глаголов в общих толковых словарях английского языка даже не вычленяется в отдельную позицию, или указывается как второстепенное и малоупотребительное (о чем можно судить по порядковой позиции этого значения в словарном гнезде, например, в словаре Collins COBUILD, где значения расположены в порядке частотности употребления в речи.) В данной комбинаторной глоссарии «географичные» значения глаголов подкрепляются словосочетаниями со словами, понятийно относящимися к географии, и мы иллюстрируем их реальными контекстами из географической научной литературы. Глаголы общего языка преимущественно образуют стилистически нейтральные узуальные словосочетания, которые уже вошли в язык и повторяются в готовом виде. Что касается грамматического аспекта их сочетаемости, они употребляются в основном в составе простых морфо-синтаксических моделей типа глагол+прямое дополнение или глагол+наречие т.п.

Возникновение или «кристаллизация» узкоспециального значения происходит и у глаголов, занимающих промежуточное положение между сугубо географическими терминами и словами общего языка, имеются в виду естественнонаучные глаголы, типа обсужденного выше глагола to flood. Они имеют в принципе несколько значений, но в географических контекстах и словосочетаниях приобретают конкретный географический смысл: to accumulate (аккумулировать), to freeze (замерзать), to melt (таять), to blow (дуть), to consolidate (затвердевать), to probe (зондировать) и др. В этом отношении, видимо, следует говорить не столько о слове-термине в целом, сколько о конкретном терминологическом значении лексической единицы, имеющей в целом другие неспециализированные значения, которые встречаются в текстах географической направленности наряду с узкоспециальными.

В глоссарии также представлены глаголы общенаучного слоя, относящиеся тематически к природе исследовательского и мыслительного процесса, представлению результатов и передаче знаний, средствам и способам научной коммуникации и пр. Эти глаголы

образуют свободные словосочетания в географическом окружении, а также имеют коллокации и устойчивые обороты, релевантные для географии: (◇ to keep records/notes/observations (вести записи, наблюдения); ◇ it is known that... (известно, что...)) Мы включаем их в глоссарий, предваряя значком ◇, и иллюстрируем соответствующими естественно-научными контекстами.

Таким образом наш словарь, как мы его задумали, содержит самые существенные сведения о речепотреблении географической глагольной лексики на уровне заголовочных слов-глаголов, словосочетаний и географических контекстов с глаголами. Включаемый в словарь лексический материал можно охарактеризовать как основной глагольный словофонд по географии, позволяющий экономно и в то же время достаточно полно описать употребление релевантных глаголов в пределах методически важных тем и ситуаций научного общения в сфере географических дисциплин. Глоссарий предназначен для студентов и научных работников в области наук о Земле для практического овладения ESP географии, для написания статей и подготовки докладов, он способствует развитию устной и письменной научной речи на английском языке. Работа над глоссарием еще не завершена, планируется размещение окончательной версии на платформе distant.msu.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авербух К.Я.* Общая теория термина. М., 2006.
2. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969; 2010.
3. *Беляева Т.Р.* Дискурсивные особенности общенаучной лексики как маркер дисциплинарной принадлежности научного текста (на материале современного английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.
4. *Восканян С.К.* Эссе как жанр письменной речи: цели и задачи (на материале английского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 95–101.
5. *Комарова А.И., Окс И.Ю., Бадмаева Ю.Б.* Английский язык для географических специальностей. М., 2021.
6. *Котляков В.М., Комарова А.И.* География: понятия и термины. М., 2007.
7. *Медведева Н.Е.* Пути повышения качества преподавания иностранного языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 64–71.
8. *Назарова Т.Б., Васильев В.В.* Методология и методика преподавания английского языка. М., 1987.
9. *Ситолс О.В.* Русско-английский словарь устойчивых словосочетаний: общенаучная лексика. М., 2018.
10. *Теория и практика английской научной речи* / Под ред. М.М. Глушко. М., 1987.
11. *Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М., 1986.
12. *Collins COBUILD Essential English Dictionary.* London and Glasgow, 2014.
13. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.* L., 2002.

14. *Ter-Minasova S.G.* Learner's Bilingual Dictionary: Productive and Ideological Aspects. 4th Annual Conference of Moscow Association of Applied Linguistics. Dictionaries and Foreign Language Teaching (proceedings). M., 1995. P. 29–30.

Anna I. Komarova, Irina Ju. Oks

CREATING A COMBINATORY GLOSSARY OF GEOGRAPHY ESP VERBS: THEORY AND PRACTICE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aikomarova@gmail.com; irinaox@gmail.com

Abstract: The paper presents the structure, content and organization of the glossary of English verbs and their word combinations functioning in the geographic register of scientific speech. The glossary is compiled at the Department of Foreign Languages for the Faculty of Geography. It is a kind of “active” lexicographic source which helps students and scientists to master ESP of geographic disciplines. Verbs are given as part of the most common lexical and grammatical collocations such as *river flows, sea level rises, rain falls* accompanied by brief contexts illustrating their real usage in scientific articles, textbooks and terminological dictionaries on geography. Verbs of different kinds: terminological verbs, verbs of general English, verbs of general scientific vocabulary are usually used in recurrent collocations and free word combinations. Their linguistic functioning is confined to a set of rather simple and logically based patterns. These verbal word combinations serve as the “building material” of scientific speech in the field of Earth sciences. Thus, our glossary contains the most essential information about the use of basic geographical verbs. It can also serve as the material for testing the knowledge of geographic ESP.

Key words: combinatory dictionary; verbal word combinations; scientific register of speech; language for special purposes; ESP learning

For citation: Komarova A.I., Oks I.Ju. (2023) Creating a combinatory glossary of geography ESP verbs: theory and practice. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 92–107. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHORS

Anna I. Komarova — Dr. Habil. in Philology, Head of the Department of Foreign Languages for the Faculty of Geography of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; aikomarova@gmail.com; *Irina Ju. Oks* — Assistant Professor at the Department of Foreign Languages for the Faculty of Geography of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; irinaox@gmail.com

REFERENCES

1. Averbukh K.Ya. 2006. *Obshchaya teoriya termina* [General theory of the term]. Moscow. MGOU. (In Russ.)
2. Akhmanova O.S. 1969, 2010. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS. (In Russ.)

3. Belyaeva T.R. 2022. Diskursivnye osobennosti obshchenauchnoi leksiki kak marker distsiplinarnoi prinadlezhnosti nauchnogo teksta (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka) [Discursive features of general scientific vocabulary as a discipline marker (on the material of modern English): Cand. sci. thesis (Philology)]. Moscow. (In Russ.)
4. Voskanyan S.K. 2018. Ehsse kak zhanr pis'mennoi rechi: tseli i zadachi (na materiale angliiskogo yazyka) [Essay as a Genre of Written Speech: Goals and Objectives (on the Material of the English Language)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural Communication*, no. 2, pp. 95–101. (In Russ.)
5. Komarova A.I., Oks I.Yu., Badmaeva Yu.B. 2021. Angliiskii yazyk dlya geograficheskikh spetsial'nostei [English for geography]. Moscow, LENAND. (In Russ.)
6. Kotlyakov V.M., Komarova A.I. 2007. Geografiya: ponyatiya i terminy [Geography: concepts and terms]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
7. Medvedeva N.E. 2008. Puti povysheniya kachestva prepodavaniya inostrannogo yazyka [Ways to improve the quality of teaching a foreign language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural Communication*, no. 4, pp. 64–71. (In Russ.)
8. Nazarova T.B., Vasil'ev V.V. 1987. Metodologiya i metodika prepodavaniya angliiskogo yazyka [Methodology and methods of teaching English]. Moscow, MGU. (In Russ.)
9. Sipols O.V. 2018. Russko-angliiskii slovar' ustoichivyykh slovosochetanii: obshchenauchnaya leksika [Russian-English Dictionary of set expressions: general scientific vocabulary]. Moscow, URSS. (In Russ.)
10. Teoriya i praktika angliiskoi nauchnoi rechi [Theory and practice of English scientific speech]. 1987, pod red. M.M. Glushko. Moscow, MGU. (In Russ.)
11. Ter-Minasova S.G. 1986. Sintagmatika funktsional'nykh stilei i optimizatsiya prepodavaniya inostrannykh yazykov [Syntagmatics of functional styles and optimization of teaching foreign languages]. Moscow. (In Russ.)
12. Collins COBUILD Essential English Dictionary. 2014. London and Glasgow, Collins.
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2002. London, Macmillan.
14. Ter-Minasova S.G. 1995. Learner's Bilingual Dictionary: Productive and Ideological Aspects. 4th Annual Conference of Moscow Association of Applied Linguistics. Dictionaries and Foreign Language Teaching (proceedings). Moscow, MGU, pp. 29–30.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 16.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 16.01.2023;
approved after reviewing 16.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

А.И. Едличко

**НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ЛЮКСЕМБУРГЕ:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ang299@yandex.ru*

Аннотация: Статья представляет собой аналитический обзор проблем словарной кодификации люксембургского стандарта немецкого языка. Кратко описываются некоторые аспекты исследования немецкого языка в Люксембурге, критерии стандарта в целом и особенности люксембургского стандарта немецкого языка в частности. Основное содержание исследования составляет анализ актуальных лексикографических источников, кодифицирующих специфические черты произносительной, грамматической и лексико-семантической нормы люксембургского стандарта. Приводятся результаты изучения лексикографических источников, представляющих собой дескриптивные кодификаторы стандарта немецкого языка в Люксембурге: орфоэпического словаря серии Дуден, онлайн-справочника по вариативной грамматике немецкого языка, словаря вариантов немецкого языка. Подробно рассматриваются структура и содержание словаря люксембургского стандарта немецкого языка [Sieburg, 2022]. Приводится общая информация о мега-, макро- и микро-структуре словаря, тематике и вариативных характеристиках кодифицированной лексики, особенностях структуры и содержания словарных статей. Делается вывод о развитии нормализаторской деятельности и о признании сформированного люксембургского стандарта немецкого языка, который обладает специфическими чертами на разных уровнях языковой системы.

Ключевые слова: плюрицентричный язык; норма; стандарт; Люксембург; люксембургский стандарт немецкого языка; словарь; кодификация

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-08

Для цитирования: Едличко А.И. Немецкий язык в Люксембурге: лексикографическая кодификация национального стандарта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 108–120.

В настоящее время системное изучение различных характеристик национальных стандартов плюрицентричных языков вызывает

Едличко Анжела Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ang299@yandex.ru

интерес не только с позиций анализа теоретических проблем вариантологии как самостоятельного активно развивающегося научного социолингвистического направления, но и с прикладной точки зрения, поскольку исследование функционального статуса диатопических, или территориальных, вариантов таких языков находит практическое применение в различных областях гуманитарного знания — методике обучения иностранным и вторым языкам, практике перевода, межкультурной коммуникации, лексикографии и иных сферах. Другими словами, необходимость и актуальность обращения к различным теоретическим аспектам теории вариантологии — проблемам формирования и развития стандартных вариантов языка с учетом влияния социокультурной и политико-экономической ситуации, методологии анализа и методов описания системных отличий стандартов, к исследованию их функционального статуса в различных институциональных областях, признанию определенного варианта конкретным социумом — непосредственно связана с интеграцией результатов теоретических изысканий в многогранную практическую языковую деятельность, см. об этом [Едличко, 2020].

Немецкий язык наряду со многими другими языками (английским, испанским, французским, арабским и т.д.) относится к плюрицентричным языкам, ключевой особенностью которых является то, что «они встречаются в двух или более государствах, имеют там статус официального или государственного языка и, таким образом, развивают определенную языковую и коммуникативную самостоятельность»¹ [Muhr, 2003: 191]. Соответственно, диатопические варианты таких языков, автономно функционирующие в разных социумах, приобретают свои характерные черты на всех уровнях языковой системы.

Специфика национальных вариантов немецкого языка как плюрицентричного уже несколько десятилетий привлекает внимание ученых. На современном этапе развития социолингвистики в целом и теории вариативности в частности становится невозможным комплексное изучение национальных вариантов немецкого языка без обращения к люксембургскому стандарту. Уникальная социолингвистическая ситуация легитимного трехязычия² в Люксембурге такова, что различные аспекты сосуществования официальных

¹ Пер. здесь и далее наш. — А.Е.

² Правовое признание трехязычия в Люксембурге датировано 24 февраля 1984 г., когда был принят «Закон о языковом режиме», определивший функциональный статус официальных языков государства: французского, люксембургского и немецкого. При этом люксембургский, или летцебургский (Lëtzebuergesch), считавшийся до этого периода диалектом, получил статус национального языка.

языков Великого герцогства (французского, люксембургского и немецкого) все чаще становятся предметом научного обсуждения.

Методологические основы исследований функциональных особенностей стандарта немецкого языка в Люксембурге были заложены во второй половине XX в. немецкими и отечественными учеными [Hoffmann, 1979; Ammon, 1995; Домашнев, 1983; и др.]. Уже в этих работах, с одной стороны, говорится о постепенном сужении коммуникативных сфер использования немецкого языка в государстве в XX в. (причиной чему послужила, прежде всего, оккупация страны германскими войсками в период двух мировых войн и, как результат, негативное отношение люксембуржцев к немецкому языку), с другой, акцентируется внимание на самостоятельности развития люксембургского варианта немецкого языка прежде всего на лексическом уровне и указывается на недостаточность кодификации данного варианта. Для наименования идиома У. Аммон использует термин *luxemburgisches Standarddeutsch* 'люксембургский стандарт немецкого языка' и *Standarddeutsch Luxemburgs* 'стандартный немецкий Люксембурга' [Ammon, 1995: 401, 402], таким образом подчеркивая своеобразие развития системы немецкого в данной стране. Российские лингвисты применительно к немецкому языку в Люксембурге оперируют термином «узусный национальный вариант» [Клюева, 2008: 33], мотивируя такой выбор отсутствием нормативных справочников вплоть до начала XXI в., отражающих легитимный статус национального варианта языка.

Современный исследователь Х. Зибург обращает особое внимание на терминологические разграничения в наименовании люксембургского стандарта. Автор отмечает, что термин *Luxemburger Standarddeutsch* 'люксембургский стандартный немецкий' предпочтителен термину *Luxemburger Deutsch* 'люксембургский немецкий' и выбран с целью избежать путаницы с люксембургским, или летебургским (нем. *Luxemburgisch*), т.е. национальным языком Великого герцогства Люксембург, который долгое время назывался *Luxemburger Deutsch / Lëtzebuenger Däitsch* 'люксембургский немецкий'. По словам Зибурга, «люксембургский стандартный немецкий (*Luxemburger Standarddeutsch*) является не отдельным языком, а самостоятельным (и равноправным) вариантом немецкого стандартного языка (*deutsche Standardsprache*) наряду с другими» [Sieburg 2022: 6–7]. Стандарт (*Standardsprache*) соотносится со статусом языка и обладает такими релевантными критериями, как:

- социальная нейтральность (т.е. принимается и используется всеми слоями населения),
- надрегionalность (в отличие от диалектов),

– наличие не только устной формы, но и письменного регистра [Ibid.: 7].

Х. Буссманн определяет стандарт как «исторически легитимизированные, надрегиональные устные и письменные формы языка, которые используются представителями средних и высших социальных слоев общества» [Buisman, 2008: 680]. Нормирование стандарта происходит в различных областях языковой системы (на уровне грамматики, произношения, орфографии) с помощью средств массовой коммуникации и благодаря нормотворческой деятельности различных институтов, стандарт используется как средство и цель обучения на разных ступенях образовательной системы [Ibid.].

Б. Качру, исследуя проблемы стандартизации языковой нормы, выделяет четыре типа ее кодификации: 1) *авторитарную кодификацию* (проводится признанным кодифицирующим органом); 2) *социологическую, или оценочную, кодификацию* (признание феномена социумом); 3) *образовательную кодификацию* (в учебниках, грамматиках, словарях, литературе) и 4) *психологическую кодификацию* («приемлемость формы и ее регулярного узуса для индивида») [Цит. по: Прошина, 2017: 58–59].

Остановимся на некоторых аспектах лексикографической кодификации нормы, что является, по словам З.Г. Прошиной, одним из важных аспектов признания стандарта [Прошина, 2017: 58; Прошина, 2022: 79].

Несмотря на отсутствие комплексной лексикографической **кодификации произносительной нормы** люксембургского варианта немецкого языка, отдельные фонетические явления данного стандарта зафиксированы в авторитетных немецких словарях. Например, в разделе «Вариативность стандартного произношения» вступительной части к «Орфоэпическому словарю» серии «Дуден» 2015 г.³ указывается на ряд типичных произносительных явлений, характерных для вариантов немецкого языка, функционирующего в Люксембурге. Так, отмечаются особенности произношения нейтрального (шва) [ə] в безударных слогах в сочетаниях со смычными /ə/+/m/, /ə/+/n/, /ə/+/l/ (на письме <-em>, <-en->, <-el->). Если для стандартного немецкого в Германии и Австрии в данном случае в зависимости от дистрибуции фонем, произносительного контекста, фоностилистической специфики и других факторов характерны либо полный тип реализации безударного слога со шва [-əm], [-ən], [-əl], либо синкопа, или выпадение, редуцированного [ə] и использование сегментных структур с сонантными слогаобразующими [-ŋ], [-ŋ],

³ *Duden* — Das Aussprachewörterbuch. Aussprache und Betonung von über 132 000 Wörtern und Namen / Bearb. von S. Kleiner, R. Knobl. 7, komp. überarb. u. akt. Aufl. Bd. 6. Berlin, 2015. 928 S.

[-]), то на региональном уровне и в Люксембурге преимущественно произносится несинкопированный вариант [ə]: *tragen* [ˈtra:gən], *wickeln* [ˈvikəlŋ], *lieben* [ˈli:bən]⁴.

В словаре также указывается на типичное для люксембургского стандарта немецкого языка глухое произношение увулярного фрикативного звука /r/ в конце слога перед [t] и [ts], который, как правило, заменяется на звук [x]: *Sport* [ʃpɔxt], *hart* [haxt]⁵, что нехарактерно для других стандартов.

Нормированное произношение буквосочетания <qu>, имеющее свои особенности, также зафиксировано в указанном словаре. Для люксембургского немецкого языка (как и для стандартов немецкого языка Швейцарии и Южного Тироля) типична реализация билабияльного неслогового полугласного [ɥ] в данном сочетании, например: *quaken* [ˈkʰɥa:kŋ], *Quelle* [ˈkʰɥelə].

Х. Зибург, автор нового словаря люксембургского стандартного немецкого языка⁶, вышедшего в 2022 г., указывает при описании фонетической системы данного варианта на особенности произношения ряда лексических единиц, называя в качестве примеров слова *Serie* (с долгим [i:] в ауслауте), *Cafeteria* (с ударением на третьем слоге, т.е. на втором долгом [e:]), *Vers* (с анлаутным [v]), *Island* (с кратким [ɪ]) или *Diplomatie* (с глухим [s] вместо [t])⁷ [Sieburg 2022: 8]. При этом следует отметить, что для других стандартов немецкого языка в тех же самых позициях характерны иные акцентные варианты и произносительные формы, в том числе с количественными и качественными отличиями, ср. нормативные варианты в Германии: *Serie* [ˈzeriə], *Cafeteria* [kafetəˈri:a], *Vers* нем. [fɛrs] (австр. чаще [vɛrs]), *Island* [ˈi:slant], *Diplomatie* [diplomaˈti:]⁸.

Несмотря на то что такая вариативность фонетических единиц не отражена системно в фонетических зонах вокабул указанного словаря, в словнике приводится транскрипция всех лексем, заимствованных из французского или люксембургского языков, например: *Gouvernance* [guvɛrˈnãs], *Poussins* [puˈsɛs], *Relance* [rɔˈlãs], *Taxe* [ˈtaksə], *Venue* [vɛˈny:], *Vide-grenier* [vidɛgrɛnˈje:], *Viez* [fi:ts] и др. На просодическом уровне уделяется внимание акцентуальной реализации звуковых типов, при этом в ударных слогах долгие гласные маркируются подчеркиванием (например, *Disziplinarrat*, *integral*,

⁴ *Duden*. Op. cit. S. 39.

⁵ *Ibid*. S. 72.

⁶ *Sieburg H.* Luxemburger Standarddeutsch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in Luxemburg. Berlin, 2022. 208 S.

⁷ *Ibid*. S. 8.

⁸ *Duden*. Op. cit.

panikieren и др.), краткие гласные — точкой под графемой (например, *Kultus, pacsen, Punktwert* и др.)⁹.

Не менее важной представляется **грамматическая вариативность языкового стандарта**, которая «определяется новейшей лингвистикой как характерный признак современного развитого культурного языка» [Копчук, 2022: 56]. При этом подчеркивается необходимость признания региональных и национальных грамматических вариантов профессиональным лингвистическим сообществом и их «включени[я] в соответствующие грамматические кодификаторы немецкого языка как стандартные» [там же].

Грамматические особенности диатопических вариантов немецкого языка зафиксированы в научных работах (статьях, диссертациях, монографиях), в которых обращается внимание на узуальную специфику использования специфических грамматических явлений люксембургского немецкого: смешение Им.п. и В.п., образование Р.п. с помощью предложного атрибута или притяжательного местоимения, образование пассива с использованием *geben* ‘давать’ в качестве вспомогательного глагола в отличие от других стандартов (например, *Dem Vater seinen Hut gibt von der Mutter gebürstet; Das Dach von dem Haus brach ein*)¹⁰.

В связи с этим особое внимание необходимо обратить на новый онлайн-справочник по вариантной грамматике стандартов немецкого языка¹¹ — результат масштабного международного научного проекта, целью которого была кодификация морфологических и синтаксических различий диатопических стандартов немецкого языка всех немецкоязычных стран (Германии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейна, Люксембурга) и регионов (Восточной Бельгии и Южного Тироля). Грамматическая специфика стандартов выявлялась на основе обширного медиа-корпуса национальных и региональных газет. Например, для определения особенностей люксембургского стандарта авторами было проанализировано 13 289 статей из газет “Luxemburger Wort” и “Tageblatt online”¹².

Анализ корпуса названного справочника показывает, что грамматический материал представлен в нем такими категориями, как временные формы глагола, грамматический род и множественное

⁹ Sieburg H. Op. cit.

¹⁰ Примеры из: Fröhlich H., Hoffmann F. Luxemburg // 2. Halbband: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung; ed. by H. Goebl, P.H. Nelde, Z. Starý, W. Wölck. Berlin, N.Y, 1997. S. 1170.

¹¹ Variantengrammatik. URL: <http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Start> (accessed: 02.12.2022). Проект разрабатывался с 2011 по 2018 г. под руководством ученых из Австрии (Арне Циглер / Arne Ziegler), Германии / Австрии (Штефан Эльшпасс / Stephan Elspaß) и Швейцарии (Криста Дюршайд / Christa Dürscheid).

¹² Variantengrammatik. Op. cit.

число существительных, местоимения, наречия, союзы, частицы и предлоги, фразеологизмы, валентность и управление. Помимо названных, специфика стандартов отражается в репрезентации различных аспектов словообразования (и графических особенностей), а также порядка слов в простом и придаточном предложениях.

Например, написание существительных на *-eur / -or* имеет свою специфику: наиболее употребительными в Люксембурге, в отличие от других вариантов, являются формы на *-eur*, например:

Inspekteur der, -s, -e D (ohne D-SÜDOST); **Inspektor** der, -s, -en ÜBERALL

• *Fischbach hat sich in seiner Funktion als externer **Inspekteur** der geschlossenen Anstalten des Neuro-psychiatrische Krankenhaus [...] vorgenommen.* (Luxemburger Wort)¹³.

Варьирование наблюдается и в использовании приставок, которые могут выступать одновременно как отделяемые, так и неотделяемые, например, приставка *über-* в глаголе *übersiedeln* используется как отделяемая в люксембургском стандарте, в отличие от австрийского:

übersiedeln sw. V. / ist *Trennbarkeit*: **sie siedelt ... über (trennbar)** CH, D; **sie übersiedelt (untrennbar)** A, CH, D

*Dann hörte man, dass der reichste Mann Frankreichs, Bernard Arnault, nach Belgien **übergesiedelt** sei.* (Luxemburger Wort)¹⁴.

В связи с этим важным представляется мнение авторов названного проекта, которые отмечают необходимость кодификации грамматических норм разных стандартов и утверждают, что «непризнание вариативности» [Dürscheid, Elspaß, Ziegler, 2011: 205] грамматики региональных или национальных вариантов может иметь негативные последствия. Например, при составлении справочников по грамматике это может привести к поспешному исключению из корпуса грамматических вариантов, которые находятся вне поля зрения специалистов-кодификаторов нормативных грамматических явлений. В инстанциях, реализующих эту норму, т.е. в школе и/или университете, следствием игнорирования названной концепции может стать «необоснованная маркировка региональных или национальных вариантов стандартного немецкого языка как ‘ошибка’» [Dürscheid, Elspaß, Ziegler, 2011: 205].

Общеизвестно, что самые очевидные отличия в языковых системах различных стандартов проявляются на лексическом уровне. Таким образом, показательным представляется опыт **кодификации**

¹³ Inspekteur / Inspektor // Variantengrammatik. URL: [http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Inspekteur /_Inspektor](http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Inspekteur/_Inspektor) (accessed: 02.12.2022).

¹⁴ übersiedeln (Trennbarkeit) // Variantengrammatik. URL: [http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Übersiedeln_\(Trennbarkeit\)](http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Übersiedeln_(Trennbarkeit)) (accessed: 02.12.2022).

лексического состава современного люксембургского немецкого языка.

Попытки научного описания лексических люксембургизмов предпринимались со второй половины XX в., ср. [Hoffmann, 1979; Ammon 1995: 399–404], однако в толковых и орфографических словарях немецкого языка конца XX в., например, в словарях серии Дуден, такая лексика не была зафиксирована [Ammon, 1995: 399–400]. В качестве первого опыта лексикографической систематизации лексических люксембургизмов можно назвать «Словарь вариантов немецкого языка» (издания 2004 г. и 2016 г.)¹⁵, вышедшего под редакцией немецкого социолингвиста У. Аммона. В словаре содержатся семантические люксембургизмы, т.е. слова, имеющие одинаковую форму, но разное значение в различных диалектных вариантах немецкого языка (в ряде случаев последние маркированы пометой *gemeindt.* ‘общенемецкий’, что означает использование данного значения во всех остальных стандартах), например: *begreifen* ‘содержать’ (люкс.), ‘понимать’ (общенем.); *Bijouterie* ‘ювелирный магазин’ (люкс.), ‘украшение’ (общенем.); *Garage* ‘ремонтная мастерская и торговая площадка для механических транспортных средств’ (люкс.), ‘пространство для регулировки транспортных средств’ (общенем.); *Ovation* ‘общественное признание достижения, чествование’ (люкс.), ‘восторженные аплодисменты’ (общенем.)¹⁶ и т.д.

В 2022 г. в издательстве Дуденферлаг в Германии вышел первый долгожданный словарь люксембургского стандарта немецкого языка “Luxemburger Standarddeutsch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in Luxemburg”¹⁷, составленный Хайнцем Зибургом, германистом и медиевистом, профессором Люксембургского университета.

Мегаструктура словаря содержит десять разделов: 1) введение (общие сведения); 2) информацию о люксембургском стандарте немецкого языка и влиянии на него французского и люксембургского языков; 3) описание словника (с тематическим делением); 4) описание структуры словарной статьи; 5) функционирование немецкого в системе образования; 6) информацию о статусе немецкого языка в многоязычном Люксембурге; 7) описание понятия «плюрицентрич-

¹⁵ Ammon U. u.a. (Hgg.) Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin, New York: de Gruyter, 2004. lxxv, 954 S.; Ammon U. u.a. (Hgg.). Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz, Deutschland, Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol sowie Rumänien, Namibia und Mennonitensiedlungen. 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin, Boston: de Gruyter, 2016. lxxviii, 916 S.

¹⁶ Ammon U. 2004. Op. cit.

¹⁷ Sieburg. Op. cit.

ность»; 8) список использованной литературы; 9) список используемых сокращений; 10) словник.

В макроструктуру — словник — включены лексемы, номинирующие понятия из таких тематических областей, как:

- государство и парламент (*Aktualitätsstunde, Chamberkommission, Deputierte*);
- правопорядок (*Assisenhof, Berufungshof, Ehrbarkeit*);
- партии (*elektoral, Parteikarte, Politmonitor*);
- коммуны и управление (*Fusionsgemeinderat, Gemeindemutter, Nordgemeinde*);
- двор и аристократия (*Familienpakt, Großherzog, Hofmarschallin*);
- экономика (*Aktionariat, Beki, Budgetdebatte*);
- транспорт (*Automobilistin, Buschauffeur, Contournement*);
- профессии (*Benevolat, Braderie, Cafetier*);
- религия (*Aumonier, Echternacher Springprozession*);
- образование (*Chargé, Cruche, Garderie, Masterthese*);
- спорт (*Barragespiel, Benjamins, BGL Ligue*);
- свободное время (*Ferienkolonie, Schreibatelier, Spezialurlaub*);
- кулинария (*Brasserie, Crémant, Ehrenwein*);
- традиции и обычаи (*Brezelsonntag, Hämmelesmarsch, Houseker*)

и многие другие.

Микроструктура справочника — словарная статья — содержит следующую информацию о заголовочной единице: фонетическую зону (у ряда лемм), грамматическую зону (род, мн. ч. существительного); зону дефиниции; зону синонимии; этимологическую зону; зону эквивалентов из других стандартов (австрийского, швейцарского и т.д.); данные о функциональной специфике единицы (как правило, терминологической); иллюстративную зону (контекстные примеры из люксембургских газет); словообразовательные модели конкретного слова. При этом некоторые зоны (синонимии, этимологии, ономазиологии и т.д.) представлены не для всех лемм. Как уже отмечалось выше, в случае отсутствия транскрипции, краткость или долгота ударного гласного маркируется в заголовочных словах с помощью общепринятых знаков: точки под гласной либо подчеркивания. В статьях используются также сокращения — общепринятые (*BELG, CH, D, LIE, LUX* и т.д.) и специальные (*ACEL, CHL, ITM* и т.д.), а также отсылки в виде условных знаков, например (↑), для получения дополнительной информации.

Приведем пример одной из словарных статей:

Budgetminister Budgetministerin, der; -s, — bzw. die; -, -nen: neben Finanzminister (D) ↑ Infokasten Budget, ↑ Infokasten Minister: “*Es ist ein Symbol für Frieden, Freiheit und Stabilität*”, sagt etwa Luc Frieden (↑ CSV), der damals als **Budgetminister** dafür zuständig war, die Ein-

führung des Euro als Bargeld in Luxemburg zu organisieren. (LW 02.01.2022); Begonnen hat er seine Beamtenkarriere unter dem damaligen Finanzminister Jacques Santer (↑ CSV) und Budgetminister Jacques Poos (↑ LSAP). (TB 31.01.2020)

□ *Ex-Budgetminister, Finanz- und Budgetminister, Tresor- und Budgetminister*¹⁸

В связи с вышесказанным важно отметить, что, несмотря на незначительный корпус словаря (ок. 1300 лексем), создание такого кодифицирующего источника является большим шагом не только в развитии нормализаторской деятельности люксембургского стандарта немецкого языка, но и в лингвистическом признании его функционирующей нормы.

В заключение подчеркнем, что смещение доминанты социолингвистических изысканий в сторону антропоцентризма обусловило развитие вариантологии, где основным объектом изучения является стандарт плюрицентричного языка. Кодификация определенного варианта плюрицентричного языка является магистральным направлением признания этого идиома в качестве национального стандарта. Люксембургский стандарт немецкого языка длительное время на протяжении XX в. оставался практически вне поля зрения лингвистов, однако благодаря усилиям немецких, люксембургских и отечественных ученых наблюдается рост исследований в данной области. Нормы люксембургского варианта немецкого языка кодифицируются при описании фактического состояния языка в научных изданиях, а также в словарных источниках, которые носят, как правило, дескриптивный характер. Несмотря на ограниченность нормотворческой деятельности, в настоящее время наблюдается активное стандартизирование, т.е. постепенное лексикографическое закрепление произносительных, грамматических и лексико-семантических норм люксембургского стандарта немецкого языка в справочниках и словарях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Домашнев А.И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
2. *Едличко А.И.* Плюрицентричность немецкого языка как лингводидактическая проблема // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 154–163.
3. *Клюева Т.В.* Особенности немецкого литературного языка в Люксембурге. М., 2008.
4. *Копчук Л.Б.* Аспекты грамматической вариативности немецкого языка в свете концепции плюриаральности // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Т. 4. № 1. С. 54–63.

¹⁸ *Sieburg H.* Op. cit. S. 56.

5. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm. М., 2017.
6. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.
7. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin; N.Y., 1995.
8. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 2008.
9. Dürscheid Ch., Elspaß S., Ziegler A. Grammatische Variabilität im Gebrauchsstandard: das Projekt “Variantengrammatik des Standarddeutschen” // Lenz A., Glauning M. (Hgg.): Standarddeutsch im 21. Jahrhundert — Theoretische und empirische Ansätze mit einem Fokus auf Österreich. Göttingen: V&R unipress, 2011. P. 205–233.
10. Hoffmann F. Sprachen in Luxemburg: Sprachwissenschaftliche und literarhistorische Beschreibung einer Triglössie-Situation. Wiesbaden, 1979.
11. Muhr R. Plurizentrische Sprachen Europas. Ein Überblick // Gutenberg E., Blumberg M. (Hgg.) Vielsprachiges Europa. Zur Situation der regionalen Sprachen von der Iberischen Halbinsel bis zum Kaukasus. Frankfurt am Main u.a., 2003. P. 191–233.
12. Sieburg H. ‘Luxemburger Standarddeutsch’? Hintergründe und Perspektiven // Sieburg H., Solms H.-J. (Hgg.) Das Deutsche als plurizentrische Sprache. Ansprüche — Ergebnisse — Perspektiven. Zeitschrift für deutsche Philologie. Sonderheft. Berlin, 2017. P. 125–143.
13. Sieburg H. Luxemburger Standarddeutsch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in Luxemburg. Berlin, 2022. P. 5–29.

Anzhela I. Edlichko

GERMAN IN LUXEMBOURG: LEXICOGRAPHIC CODIFICATION OF NATIONAL STANDARD

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ang299@yandex.ru

Abstract: The article is an analytical review of some problems of dictionary codification of Luxembourg German Standard. The relevance of the study lies in the fact that the Luxembourg variety of German Standard, which differs in a number of distinctive features from other national varieties of the German language, is still poorly studied. Some aspects of the study of the German language in Luxembourg, the criteria of the standard in general and the features of the Luxembourg standard of the German language in particular are briefly described. The main part of the study is the analysis of current lexicographic sources that codify the specific features of the pronunciation, grammar, lexical and semantic norms of the Luxembourg Standard. The results of the analysis of lexicographic sources, which are descriptive codifiers of the German Standard in Luxembourg, are presented: a pronunciation dictionary of the Standard High German language, the project “Regional Variation in the Grammar of Standard German”, dictionaries of varieties of the German language. The structure and content of the dictionary of the Luxembourg standard for the German language [Sieburg, 2022] are considered in detail. This includes general information about the mega-, macro- and microstructure of the dictionary, the subject and variable characteristics of the codified vocabulary, the features of the structure and content of dictionary entries. As a result of the analysis, a conclusion is made about the development of the normalizing activity of the Lu-

xembourg German Standard and about the recognizing of this standard, which has specific features at different levels of the language system.

Keywords: pluricentric language; norm; standard; Luxembourg; Luxembourg Standard German; dictionary; codification

For citation: Edlichko A.I. (2023) German in Luxembourg: lexicographic codification of national standard. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 108–120. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Anzhela I. Edlichko — PhD in Philology, Associate Professor, Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ang299@yandex.ru

REFERENCES

1. Domashnev A.I. 1983. *Sovremennyj nemeckij yazyk v ego nacional'nyh variantah* [Modern German in its National Varieties]. Leningrad. (In Russ.)
2. Edlichko A.I. 2020. Plyuricentrichnost' nemeckogo yazyka kak lingvodidakticheskaya problema [Pluricentricity of the German Language as a Problem of Language Teaching Methodology]. *Moscow State University Bulletin. Series 19 Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 154–163. (In Russ.)
3. Klyueva T.V. 2008. *Osobennosti nemeckogo literaturnogo yazyka v Lyukseburge* [Features of the German Language in Luxembourg]. Moscow. (In Russ.)
4. Kopchuk L.B. 2022. Aspekty grammaticheskoy variativnosti nemeckogo yazyka v svete koncepcii plyuriareal'nosti [Aspects of Grammatical Variation of the German Language in the Light of the Pluriareal Concept]. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 54–63. (In Russ.)
5. Proshina Z.G. 2017. *Kontakt'naya variantologiya anglijskogo yazyka. Problemy teorii. World Englishes Paradigm* [Contact Variantology of the English Language. World Englishes Paradigm. Problems of theory]. Moscow. (In Russ.)
6. Proshina Z.G. 2022. Lingvokontaktologiya: sovremennye problemy i perspektivy [Contact Linguistics: Current Challenges and Perspectives]. *Moscow State University Bulletin. Series 19 Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 73–88. (In Russ.)
7. Ammon U. 1995. *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin, New York. (In Germ.)
8. Bußmann H. 2008. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart. (In Germ.)
9. Dürscheid Ch., Elspaß S., Ziegler A. 2011. Grammatische Variabilität im Gebrauchsstandard: das Projekt “Variantengrammatik des Standarddeutschen”. In Lenz A., Glauninger M. (Hgg.): *Standarddeutsch im 21. Jahrhundert — Theoretische und empirische Ansätze mit einem Fokus auf Österreich*. Göttingen: V&R unipress, pp. 205–233. (In Germ.)
10. Hoffmann F. 1979. *Sprachen in Luxemburg: Sprachwissenschaftliche und literarhistorische Beschreibung einer Trilingual-Situation*. Wiesbaden. (In Germ.)
11. Muhr R. 2003. Plurizentrische Sprachen Europas. Ein Überblick. In Gutenberger E., Blumberg M. (Hgg.) *Vielsprachiges Europa. Zur Situation der regionalen Sprachen von der Iberischen Halbinsel bis zum Kaukasus*. Frankfurt am Main u.a.: Lang, pp. 191–233. (In Germ.)

12. Sieburg H. 2017. 'Luxemburger Standarddeutsch'? Hintergründe und Perspektiven. In Sieburg H., Solms H.-J. (Hgg.) *Das Deutsche als plurizentrische Sprache. Ansprüche — Ergebnisse — Perspektiven. Zeitschrift für deutsche Philologie*. Berlin: Schmidt, pp. 125–143. (In Germ.)
13. Sieburg H. 2022. *Luxemburger Standarddeutsch — Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache in Luxemburg*. Berlin: Dudenverlag. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 18.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 18.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

А.И. Манченкова

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРНОГО
ОНОМАСТИКОНА**

(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ “THE SORCERER”

У. ГИЛБЕРТА И А. САЛЛИВАНА)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; amanch2011@mail.ru*

Аннотация: Цель настоящей статьи — выявить особенности функционирования имен собственных в текстах опер, в частности в либретто британской комической оперы “The Sorcerer” Уильяма Гилберта и Артура Салливана. Данное исследование берет за основу следующую гипотезу: в рамках театрального дискурса одной из основных функций онима является информационно-накопительная, или кумулятивная, функция. Будучи неотъемлемой частью лингвокультуры, имя собственное способно быть хранителем культурно значимой информации, при «декодировании» которой читатель или зритель сможет обрести весь необходимый для понимания происходящего в произведении контекст. Так, в опере “The Sorcerer” присутствуют как антропонимы, указывающие на статус героев в англосаксонской «системе координат», так и топонимы, без понимания культурной значимости которых пропадает комический эффект, заложенный Уильямом Гилбертом — автором либретто. Анализ выбранных онимов позволил доказать, что имя собственное играет немаловажную роль в построении сюжета и в создании образов персонажей музыкального произведения.

Ключевые слова: оним; ономастика; ономастикон; функции лексических единиц; кумулятивная функция

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-09

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Манченков А.И. Функциональные особенности оперного ономастикона (на материале либретто оперы “The Sorcerer” У. Гилберта и А. Салливана) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 121–127.

Любое оперное произведение сочетает в себе как тщательно продуманные невербальные компоненты (оформление сцены, костюмы

Манченкова Анна Игоревна — преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; amanch2011@mail.ru

исполнителей, работу со светом и, конечно же, музыку), так и вербальную составляющую (слова исполнителей, зафиксированные в либретто). Возможно, изучая оперы, исследователи чаще всего останавливаются на анализе музыкального рисунка произведения или же на особенностях воплощения авторского замысла на сцене, в то время как вербальному компоненту уделяется не так много внимания. Однако справедливым будет заметить, что слова, звучащие из уст артистов, влияют на восприятие сюжета зрителями ничуть не меньше, чем иные составляющие произведения. Кроме того, тот факт, что благодаря грамотно подобранным языковым средствам авторы оперы способны транслировать культурно значимую информацию, подтверждает чрезвычайную важность работы либреттиста. Согласно Н.Н. Болдыреву, «язык — неотъемлемая часть культуры конкретного народа, и поэтому многие языковые явления непосредственно связаны с культурными процессами, испытывают на себе их влияние и в них отражаются, а также служат средством их репрезентации» [Болдырев, 2021: 57]. В фокусе настоящего исследования находится лишь одна опера Уильяма Гилберта и Артура Салливана, “The Sorcerer”, об особенностях которой будет сказано ниже, однако хотелось бы отметить, что иные работы данного творческого дуэта содержат в себе отсылки к мифологии (например, опера “Thespis”, увидевшая свет в 1871 г.) или литературным произведениям (как, например, “Patience”, первая постановка которой состоялась в 1881 г.). Г.Г. Молчанова отмечает, что «частые отсылки к классическим произведениям <...> способствуют поддержанию национально-культурного пространства и осознанию общественных норм и правил» [Молчанова, 2021: 12]. Таким образом, вербальный компонент оперы является эффективным инструментом конструирования смысла.

Настоящее исследование посвящено специфике функционирования имени собственного в рамках театрального дискурса, в частности в опере “The Sorcerer” Уильяма Гилберта и Артура Салливана. Для либретто оперы, как и для многих литературных или драматических текстов, характерно наличие ономастикона, созданного и сформированного его авторами. Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Подольской Н.В, ономастикон — «словарь или список любых собственных имен (составленный обычно отдельно для разных категорий онимов)» [Подольская, 1978: 98]. В данной статье внимание уделено таким составным частям ономастикона оперы “The Sorcerer”, как антропонимы и топонимы, встречающимся в либретто данного музыкального произведения.

Перед тем, как перейти к анализу онимов, целесообразно привести информацию о той функции лексических единиц, которая

стала смыслообразующей для настоящего исследования. Речь идет о кумулятивной, или же информационно-накопительной, функции. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров объясняют кумулятивную функцию языка следующим образом: «это отражение, фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности» [Верещагин, Костомаров, 1990: 15]. В.В. Морковкин называет эту функцию также информационно-накопительной и поясняет следующее: «именно информационно-накопительная функция позволяет лексическим единицам служить средством сохранения и передачи национального самосознания, национальной культурно-исторической традиции» [Морковкин, 2007: 46].

Имена собственные, являясь полноправными лексическими единицами, способны успешно выполнять описанную выше кумулятивную функцию. Оним — это не только языковой знак, но и хранитель культурных установок и культурно значимой информации. В.В. Робустова отмечает, что оним «представляет своего рода культурный портрет, степень яркости и насыщенности которого зависит от реципиента и его способности читать между строк. Имена собственные формируют ономастическое знание в каждой конкретной культуре» [Робустова, 2015: 21]. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров также подчеркивали тот факт, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем аппелятивам» [Верещагин, Костомаров, 1990: 56].

Перейдем к анализу имен собственных, встречающихся в опере “The Sorcerer” и обладающих как национально-культурной спецификой, так и спецификой внутренней формы. В ходе исследования методом сплошной выборки была составлена база онимов в количестве 93 единиц. Найденные имена собственные были классифицированы по типу называемого объекта:

– антропонимы: имена как главных героев оперы (*Sir Marmaduke Pointdextre*, *Lady Sangazure*), так и личностей или персонажей, не являющихся действующими лицами, но встречающихся в репликах героев (*Abudah*);

– топонимы (*St. Mary Axe*, *One Tree Hill*);

– смешанные имена: категория, включающая в себя все те онимы, которые встречаются в опере всего лишь пару раз и не относятся ни к антропонимам, ни к топонимам (*J.W. Wells & Co*).

В рамках данной статьи рассмотрены несколько примеров, наиболее интересных с точки зрения функции, выполняемой именем собственным в контексте исследуемой оперы.

“The Sorcerer”, созданная Уильямом Гилбертом и Артуром Салливаном в 1877 г., повествует о том, как бездумное желание моло-

дого влюбленного повергает в хаос жизнь его знакомых и близких. Юный Алексис, окрыленный любовью к своей невесте, мечтает о том, чтобы и все люди вокруг познали радость истинного чувства. В своем благородном порыве герой обращается за помощью к чародею, который подмешивает любовное зелье в напитки горожан. Это приводит к тому, что жители городка, в котором происходит действие, влюбляются в первых встречных; сформировавшиеся в результате колдовства влюблённые пары нелогичны и смешны, что и обеспечивает комизм произведения.

Рассмотрим функциональные особенности нескольких антропонимов, встречающихся в опере “The Sorcerer”. Такие имена, как *Marmaduke Pointdextre* и *Annabella Sangazure*, интересны тем, что сразу указывают на благородное происхождение героев. Фамилия *Pointdextre* связана с разделением фамильного герба на сектора: “the dexter point is the top right-hand corner of a coat of arms as carried by its bearer; i.e., the top left-hand corner as seen by a spectator” [Benford, 1999: 25]. Пожилой баронет и рыцарь-командор ордена Бани, *Sir Marmaduke Pointdextre* носит имя, подходящее ему по статусу. Фамилия *Sangazure*, за которой скрывается его возлюбленная *Annabella*, и вовсе в переводе с французского означает «лазурная кровь» или «голубая кровь», что также не оставляет сомнений в знатности героини, носящей данное имя. Кроме того, Уильям Гилберт и Артур Салливан ономастически противопоставляют две вышеупомянутых благородных семьи с героиней церковной привратницы *Mrs. Partlet*. Г. Бенфорд связывает фамилию *Partlet* с персонажем сказки братьев Гримм, курицей по имени *Dame Partlet* [Benford, 1999: 26]. Действительно, речь и манеры *Mrs. Partlet* (e.g. “I am not heverythink that could be desired” или “the great and priceless dowry of a true, tender, and lovin’ ’art”) далеки от возвышенных речей, которые произносят *Marmaduke Pointdextre* (e.g. “Irresistible incentive / Bids me humbly kiss your hand”) или *Annabella Sangazure* (e.g. “Sir, I thank you most politely / For your grateful courtesee”). Таким образом, мы видим, что имена персонажей оперы “The Sorcerer” играют немаловажную роль в создании образов героев, отражают их статус и положение в обществе.

Топонимы, встречающиеся в рассматриваемом музыкальном произведении, также дополняют повествование необходимым для полноценного понимания событий контекстом. Носители английской лингвокультуры конца XIX в., услышав фразу “I often roll down One Tree Hill!”, наверняка соотнесут активность, описанную данным предложением, с весьма распушенными нравами. Так, *One Tree Hill* изображен на карикатуре английского художника Томаса Роулэндсона “One Tree Hill, Greenwich Park”, на которой люди разных возрастов скатываются с холма, превращая детские игры во взрослые

забавы. Реплика “I often roll down One Tree Hill!” звучит из уст чародея, который сам стал жертвой эксперимента с любовным зельем, ведь во втором действии он вынужден уворачиваться от устойчивых ухаживаний одной из героинь. Именно этот аргумент он приводит для того, чтобы доказать женщине, проявившей к нему столь нежелательный интерес, свою несостоятельность в качестве кавалера. Успешное «декодирование» топонима *One Tree Hill* необходимо для понимания ситуации и достижения комического эффекта.

В категорию культурно маркированных топонимов, без фоновых знаний о котором теряется смысл сцены, попадает и оним *Rosherville*, встречающийся во фразе “I sometimes go to Rosherville!” Это имя собственное вызывает в сознании зрителя образ *Rosherville Gardens*, викторианского «парка развлечений». Изначально планировалось, что парк сможет привлечь богатых посетителей, готовых потратить свои сбережения на культурное времяпрепровождение. Однако *Rosherville Gardens* не оправдал ожиданий, поэтому руководству парка пришлось усмирить свои амбиции и понизить цены на билеты, из-за чего парк перестал позиционироваться как место, где собираются люди высшего класса¹. Слова “I sometimes go to Rosherville!” — это еще одна реплика, которой неудачливый чародей пытается осадить пылкую страсть его поклонницы. Следовательно, и этот топоним, подобно *One Tree Hill*, отражает специфику носителей британской лингвокультуры и их социально-мировоззренческие ориентиры.

Таким образом, анализ вышеприведённых примеров показал, что имя собственное в рамках оперного текста действительно способно актуализировать культурно значимую информацию в сознании реципиента, которую зрителю предстоит распознать и декодировать для понимания авторского замысла. Онимы в текстах либретто в полной мере выполняют кумулятивную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н.Н.* Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990.
3. *Молчанова Г.Г.* Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 9–18.

¹ Delaney S. *Rosherville Gardens in Northfleet and the Grade II listed bear pit which formed the EuroDisney of the Victorian age* // KentOnline 03.01.2022. URL: <https://www.kentonline.co.uk/kent/news/it-was-the-eurodisney-of-the-victorian-age-259737/> (accessed 15.01.2023).

4. Морковкин В.В. Основные функции лексических единиц // Вестник РУДН, сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 1. С. 43–51.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
6. Робустова В.В. Ономастическая лексика как способ вербализации концептов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 20–30.
7. Benford H. The Gilbert and Sullivan Lexicon. Third Edition, with foreword by Kenneth Sandford and illustrations by Geoffrey Shovelton. Houston, TX: Queensbury Press, 1999.
8. Complete Works of Gilbert and Sullivan (Illustrated) (Delphi Series Eight Book 7). Delphi Classics, 2017.

Anna I. Manchenkova

FUNCTIONS OF PROPER NAMES AND THEIR PARTICULAR FEATURES: A STUDY OF “THE SORCERER” BY WILLIAM GILBERT AND ARTHUR SULLIVAN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; amanch2011@mail.ru

Abstract: The present article aims to reveal the particular features of the way proper names function in an operatic text, in particular in the libretto of the British comic opera “The Sorcerer” created by William Gilbert and Arthur Sullivan. This study is based on the following hypothesis: within the framework of theatrical discourse, one of the main functions of a proper name is an information-accumulative, or cumulative, function. As an integral part of culture, an onym has the ability to store culturally significant information. “Decoding” such onyms in a literary or an operatic text provides the reader or viewer with all the context necessary for an understanding of what is happening according to the plot. For example, in “The Sorcerer” there are anthroponyms that indicate the status that the main characters have in the Anglo-Saxon society. Apart from anthroponyms there are also culturally significant toponyms, which have to be understood in order to grasp the comic effect created by William Gilbert, the author of the libretto. The analysis of the few chosen onyms made it possible to prove that a proper name may play an important role in the construction of the plot and in the creation of characters’ images within the framework of a musical theatre piece.

Key words: onym; onomastics; onomasticon; functions of lexical units; cumulative function

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Manchenkova A.A. (2023) Functions of proper names and their particular features: a study of “The Sorcerer” by William Gilbert and Arthur Sullivan. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 121–127. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Anna I. Manchankova — Lecturer, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; *amanch2011@mail.ru*

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke [The phenomenon of secondary creations in culture and language] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 57–69. (In Russ.)
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. 1990. *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a foreign language]. 4th Edition. M. (In Russ.)
3. Molchanova G.G. 2021. Intertekstual'nost' i mifotekhnologii v postmodernistskom tekste [Intertextuality and mythotechnologies in post-modern text]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
4. Morkovkin V.V. 2007. Osnovnye funktsii leksicheskikh edinit [Main functions of lexical units]. *Vestnik RUDN, ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. № 1, pp. 43–51. (In Russ.)
5. Podol'skaya N.V. 1978. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [A dictionary of Russian onomastic terminology]. M.: Izd-vo Nauka. (In Russ.)
6. Robustova V.V. 2015. Onomasticheskaya leksika kak sposob verbalizatsii kontseptov [Onyms as a way to verbalise concepts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–30. (In Russ.)
7. Benford H. *The Gilbert and Sullivan Lexicon*. Third Edition, with foreword by Kenneth Sandford and illustrations by Geoffrey Shovelton. Houston, TX: Queensbury Press, 1999.
8. *Complete Works of Gilbert and Sullivan (Illustrated)* (Delphi Series Eight Book 7). Delphi Classics, 2017.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 18.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 18.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

З.Н. Афинская

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕГРАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; afin-zn@mail.ru*

Аннотация: Настоящее исследование посвящено одному из актуальных вопросов лингвокультурологии — интеграционным процессам, протекающим в межкультурном пространстве. Реализация этих сложных процессов возможна благодаря слову и его семантическому наполнению, которое постоянно обогащается новыми или известными, но переосмысленными в практике речевой деятельности смыслами. В статье представлены результаты исследования семантики слова ум и его адъективного варианта умный в сопоставительном аспекте русского и французского языков (l'intelligence, intelligent). Семантика этих слов актуализирована в современной речи благодаря новым технологическим аспектам жизнедеятельности человека, таким как искусственный интеллект, информационные и цифровые технологии. Они представляют интерес в качестве концептов, формировавших межкультурное пространство России и Франции, благодаря взаимовлиянию французского сюрреализма и русского авангарда.

Ключевые слова: ум; интеллект; за-умь; диалог; интеграция; культура; футуризм; сюрреализм

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-10

Для цитирования: Афинская З.Н. К проблеме интеграции межкультурного пространства (на материале русского и французского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 128–136.

Пространство семантического потенциала слова не ограничивается только лексикографической практикой благодаря его способности выражать все необходимые для пользователя оттенки значения. Как утверждает С.Г. Тер-Минасова, «семантика слова не

Афинская Зоя Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; afin-zn@mail.ru

исчерпывается одним лишь лексическим понятием» [Тер-Минасова, 2014: 60]. Она — результат интеллектуальных связей между языком и культурой, культурой своей и чужой, которая постепенно интегрируется с родной культурой, составляя основу интегрированного межкультурного пространства [Заботкина, 2021: 17]. Предметом настоящего исследования являются особенности семантики лексем *ум*, *l'intelligence* и их адъективных вариантов в сопоставительном аспекте русского и французского языков.

Ум ассоциируется с самыми высокими ценностными категориями и поэтому качество «умный» приписывается любой значимой для человека деятельности. В интеллектуальном пространстве современного общества благодаря укреплению индустрии «больших данных» (*big data*) наблюдается рост *умных* (*intelligent, smart*) технологий (*умный транспорт, умное освещение, умный город, умные агротехнологии* и пр.).

Все оттенки качества «умное» обладают, несомненно, позитивной оценочной коннотацией. Этим качеством оценивается результат труда человека, вовлеченного в единый интеллектуальный процесс (*умное решение проблемы общественной жизни, умное распоряжение, умное предложение или замечание в ходе дискуссии* и пр.). В ракурсе психологических исследований понятие *ум* обозначает свойства личности, которые необходимы и проявляются в разных ситуациях: 1) концептуальный *ум* необходим для правильного решения научных задач; 2) социальный *ум* связан с особой проницательностью в принятии решений, затрагивающих человеческие судьбы; 3) эстетический *ум* стремится к познанию формы явлений, его не интересует практическое применение своих открытий; 4) технологический *ум* позволяет в каждом случае четко представить стратегию действий, исходя из технических возможностей и наличия средств для их реализации [Лук, 1978: 89–90].

Определения лексем *ум* и *умное* в лингвистических словарях и соответствующих понятий в философских словарях при всей возможной широте их контекстного толкования не раскрывают всей полноты их значений. Сопоставительный анализ этих слов с близкими, но не совпадающими значениями (*разум, рассудок, рациональность, гений, интеллект*, а также *умонастроения, умозаключение, умозрения* и пр.), как и с их французскими эквивалентами (*esprit, pensée, imagination, génie, idées, raison, connaissance* и пр.) позволяет тем не менее оценить специфику разных национальных языковых картин мира.

Слово *intelligence* достаточно близко по своим коннотациям как к представлениям об элитарном образе мышления, так и к практическим решениям: “*Intelligence n’est pas à prendre dans un sens élitiste mais bien dans son sens quotidien: avoir l’intelligence de la situation*” — «Разум следует понимать не только в элитном понимании, но также в его повседневном преломлении» (Пер. З.А.) [Hansotte, 2005: 87–88]. Контекст рационального поведения (*intelligence*) подразумевает также экономическую основу, расчет шансов и прибыли (“*l’action rationnelle ... étant le produit d’un calcul des chances et des profits*”) [Fournier, 2012].

Сопоставительное исследование слов *ум*, *разум*, *рассудок* и их французских синонимов (*esprit*, *raison*, *intelligence*) выявляет не только совпадение значений как следствие перевода французских лексем на русский язык в период галломании, но и существенные отличия. Более того, согласно М.К. Голованивской, точного эквивалента русскому *уму* не обнаруживается во французском языке, вместе с тем семантика французского *esprit* также не совпадает полностью с русскими *ум*, *разум* и *рассудок* [Голованивская, 2009]. В русском языке существуют такие устойчивые словосочетания, как *задний ум* (аналог хитрости), *практический ум* (аналог понятия «умения жить», связанного с умением решать материальные проблемы). Широко известны пословицы и поговорки, которые свидетельствуют о том, как издавна оценивалось это качество в русской культуре: *Ума много, да вон нейдет* — говорят о том, кто не умеет воспользоваться своим умом вовремя. *Ум дороже денег. Ума на деньги не купить*, «*были бы деньги и за умного сочтут*», выражаясь современным языком. *Ума палата, да разума маловато; умную речь хорошо и послушать* и др. Вместе с тем *ум* не всегда является тем «ключиком», который позволяет быстро раскрыть тайну непознанного («*Умом Россию не понять...*»)

Не многим русским поговоркам можно найти аналоги во французском языке: *Si cela n’est vrai, il est bien trouvé* (*умная ложь лучше голой правды*); *le sage entend à demi-mot* (*умный слышит с полслова*); *à bon entendeur peu de paroles*; *le plus sage sédait* (*умный уступает*); *que les gens d’esprit sont bêtes* (*умен, да не разумен*); *on pense mieux à deux que seul* (*ум хорошо, да два лучше (а три — хоть брось)*). Наполеон, сопоставляя ум и силу как необходимые достоинства воина, пришел к убеждению, что в конечном счете ум сильнее сабель: “*Il n’y a que deux puissances dans le monde: le sabre et l’esprit. J’entends*

par l'esprit les institutions civiles et religieuses. A la longue, le sabre est toujours battu par l'esprit"¹ [Rippert, 1995: 150].

Качество *умный* — похвальная характеристика человека и его труда, но погоня «за умом», т.е. подражание авторитетам, притязание на похвалу и одобрение обществом — не самое умное поведение. Так, Монтескье говорил, что, подражая умным, становишься просто глупым (“*quand on court après l'esprit, on attrape la sottise*”) [Rippert, 1995: 150]. Именно потому, что слагающих компонентов ума много, один и тот же человек в некоторых ситуациях оказывается умен, а в других совершает нелогичные поступки, и граница между умным поведением и глупостью бывает весьма зыбкой. “L'esprit est ce qu'il y a de plus bête au monde” («Нет ничего глупее ума». — Пер. З.А.), как сказал французский философ Максим Дю Кам [Rippert, 1995: 150].

В отличие от *ума* понятие *интеллект*, подразумевая высшую оценку когнитивной деятельности, предполагает, хотя и в скрытом виде, социальный аспект — не каждый человек оценивается обществом как обладатель интеллектуальных способностей.

Между тем, понятие *ум* благодаря русским футуристам начала XX в., стало фактором разрушения рациональной основы культуры. *За-умь* была интеллектуальной попыткой выйти за рамки рационально организованной нормы, расшатать рациональную основу языка, оснастить его новыми словами. «Мы верим, что, если этот ум будет верить себе, то все, что выйдет из-под его пера, будет прекрасно и звонко»². «Русское умничество» (термин Вел. Хлебникова), «всегда алчущее прав, откажется ли от того, которое ему вручает сама воля народная: право словотворчества?»³

В эстетике авангардизма непосредственность художественной интуиции была призвана выразить нонсенс как творческий акт. А. Крученых «был одним из основных приверженцев отказа от разума, здравого смысла в процессе творчества и призывал к бессмыслице в искусстве... Поэт пытался выйти к заумному смыслу, не застывшему, а скользящему, и утверждал: «давая новые слова, я приношу новое содержание, где все стало скользить (условность времени, пространства и прочего)» [Фиртич, 1999: 59]. Многое в художественном творчестве развенчивалось футуристами как *предрассудок*, как оковы рациональности. Они предпочитали конструирование новых слов и пытались внедрить их в ткань изобразитель-

¹ Rippert P. Dictionnaire des citations de langue française. Paris, 1995.

² Велимир Хлебников. Собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. М., 2002. С. 170.

³ Там же. С. 139.

ного искусства. Согласно А. Крученых, «заумный язык ... подал руку заумной живописи» [Будетлянский клич, 2006: 93]. Новое как лозунг и как определенный семантический базис авангардного искусства, затрагивало все пласты языка, Эстетика футуристической поэзии и живописи обострила интерес к эксперименту, вступая с читателем в своеобразный диалог. От поэта и его читателя требовалось *интеллектуальное* отношение к форме, таким образом «заумные» произведения увеличивали значение диалога личности, языка и культуры. Идея зауми, беспредметности, включение слов, букв, цифр и их комбинаций вне контекста в картинное пространство воплотилась в экспонатах выставки, организованной К. Малевичем под названием «0.10» («Ноль-Десять») в декабре 1915 г. — январе 1916 г. в Петрограде [Стригалева, 2001: 14]. Малевич считал, что своей супрематической живописной работой — Белым квадратом (на белом фоне) — им был достигнут “абсолютный нуль”, т.е. нулевая степень нуля...» [Колесниченко, 2020: 59–60]. *Заумное* искусство было призвано ввести в интеллектуальное пространство идею диссонанса, дисгармонии, диссимметрии, деструкции рациональности. Однако выход за пределы *разумного* требовал от читателя и зрителя разгадки произведений поэтов и художников и, как ни парадоксально, напряженного диалогического общения с творцом.

Идеи русских футуристов были во многом рождены под влиянием сюрреализма, борьбы французских сюрреалистов с «язвой рациональности» (*la gangue raisonnée*). Тристан Тцара заявлял: “...l’automatisme libère les forces de l’inconscient, seul poétique, alors que l’intelligence les annihile et passe dans ses constructions savantes à côté de la poésie” («...автоматизм высвобождает силы бессознательного, истинно поэтического, тогда как интеллект их уничтожает и в своих научных конструкциях проходит мимо поэзии». — Пер. З.А.) [Nadeau, 1964: 165]. М. Надо, историк сюрреализма, отмечал: “Le surréalisme est en effet parti d’une tentative collective, encore jamais tentée, de révolution sur le plan de l’esprit” («Сюрреализм возник в коллективной, никогда ранее не предпринимавшейся, попытке революции в отношении разума». — Пер. З.А.) [Nadeau, 1964: 165].

Кризис рациональности, ощущавшийся обществом в первой трети XX в., как полагал Гастон Башляр, — возможная сфера новых идей: “Seules les crises de la raison peuvent instruire la raison” («Только кризис разума может питать рациональность». — Пер. З.А.) [Bachelard, 1972: 8]. Башляр называл этот постоянно обновляющийся рационализм «сюррационализмом» (*le surrationalisme*), наподобие «сюрреализма» в искусстве как основы преодоления рутинного

мышления. Башляр представил философское осмысление новаторских идей сюрреалистов в поэзии, их лозунга о приоритете *экспериментального ума* (*une raison expérimentale*) во всех сферах деятельности человека: “On établira susceptible d’organiser surrationnellement le réel comme le rêve expérimental de Tristan Tsara...” («Мы внедрим *экспериментальный разум* как способ сюррациональной организации реальности в соответствии с экспериментальной мечтой Тристана Тцара». — Пер. З.А.) [Bachelard, 1972: 8].

Однако было существенное отличие сюрреалистов от русских футуристов. Если сюрреалисты в своей борьбе с рационализмом в поэзии использовали метафору автоматизма, то русские футуристы предлагали выйти «за ноль», сопоставляя язык и ум не с механизмом, а с цифрой. «Мы верим, — утверждал Вел. Хлебников — что, если этот ум будет верить себе, то все, что выйдет из-под его пера, будет прекрасно и звонко»⁴ [Хлебников, 2001: 170]. Их визионерские лозунги получили особое звучание в кибернетике и технологии искусственного интеллекта (*умный транспорт, умное освещение, умный город, умные агротехнологии* и пр.). Все *умное* сопряжено в той или иной степени с результатом рациональной деятельности человека, с ее нормой, явленной в интеллектуальном пространстве, где наблюдается рост *умных* (*intelligent, smart*) технологий.

Заключение. Семантика слов *ум* и *интеллект*, равно как и *raison* и *intelligence*, актуальна в качестве элементов пространства интеллектуальных ресурсов человека, которые реализуются в самых разных сферах деятельности в XX–XXI вв. Все оттенки качества «умное» обладают, несомненно, позитивной коннотацией, что в значительной степени обеспечивает его распространение в составе терминов, обозначающих новые технологические достижения. Эти слова представляют также интерес в ракурсе межкультурной коммуникации. Русский авангард и французский сюрреализм стали теми «местами памяти», теми «свидетельствами другой эпохи, которые значимы, актуальны для современности» [Загряжская, 2021: 120]. Их объединяет, с одной стороны, критический взгляд на рационализм как на философию, ограничивающую, выход «за», «за ноль» смысла, а с другой — проекцию на потребности в диалоге с *другим*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будетлянский клич. Футуристическая книга. М., 2006.
2. Голованивская М. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М., 2009.

⁴ Велмир Хлебников. Указ. соч.

3. *Заботкина В.И.* К вопросу о когнитивной основе контакта двух культур // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 17–29.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Образ страны и образ языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 116–127.
5. *Колесниченко Ю.В.* Личность и ответственность в нулевой точке бытия. Виттебское время М.М. Бахтина и К.С. Малевича // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия Философские науки. 2020. № 4. С. 53–63.
6. *Лук А.Н.* Психология творчества. М., 1978.
7. *Стригалева А.* О последней футуристической выставке картин «0.10» [Ноль-Десять] // Научно-аналитический информационный Бюллетень фонда К. Малевича. 2001. С. 12–38.
8. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд. М., 2004.
9. *Фиртич Н.* Через ноль — в беспредметность: Андрей Белый, Казимир Малевич и Даниил Хармс (Из истории русского авангарда XX века) // Материалы II Международной конференции Общества «Аполлон. Истоки и корни». 1997. Ноябрь. СПб., 1999.
10. *Хлебников Велимир.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Поэмы / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. М., 2000–2006.
11. *Bachelard G.* L'engagementrationnaliste. Paris, 1972.
12. *Fournier Marcel.* “Bourdieu, la raison et la rationalité”. *Cités*, 2012/3 (n. 51). P. 115–128. DOI: 10.3917/cite.051.0115. URL: <https://www.cairn.info/revue-cites-2012-3-page-115.htm> (дата обращения: 06.05.2022).
13. *Hansotte Majo,* Les intelligences citoyennes. Comment se prend et s'invente la parole collective. De Boeck Supérieur, “Les intelligences citoyennes”, 2005. P. 87–88. DOI: 10.3917/dbu.hanso.2005.01. URL: <https://www.cairn.info/les-intelligences-citoyennes--9782804143831.htm> (дата обращения: 27.05.2020).
14. *Nadeau M.* Histoire du surréalisme. Paris, 1964.
15. *Rippert P.* Dictionnaire des citations de langue française. Paris, 1995.

Zoya N. Afinskaya

**ON THE PROBLEM OF INTEGRATION
OF INTERCULTURAL SPACE
(BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN
AND FRENCH LANGUAGES)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; afin-zn@mail.ru

Abstract: The present study is devoted to one of the topical issues of linguoculturology — integration processes taking place in the intercultural space. The realization of these complex processes is possible owing to the word and its semantic content, which is constantly enriched with new or well-known, but rethought in the practice of speech activity meanings. The article presents the results of the study of the semantics of the word mind and its adjectival variant smart in the comparative aspect of the Russian and French languages (l'intelligence, intelligent). The semantics of these words is actualized in modern speech due to new technological aspects of human life, such as artificial intelligence, information and digital technologies. They are of interest as concepts that formed the intercultural space of Russia and France as a result of the mutual influence of French surrealism and Russian avant-garde.

Keywords: mind; intellect; dialogue; integration; culture; futurism; surrealism

For citation: Afinskaya Z.N. (2023) On the problem of integration of intercultural space (based on the material of the Russian and French languages). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 128–136. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Zoya N. Afinskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; afin-zn@mail.ru

REFERENCES

1. Budetlyanskii klich. *Futuristicheskaya kniga* [Budetlyansky cry. Futuristic book]. 2006. Moscow. (In Russ.)
2. Golovanivskaya M. 2009. *Mental'nost' v zerkaleyazyka. Nekotorye bazovye kontsepty v predstavlenii frantsuzov I russkikh* [Mentality in the mirror of language. Some basic worldview concepts of the French and Russians]. Moscow. (In Russ.)
3. Zabotkina V.I. 2021. K voprosu o kognitivnoi osnove kontakta dvukh kul'tur [On the issue of the cognitive basis of contact between two cultures]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 17–29. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2008. *Obraz strany I obraz yazyka* [The image of the country and the image of the language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 116–127. (In Russ.)
5. Kolesnichenko Yu.V. 2020. *Lichnost' I otvetstvennost' v nulevoi tochke bytiya. Vitebskoe vremya* M.M. Bakhtina i K.S. Malevicha. [Personality and responsibility at the zero point of being. Vitebsk time of M.M. Bakhtin and K.S. Malevich] *Vestnik Mosk. gos. obl. un-ta. Seriya Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 53–63. (In Russ.)
6. Luk A.N. 1978. *Psikhologiya tvorchestva*. Moscow, [Psychology of creativity]. Moscow. (In Russ.)
7. Strigalev A.O. 2001. *Poslednei futuristicheskoi vystavke kartin «0.10»* [Nol'-Desyat'] *Nauchno-analiticheski informatsionnyi Byulleten' fonda K. Malevicha. — Noyabr' 2001* [About the last futuristic exhibition of paintings “0.10” [Zero-Ten]. Scientific and Analytical Newsletter of the K. Malevich Foundation. — November 2001], pp. 12–38. (In Russ.)
8. Ter-Minasova S.G. 2004. *Yazyk I mezh kul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. 2-e izd. Moscow. (In Russ.)
9. Firtich N. 1999. *Cherez nol' — v bespredmetnost': Andrei Belyi, Kazimir Malevich i Daniil Kharms (Iz istorii russkogo avangarda XX veka)*. *Materialy II mezhdunarodnoi konferentsii Obshchestva “Apollon. Istoki I korni» / Noyabr' 1997* [Through Zero — into pointlessness: Andrey Bely, Kazimir Malevich and Daniil Kharms (From the history of the Russian avant-garde of the twentieth century). Materials of the II International conference of the Society “Apollo. Origins and roots”. November 1997. St. Petersburg], 1999. (In Russ.)
10. Khlebnikov Vel. 2002. *Sobr. soch. v shesti tomakh*. [Collection in 3 volumes] In R.V. Duganova (ed.). *Tom 3. Poemy* [Vol. 3. Poems]. IMLI RAN, Nasledie, 2000–2006. (In Russ.)
11. Bachelard G. 1972. *L'engagement rationaliste*. Paris. (In French)

12. Fournier M. *Bourdieu, la raison et la rationalité*, Cités, 2012/3. no. 51, pp. 115–128. DOI: 10.3917/cite.051.0115. URL: <https://www.cairn.info/revue-cites-2012-3-page-115.htm> (accessed: 06.05.2022). (In French)
13. Hansotte Majo. 2005. *Les intelligences citoyennes. Comment se prend et s'invente la parole collective. De Boeck Supérieur, "Les intelligences citoyennes"*. DOI: 10.3917/dbu.hanso.2005.01. URL: <https://www.cairn.info/les-intelligences-citoyennes--9782804143831.htm>. 87–88 (accessed: 27.05.2020). (In French)
14. Nadeau M. 1964. *Histoire du surréalisme*. Paris, ed. du Seuil. (In French)
15. Rippert P. 1995. *Dictionnaire des citations de langue française*. Paris. (In French)

Статья поступила в редакцию 02.12.2022;
одобрена после рецензирования 11.01.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 02.12.2022;
approved after reviewing 11.01.2023;
accepted for publication 20.02.2023

М.Л. Касаткин

**ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РИТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mich_kass@mail.ru*

Аннотация: В статье представлен анализ прецедентных высказываний, актуализирующихся в информационном пространстве общественно-политического дискурса, который находит отражение в различных типах медиатекстов, тематически связанных с пандемией коронавируса. Описываемое средство языка способствует реализации различных коммуникативных стратегий, прежде всего в стратегии убеждения. В статье показаны роль и проиллюстрирован персуазивный потенциал прецедентных высказываний как одного из основополагающих элементов актуализации категории интертекстуальности в рамках риторического медиадискурса. Будучи эффективным средством реализации как глобальной стратегии убеждения, так и конкретных коммуникативных тактик — предупреждения, угрозы, манипулирования, дискредитации и др. — прецедентные высказывания регулярно воспроизводятся в разных типах риторического дискурса (политическом, экономическом, религиозном и др.) и вносят весомый вклад в достижение главного перлокутивного эффекта — побуждения реципиента к определенному действию.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс; риторический медиадискурс; прецедентные высказывания; коммуникативные стратегии; персуазивность; интертекстуальность

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-11

Для цитирования: Касаткин М.Л. Персуазивный потенциал прецедентных высказываний в риторическом дискурсе пандемии коронавируса (на материале немецкоязычных СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 137–146.

Необходимость применения в условиях пандемии коронавирусной инфекции согласованного, глобального и ориентированного на права человека подхода нашло свое отражение во всех общественных проявлениях, в том числе в языке. Содержательная составляющая многих основополагающих факторов общественного устройства, к

Касаткин Михаил Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; *mich_kass@mail.ru*

которым относятся, в частности, ценностные установки социума и права индивида, подверглись ревизии и стали темой публичных дискуссий. В связи с этим, следуя постулатам социолингвистики, пандемию следует рассматривать как частный социальный фактор, оказавший и оказывающий свое влияние на язык и некоторые закономерности его развития в целом [Беликов, Крысин, 2001: 76–77].

Многokrратно воспроизводимая через язык и его средства апелляция к системе общественных ценностей в рамках нового социально значимого направления общественно-политического дискурса явилась необходимым условием реализации главной общественной установки — вакцинации населения. Приоритет обозначенной целеустановки коррелирует с ключевой составляющей понятия риторического дискурса. По мнению А.В. Голоднова, последний, будучи по сути интегративной типологической единицей, объединяет различные типы текстов, «принадлежащи[e] различным исторически сложившимся в общественной практике коммуникативным сферам (например, рекламе, политике, религии и т.п.), на основе общности их коммуникативной целеустановки (интенции) — побуждения реципиента к совершению выгодного адресанту посткоммуникативного действия через изменение или формирование убеждений, мнений, оценок реципиента в отношении определенного «спорного» предмета» [Голоднов, 2008: 113–114].

Для достижения данной цели в риторическом дискурсе нашли интенсивное применение различные коммуникативные стратегии, предполагающие достижение публично озвученной сверхцели — убедить людей пройти вакцинацию. Вслед за И.А. Стерниным следует отметить, что коммуникативные стратегии неразрывно связаны с такими детерминантами, как коммуникативное воздействие, условия общения и личность коммуникантов [Стернин, 2007: 14]. В более узком смысле под коммуникативной стратегией принято понимать цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств [Макаров, 2003: 193]. Кроме того, отмечается, что любой коммуникативной стратегии всегда присущи такие константы, как цель, средства и план ее достижения, а также условия выполнения поставленной цели и достигнутый (недостигнутый) результат. Имманентной же чертой риторического медиадискурса является коммуникативная стратегия персуазивности, его неперемнная соотносимость с перлокутивным эффектом [Голоднов, 2008: 116].

В обозначенном ракурсе прецедентные феномены выступают как элементы языка, обеспечивающие реализацию коммуникативной стратегии убеждения. Объект исследования, функционируя в рамках институционально обусловленного риторического дискурса, про-

являет себя как эффективное средство воздействия на адресата (персуазивная функция) и возможного достижения «посткоммуникативного действия».

Исследование персуазивной функции языка и его средств имеет давнюю традицию, в рамках же прагма- и медиалингвистики оно приобрело особое значение. Под персуазивностью традиционно следует понимать «тип ментального языкового взаимодействия коммуникантов, при котором адресантом осуществляется попытка преимущественно вербального воздействия на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения» [Логинова, 2005: 241].

В условиях пандемии коронавируса будет правомерным вести речь о реализации коммуникативной стратегии убеждения с целью формирования у адресата конкретного ценностно-ориентированного отношения к предмету или явлению — осознание необходимости вакцинации. Данное отношение будет обнаруживать себя не только в изменении вербального поведения и выполнении определенных коммуникативных действий со стороны реципиента, но и в достижении перлокутивного эффекта — побуждении гражданина совершить конкретное физическое действие, вакцинации, выходящее за рамки собственно коммуникативного акта.

Рассмотрим ряд примеров, иллюстрирующих вышеприведенные постулаты в преломлении к общественно-политической реальности Германии последних двух лет и отметим тематическое разнообразие дискурсов, отражающих разные сферы жизни, поскольку популяризация необходимости вакцинирования затронула буквально все сферы общественного бытия. В процесс был вовлечен даже институт церкви и соответственно трансформированные библейские заповеди: *Du sollst dich impfen lassen*¹. Вынесенный в название статьи журнала Spiegel заголовок, апеллирует к моральным ценностям индивида, базирующимся, в частности, на общеизвестных религиозных постулатах христианского общества, однозначно направлен на реализацию коммуникативной стратегии убеждения читателя. Форма императива *Du sollst* позволяет реципиенту однозначно произвести референцию к Десяти заповедям, абсолютное большинство которых начинается с данного апеллятива, выраженного модальным глаголом *sollen*. Несмотря на то что в трансформированном варианте прецедентного высказывания (эпифорическая субституция смыслового глагола) отрицание отсутствует, ср. канонические заповеди: *Du sollst nicht morden; Du sollst nicht die Ehe brechen, etc.*, заголовок

¹ Fischer T. Du sollst dich impfen lassen (Spiegel, 18.01.2022). URL: <https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/corona-du-sollst-dich-impfen-lassen-gastbeitrag-a-d313b95d-6d3e-4f14-bf60-aa8de6a070c9>

нацелен на то, чтобы получатель воспринял его как новую, единственную заповедь.

Таким образом подчеркивается значимость новой реальности, необходимость безусловной программы действий — вакцинации, попытка поставить новое предписание в один ряд с каноническими, данными Богом заповедями, что далее подтверждается представленными в статье доводами.

Аналогичную референцию можно наблюдать в подзаголовке *“Impfen ist Nächstenliebe”*² в тексте программы первого канала немецкого телевидения ARD *“Das Wort am Sonntag”*. Переключка с библейской максимой *“Liebe deinen Nächsten wie dich selbst”* нашла отражение в трансформированном прецедентном высказывании *Impfe deinen Nächsten wie dich selbst*³, которая была инициирована одной из евангелических церквей. Анафорическая замена глагола *lieben* (любить) на императив глагола *impfen* (вакцинироваться) подчеркивает равнозначность данных понятий с точки зрения рекомендованной, в том числе для церковных кругов, трактовки вакцинации.

К языковой репрезентации моральных установок можно отнести также фразу премьер-министра земли Баден-Вюртемберг, представителя партии Зеленых В. Кретчмана *“Impfen ist der Moses, der uns aus der Pandemie herausführt. Nur mit einer höheren Impfquote kann der „Teufelskreis“ aus Lockerungen und Lockdowns gebrochen werden”*⁴, произнесенную им на съезде одноименной партии. В этой же речи он сравнивает рост инфицированных с бедой Библейского масштаба: *Plage des biblischen Ausmaßes*. Комплексное использование в одном контексте прецедентного имени и прецедентной ситуации представляет собой попытку, с одной стороны, обозначить масштабы проблемы, а с другой, выразить уверенность в том, что исход вакцинации будет положительным. Подобно Моисею, спасшему свой народ от гибели, политики, продвигая идею массовой вакцинации, также смогут исполнить свою миссию. Сравнение пандемии с порочным кругом нескончаемых локдаунов и послаблений (*Teufelskreis aus Lockerungen und Lockdowns*), попытка отождествить комплекс медицинских мероприятий и миссию пророка вносит

² Impfen ist Nächstenliebe (Das Erste, Sendetermin: 01.05.2021). URL: <https://www.daserste.de/information/wissen-kultur/wort-zum-sonntag/sendung/spricht-Ilkasoottke-mannheim-102.html> (accessed: 31.10.2021).

³ Impfe deinen Nächsten wie dich selbst (Eintrag Nr.807, 08.12.2021). URL: https://ich-habe-mitgemacht.de/index.php?option=com_content&view=article&id=807:impfe-deinen-naechsten-wie-dich-selbst&catid=9&Itemid=257 (accessed: 31.10.2022).

⁴ Soldt R. Kretschmann wirbt für Impfpflicht (faz, 04.12.2021). URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/corona-kretschmann-wirbt-fuer-impfpflicht-17667524.html> (accessed: 31.10.2022).

большой драматизм в восприятии присутствующих, апеллируя к их эмоциональной сфере. Нагнетавшийся политиками алармизм позднее нередко критиковался, однако в актуальной на то время ситуации растущего количества инфицированных такого рода патетика представлялась общественно оправданной.

Данные примеры позволяют заключить, что апелляция к духовным составляющим не случайна, так как они не только отражают проверенные столетиями основы общественного устройства, но и олицетворяют надежность и преемственность, вселяют спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Эти имманентные свойства послужили значимыми аргументами в процессе реализации стратегии убеждения и обоснованности доверия к убеждающим. При этом в качестве убеждающих на передний план вышли не только специалисты-иммунологи, но и политики, а также средства массовой информации, ретранслирующие и популяризирующие основные цели, установки, аргументы. В деле убеждения, переубеждения и уговоров [O'Keefe: 1990: 17] избирателей произвести добровольное вакцинирование, было активно задействовано максимально возможное количество средств массовой информации, их форматов и жанров: телевидение, печатная и электронная пресса, Интернет, пресс-конференции и т.д.

Важно отметить, что выбор персуазивных тактик в рамках риторического дискурса во многом осуществлялся исходя из особенностей стратификации общества. Если в данных примерах апелляция опиралась на религиозную ценностную составляющую, то анализ иных типов дискурса (политического, экономического, бытийного и т.д.) позволяет сделать вывод об апелляции к ценностям и установкам, репрезентирующим соответственно иные сферы жизнедеятельности общества, а также о разнообразии применения соответствующих персуазивных тактик в рамках глобальной коммуникативной стратегии убеждения.

В основе ниже приведенных примеров, в частности, лежит политическая традиция, связанная с фундаментальными ценностями немецкой демократии послевоенного времени. Так, например, Berliner Morgenpost, признавая невысокую активность жителей административного округа Трептов-Кёпеник, вынесла в свой заголовок видеоизмененное высказывание экс-канцлера ФРГ и председателя Социал-демократической партии Германии В. Брандта "*Mehr Impfen wagen*"⁵. Исходный вариант призыва политика (*Mehr Demokratie wagen*) до сих пор охотно и регулярно воспроизводится соратниками

⁵ Hensen E. Mehr Impfen wagen (Berliner Morgenpost, 01.12.2021). URL: <https://www.morgenpost.de/meinung/article233979089/Mehr-Impfen-wagen.html> (accessed: 31.10.2022).

по партии в виде трансформации (ср. один из слоганов новой коалиции *Mehr Fortschritt wagen*), а понятие демократии фигурирует как лейтмотив общественного развития страны с конца 1960-х годов. Медиальная субституция основополагающего понятия устройства общества — демократии (*Demokratie*) на вакцинацию (*Impfen*) в вышеприведенном заголовке по существу отождествляет и уравнивает важность обоих феноменов с точки зрения актуального момента, призывая людей проявлять большую активность в процессе вакцинации. Сказанное подчеркивает приоритетный статус предполагаемого способа защиты от инфицирования и придает ему особую общественную значимость.

Инерционность в вопросах иммунизации населения нашла отражение в сознательной языковой трансформации так называемого правила 3-G (*geimpft, genesen oder getestet*: досл. *привит, переболел или протестирован*), которое вступило в силу и действовало в различных сферах общественной жизни в 2021 г. В ноябре того же года, во время традиционной пресс-конференции министр здравоохранения Й. Шпан, описывая сложившуюся критическую ситуацию в очередной раз процитировал данное правило, заменив в нем причастие II глагола *testen* (*тестировать*) на причастие II глагола *sterben* (*умирать*). В результате произведенной эпифорической субституции данное эмоционально произнесенное высказывание было воспринято не как наскучившее всем правило, а как предупреждение, и даже угроза, поскольку у того, кто не вакцинируется, есть все шансы не дожить до весны: *Geimpft, genesen oder gestorben*⁶ (*Привит, переболел или умер*). Таким образом, правительственный чиновник, делая акцент на бездеятельности невакцинированных граждан как социально безответственных индивидов, дискредитирует их в глазах общественности. Примечательно, что такого рода стигматизация достигается не только при помощи разделительного союза *oder*, но и стилистически нейтрального смыслового глагола *sterben*. Такая нейтральность скорее нехарактерна для процесса актуализации оппозиции «свой — чужой» («вакцинированный — невакцинированный»). В рамках последней типичной можно считать реализацию коммуникативной тактики дистанцирования через более радикальное, а часто полярное противопоставление наименований двух референтов или референтных групп. [Едличко, Токарева, 2021: 92].

⁶ Geinitz C. Wahrscheinlich wird am Ende dieses Winters jeder geimpft, genesen oder gestorben sein (faz, 22.11.2021). URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/spahn-ende-des-winters-sei-jeder-geimpft-genesen-oder-gestorben-17646367.html> (accessed: 31.10.2022).

Вопрос, насколько действительная опасность была преувеличена, по-прежнему остается открытым, но алармизм, положенный в основу реализации коммуникативной тактики угрозы, прозвучавший из уст чиновника, возымел свое действие: темпы вакцинации заметно увеличились, в связи с чем можно говорить об эффективности применения избранной министром коммуникативной стратегии. В представленном примере средства номинации, отражающие полярные понятия, с одной стороны, позитивные (*geimpft, genesen*), а с другой — дискредитирующие (*gestorben*), способствуют реализации стратегия убеждения, которая, по мнению Т. ван Дейка, обычно проявляется с помощью реализации тактики акцентирования на отрицательных качествах или ошибках оппонента [ван Дейк, 2010: 276, 283].

Аналогичная стратегия находит свое подтверждение в примере *Wer zu spät **impft**, den bestraft das Leben*⁷ (*Кто опаздывает с вакцинацией, того наказывает жизнь*). Приписываемая первому и последнему президенту Советского Союза М.С. Горбачеву и регулярно воспроизводимая в политическом дискурсе и в повседневности приведенное прецедентное высказывание “*Wer zu spät **kommt**, den bestraft das Leben*” (*Кто опаздывает, того наказывает жизнь*), было востребовано как аргумент в реализации стратегии убеждения и выступило как мощное средство манипулятивного воздействия и в новых исторических реалиях, см. [Полубиченко, 2016: 47]. При этом важно отметить, что в данной фразе дополнительно реализуется также тактика угрозы: монокомпонентная субституция глагола *kommen* глаголом *impfen* в составе придаточного предложения однозначно дает понять, что последствия в случае невакцинирования могут быть самыми трагическими. Данная мысль перекликается также с утверждением О.С. Иссерс о том, что в основе понятия коммуникативной стратегии лежит идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией [Иссерс, 2003: 55].

Проведенный анализ функционирования прецедентных высказываний позволил сделать вывод о большом потенциале использования исследуемых средств языка в различных типах риторического дискурса (политическом, экономическом, религиозном, культурном, спортивном и др.). Описываемая языковая единица является излюбленным средством, при помощи которого достигается реализация как глобальной стратегии убеждения, так и конкретных коммуникативных тактик: предупреждения, угрозы, манипулирования, дискредитации и др. В риторическом дискурсе

⁷ Blome N. Prämie oder Prügel (Spiegel, 17.05.2021). URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/corona-impfung-praemie-oder-pruegel-kolumne-a-f5df56ce-0505-4d5f-8876-f9d40897f0f6> (accessed: 31.10.2022)

прецедентные феномены в целом и прецедентные высказывания в частности регулярно воспроизводятся преимущественно в трансформированном виде и способствуют достижению перлокутивного эффекта, что в контексте коронавируса означает побуждение реципиента к вакцинации. Кроме того, проведенное исследование показало, что прецедентные высказывания напрямую соотносятся со сложившейся в рамках определенного лингвокультурного сообщества системой ценностей, выступая при этом не только в качестве ее репрезентанта, но и элемента, влияющего на форматирование и переформатирование этой системы. Все это может представлять определенный исследовательский интерес в процессе дальнейшего анализа и уточнения дискурсивных характеристик описываемых единиц языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голоднов А.В.* Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом дискурсе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2008. № 4–2 (18). С. 113–125.
2. *ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
3. *Едличко А.И., Токарева С.В.* Отражение миграционного кризиса в протестном правопопулистском дискурсе современной Германии: стратегический и тактический уровни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 88–99.
4. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
5. *Логинова И.Ю.* Персуазивность как механизм воздействия в политическом дискурсе: программа политической партии и манифест // Интерпретация. Понимание. Перевод: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Е. Чернявская. СПб., 2005. С. 240–248.
6. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
7. *Полубиченко Л.В.* К вопросу о цитатной речи во взаимном межкультурном общении американских и советских/постсоветских политиков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 47–61.
8. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
9. *O'Keefe D.J.* Persuasion: Theory and Reseach. Newbury Park: Sage Publication, 1990.

Mikhail L. Kasatkin

PERSUASIVE POTENTIAL OF PRECEDENT STATEMENTS IN THE RHETORICAL DISCOURSE OF THE CORONAVIRUS DISEASE PANDEMIC (IN GERMAN-LANGUAGE MEDIA)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mich_kass@mail.ru

Abstract: The article presents an analysis of precedent statements in socio-political discourse, which is reflected in different types of media texts thematically related to the coronavirus pandemic. The described means of language contributes to the realization of various communicative strategies, first of all the strategy of persuasion. The article demonstrates the role of precedent statements and illustrates their persuasive potential as one of the fundamental elements of intertextuality category in the framework of rhetorical media discourse. As an effective means of implementing both the global strategy of persuasion and specific communicative tactics — warning, threatening, manipulating, discrediting, etc. — precedent statements are regularly reproduced in different types of rhetorical discourse (political, economic, religious, etc.) and make a significant contribution to achieving the main perlocutionary effect — inducing the recipient to take a certain action.

Key words: socio-political discourse; rhetorical media discourse; precedent statements; communicative strategies; persuasiveness; intertextuality

For citation: Kasatkin M.L. (2023) Persuasive potential of precedent statements in the rhetorical discourse of the coronavirus disease pandemic (in German-language media). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 137–146. (In. Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail L. Kasatkin — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; *mich_kass@mail.ru*

REFERENCES

1. Golodnov A.V. 2006. Persuazivnaya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom diskurse [Persuasive strategy of text formation in the rhetorical discourse]. *Pushkin Leningrad State University*, no. 4–2 (18), pp. 113–125. (In Russ.)
2. van Dejk T. 2013. *Diskurs i vlast: Rerezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and power: the representation of dominance in language and communication]. Moscow: Librokom. (In Russ.)
3. Edlichko A.I., Tokareva S.V. 2021. Otrazhenie migracionnogo krizisa v protestnom pravopopulistskom diskurse sovremennoj Germanii: strategicheskij i takticheskij urovni [Reflection of the migration crisis in contemporary German right-wing populist protest discourse: strategic and tactical levels]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*. no. 1, pp. 88–99. (In Russ.)
4. Issers O.S. 2003. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics in the Russian speech]. Moscow: URSS. (In Russ.)
5. Loginova I.Yu. 2005. Persuazivnost kak mehanizm vozdejstviya v politicheskom diskurse: programma politicheskoy partii i manifest [Persuasiveness as an impact mechanism in political discourse: the political party programme and manifesto]. *Interpretation, understanding, translation*; ed. by V.E. Chernyavskaya. Saint-Petersburg: SPbGUEF, pp. 240–248. (In Russ.)
6. Makarov M. L. 2003. *Osnovy teorii diskursa* [Basics of discourse theory]. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

7. Polubichenko L.V. K voprosu o tsitatnoy rechi vo vzaimnom mezhkulturnom obshchenii amerikanskikh i sovetskikh/postsovetskikh politikov [On the issue of quotable speech in mutual intercultural communication between American and Soviet/post-Soviet politicians]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 47–61. (In Russ.)
8. Sternin I.A. 2001. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Introduction to speech effect]. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
9. O’Keefe D.J. 1990. *Persuasion: Theory and Reseach*. Newbury Park: Sage Publication. (In Eng.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 11.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 11.01.2023;
approved after reviewing 11.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023

Ю.О. Соловьева

**АДРЕСАНТ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР
ВЫБОРА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ
ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; solovieva-julia2009@yandex.ru

Аннотация: Популяризация науки претерпевает значительные трансформации, связанные в том числе с изменениями в составе агентов-популяризаторов, что приводит к диверсификации коммуникативных стратегий и смещению функциональных акцентов. Правильный выбор стратегий популяризации способствует повышению доступности изложения специальной информации и непосредственно влияет на эффективность восприятия научно-популярного текста неспециалистом. В статье рассматриваются языковые средства, используемые популяризатором-журналистом в тексте книги о праве как жанре научно-популярного юридического дискурса. Автор статьи выделяет две ключевые стратегии, способствующие реализации коммуникативной интенции адресанта-журналиста, помогающие ему не только расширять фоновые знания, но и воздействовать на аксиологические установки адресата. Информационно-объясняющая стратегия используется адресантом для интерпретации ключевых юридических понятий, а манипулятивно-воздействующая стратегия позволяет влиять на сознание адресата посредством изложения специальной информации под определенным углом зрения. Автор статьи делает вывод о том, что выделенные стратегии равно представлены в тексте научно-популярной книги, автором которой выступает профессиональный журналист, что служит реализации как просветительской, так и идеологической функций анализируемого текста.

Ключевые слова: адресант/адресат; популяризация; право; научно-популярный юридический дискурс; научно-популярная книга; информационно-объясняющая/манипулятивно-воздействующая коммуникативные стратегии

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-12

Для цитирования: Соловьева Ю.О. Адресант как детерминирующий фактор выбора коммуникативных стратегий в современном научно-популярном юридическом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 147–158.

Соловьева Юлия Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; solovieva-julia2009@yandex.ru

«Популяризация науки — это особая разновидность массовых коммуникаций, предметом деятельности которых является передача научного знания» [Дивеева, 2014: 55]. Передача правовых знаний не только способствует трансляции социокультурного опыта, но и является необходимым условием упорядочивания отношений между членами общества. В настоящий момент популяризация науки претерпевает кардинальные изменения, что отмечают многие исследователи в данной области [Абрамов, 2014; Аверин, 2020; Атагимова, 2014; Барканова, 2015; Гуторова, 2019; Соловьева, 2022]. Данные трансформации связаны как с модификацией традиционных научно-популярных жанров, так и с изменениями в составе агентов научно-популярного дискурса. Традиционно функции популяризаторов науки брали на себя ученые, однако в последнее время ключевую роль в популяризации научных знаний начинают играть профессиональные коммуникаторы (журналисты). Интересным в данной связи представляется тот факт, что журналист может заниматься популяризацией не только в профессиональной жанровой «палитре», но и быть автором научно-популярной книги.

Цель данной статьи — выделить и описать коммуникативные стратегии, используемые в научно-популярном тексте крупного объема (книге), автором которого выступает журналист. В качестве материала исследования послужила книга А. Русаковича «Правоведение для всех» общим объемом 440 страниц. В ходе контент-анализа и лингвостилистического анализа текста были рассмотрены способы адаптации специальной юридической терминологии для ее понимания широкой аудиторией, а также языковые средства, способствующие достижению цели автора по популяризации правовых знаний. Поскольку автор текста — профессиональный журналист с юридическим образованием (окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова и Московскую государственную юридическую академию имени О.Е. Кутафина), интересным представляется рассмотрение специфики выбора им коммуникативных стратегий.

По мнению Т.А. Воронцовой, исследовавшей стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе разных жанров (книга, статья, интервью и др.), «стилистические параметры текста, написанного ученым-специалистом и журналистом-неспециалистом, не определяются статусом адресанта» [Воронцова, 2013: 26]. Ученый выделяет информирующую стратегию как доминантную для текстов научно-популярного дискурса, авторами которых могут являться как ученые, так и журналисты [Воронцова, 2013: 26]. Анализ текста научно-популярной книги «Правоведение для всех», автором которой выступает профессиональный

журналист, и сравнение данного текста с релевантными текстами авторов-ученых позволяет нам не согласиться с данной позицией, так как статус адресанта (в частности, его образование и род деятельности), на наш взгляд, детерминирует выбор коммуникативных стратегий и языковых средств, служащих их реализации. На основании проведенного анализа мы считаем возможным выделить две основные стратегии, используемые адресантом-журналистом в тексте рассматриваемой научно-популярной книги: информационно-объясняющую и манипулятивно-воздействующую. При этом информационно-объясняющая стратегия, по нашему мнению, наиболее значима для научно-популярной коммуникации, так как от правильности интерпретации популяризатором специальных знаний напрямую зависит корректность их интеграции в картину мира неспециалиста.

Если первая обозначенная стратегия может использоваться и ученым-популяризатором для разъяснения ключевых понятий определенной области знаний, то вторая, на наш взгляд, обусловлена профессиональной деятельностью коммуникатора, в задачи которого входит не только информирование и расширение фоновых знаний адресата, но и манипулирование его сознанием посредством изложения специальной информации под определенным углом зрения [Соловьева, 2022: 17]. В данной связи мы согласны с утверждением Н.В. Дивеевой о том, что «в процессе взаимодействия популяризация науки и журналистика преследуют собственные цели и реализуют собственные функции» [Дивеева, 2014: 56]. Данный вывод коррелирует также с наблюдениями других исследователей (Дускаева, 2022; Коньков, 2022 и др.), которые отмечают неотъемлемый идеологический вектор, свойственный популяризации «здесь и сейчас».

Термин «информационно-объясняющая стратегия» мы считаем наиболее подходящим для обозначения комплекса речевых действий, осуществляемых автором книги, так как, в отличие от выделяемой Т.А. Воронцовой «информирующей стратегии», подразумевающей употребление специальных терминов без объяснений и дефиниций [Воронцова, 2013: 26], адресант анализируемого текста при введении новых понятий одновременно осуществляет их адаптацию, необходимую для понимания неспециалистом. Упомянутая адаптация включает в себя как стилистическую переработку текста-источника, так и вторичную категоризацию и концептуализацию юридических терминов и понятий.

Исследуя трансформацию вторичных текстов при их интердискурсивной адаптации, А.А. Дьякова выделяет критерий «повышение/понижение категориального статуса ключевых слов адапти-

руемого текста» [Дьякова, 2011: 82]. А. Русакович прибегает к сходным семантическим трансформациям, в частности, посредством лексических замен при экспликации значений ключевых терминов. Рассмотрим несколько таких примеров.

Итак, правоотношение — это общественное отношение, урегулированное нормами права, участники которого связаны взаимными субъективными правами и юридическими обязанностями [Русакович, 2017: 17].

В данном примере уровень категоризации концепта «правоотношение» повышается, так как происходит замена гипонима «правоотношение» гиперонимом «общественное отношение». Как известно, помимо правоотношений существуют другие виды общественных отношений: национальные, групповые, межличностные и т. д. Интересно в этой связи нетипичное использование единственного числа существительного («правоотношение» вместо «правоотношения»). Возможно, этим автор хотел подчеркнуть родовидовые отношения между разъясняемым ключевым понятием и его гиперонимическим эквивалентом (правоотношение как один из видов общественных отношений).

Сравним данное определение с дефиницией другого отечественного правоведа, выпускника юридического факультета МГУ Владимира Кизяковского, приводимой в его книге «Занимательное правоведение»:

<...> правоотношения — это общественные отношения, урегулированные правом: властно-управленческие, брачно-семейные, наследственные, собственности, трудовые и многие другие. Правоотношения отличаются от других несколькими признаками: а) стороны (субъекты) правоотношений взаимосвязаны юридическими правами и обязанностями; б) правоотношения возникают, изменяются и прекращаются исключительно на основе правовых норм, последние создают правоотношения и реализуются через них; в) правоотношения носят волевой характер и охраняются государством. Элементы правоотношений: субъекты, объект, субъективное право, юридическая обязанность [Кизяковский, 2019: 117].

Прежде всего необходимо отметить информационную развернутость последнего определения, в котором приводится классификация видов правоотношений, обозначаются критерии выделения данных видов, а также определяются основные элементы правоотношений. Примечательно, что В. Кизяковский, в отличие от А. Русаковича, использует более привычную, на наш взгляд, форму множественного числа существительного «правоотношения». При этом способ вторичной категоризации концепта (замена гипонима гиперонимом) совпадает у обоих адаптаторов.

Сравним дефиниции понятия «юридический факт» обоих авторов:

Юридические факты — это события или действия, в результате которых возникают, изменяются или прекращаются правоотношения [Русакович, 2017: 21].

В правовой теории юридические факты — события, явления или действия, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Думается, будет небезынтересен небольшой исторический экскурс касательно понятия «юридический факт». Эта научно-правовая категория появилась в середине XIX в. благодаря знаменитому юристу, крупнейшему представителю «исторической» школы права Ф.К. фон Савиньи (1779–1861) [Кизяковский, 2019: 117].

В обоих определениях мы наблюдаем противоположный процесс понижения категориального статуса вводимого концепта по линии абстрактное — конкретное [Дьякова, 2011: 82]. Несмотря на то что «факт» общепризнано является чем-то конкретным и единичным в противоположность общему и абстрактному (теории), в нашем примере данная лексема конкретизируется делением на «события», «действия» или «явления», по отношению к которым она выступает как более общее понятие.

Необходимо упомянуть, что преобладающее число разъясняющих определений в тексте книги А. Русаковича синтаксически оформляется посредством конструкции с тире и указательной частицей «это», что служит значительной компрессии высказывания. При введении новых терминов и понятий автор отказывается от сложных синтаксических конструкций и речевых штампов, характеризующих научный стиль изложения информации. В. Кизяковский, напротив, использует характерные для научного стиля лексику и речевые штампы (*в правовой теории, закон связывает, будет небезынтересен экскурс, научно-правовая категория появилась, представитель школы и др.*), а также развернутые синтаксические конструкции. В. Кизяковский свое определение также дополняет исторической справкой и аллюзией к прецедентному имени (*Ф.К. фон Савиньи*).

При введении новых понятий А. Русакович, как правило, использует сложноподчиненные предложения разговорного типа, в которых придаточная часть выполняет функцию сказуемого при подлежащем, выраженном формой именительного падежа существительного, и отделяется от него при помощи тире:

Гражданские правонарушения (или гражданско-правовые нарушения) — это когда кто-то не исполнил договор или иным способом причинил вред другому лицу [Русакович, 2017: 91].

Умысел — это когда человек осознает характер своего деяния, предвидит его вредные последствия и желает их наступления либо относится к ним безразлично [Русакович, 2017: 92].

Примечательно не только использование синтаксических конструкций разговорного стиля в вышеприведенных примерах, но и употребление неопределенного местоимения «кто-то» и существительного единственного числа «человек» в обобщенном значении, которые не характерны для дефиниций в научной коммуникации.

Отдельного упоминания заслуживает частотное использование экземплификации, сопровождающее введение новых понятий, когда адресант подкрепляет презентуемую теоретическую информацию актуальными для адресата примерами из реальной жизни:

Так, если работник нанес работодателю ущерб (испортил оборудование, повредил служебную машину, потерял товар, сломал стул в офисе), он должен его компенсировать [Русакович, 2017: 116].

Но если прием экземплификации по наблюдениям исследователей [Сухая, 2012: 213 — 214] используется и авторами научно-популярных текстов, то наличие большого числа разговорных элементов в рассмотренных примерах и в глобальном тексте книги (как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях) не было отмечено нами в текстах ученых-популяризаторов.

Все знают, что родители должны содержать своих несовершеннолетних детей [Русакович, 2017: 19].

Плюс есть некоторый срединный вариант <...> [Русакович, 2017: 85].

<...> — здесь все более или менее понятно из названия [Русакович, 2017: 106].

Тут, понятное дело, наступает гражданско-правовая ответственность перед владельцем той машины [Русакович, 2017: 124].

Мы склонны считать подобные элементы характеристикой современного массмедийного дискурса, а их появление в научно-популярном тексте связываем с профессиональной деятельностью автора книги — профессионального коммуникатора. Использование данных языковых средств позволяет адресанту сократить дистанцию с потенциальным адресатом, так как подобная «неформальная» коммуникация облегчает восприятие неспециалистом сложной научной информации. Этой же цели, на наш взгляд, служит и отмеченное нами в тексте книги «обратное» перекодирование информации (от упрощенного варианта к более сложному или от общелитературной к специальной лексике).

Если Совет Федерации проголосовал против законопроекта или президент не подписал его (наложил вето), Госдума может по-

вторно проголосовать и принять его двумя третями голосов [Русакович, 2017: 37].

Отрасль права — это совокупность норм права и правовых институтов, регулирующих однородную сферу жизни общества. Или, выражаясь научным языком, совокупность правовых норм, регулирующих однородную сферу общественных отношений [Русакович, 2017: 68].

Данный способ репрезентации нехарактерен для научно-популярного текста, в котором специальная информация подается сначала как собственно научный текст, а затем «переводится» в общедоступную языковую форму [Воронцова, 2013: 27–28].

Для реализации информационно-объясняющей стратегии автор активно задействует не только внутродисциплинарные пресуппозиции читателя, но и пресуппозиции междисциплинарного характера [Первухина, 2013: 167]. Под пресуппозицией мы, вслед за Н.С. Валгиной, понимаем некое предварительное (фоновое) знание, дающее возможность адресату адекватно интерпретировать текст. «Пресуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста» [Валгина, 2003: 7]. Приведем пример актуализации и расширения автором фоновых знаний адресата посредством апелляции к понятию из области лингвистики:

В лингвистике есть термин «языковая семья» — это несколько языков с общим происхождением (например, «индоевропейская языковая семья», «тюркская языковая семья» и т.д.). Если вы будете изучать иностранные языки из одной семьи, то обнаружите много схожего в лексике и грамматике. Примерно такая же идея лежит в основе термина «правовая семья» — это группа правовых систем со схожими чертами [Русакович, 2017: 75].

Интересно отметить, что, в отличие от своих коллег-ученых, авторов научно-популярных книг о праве, А. Русакович поясняет не только специальную лексику, но и реалии, которые, как он ожидает, могут оказаться незнакомыми для адресатов с разным уровнем фоновых знаний. В приведенном ниже примере используется двойной ввод словосочетаний религиозной тематики, при котором специфические обороты сопровождаются пояснениями в скобках:

Есть и более специфические правила: например, ислам обязывает верующих пять раз в день совершать намаз (молиться), а христианство призывает соблюдать пост (запрет в определенные дни есть мясные и молочные продукты) [Русакович, 2017: 11].

Однако, по нашему мнению, не меньшее значение для осуществления коммуникативных целей автора книги имеет манипулятивно-воздействующая стратегия, реализующаяся посредством широ-

кого применения образных средств, основным из которых выступает ирония.

Право — искусство добра и справедливости. Сегодня в России это кажется насмешкой, но именно так считали древнеримские юристы и так переводится с латыни их пословица двухтысячелетней давности ius est ars boni et aequi [Русакович, 2017: 6].

Законы у нас иногда неясные, туманные и чересчур абстрактные, не поспевают за жизнью и оставляют после прочтения много вопросов [Русакович, 2017: 49].

Ключевое юридическое понятие «право» вводится не при помощи общенаучной лексики, а при помощи аксиологем «добро» и «справедливость». Свое утверждение автор подкрепляет цитатой на латинском языке, что является типичным для научного юридического дискурса. А. Русакович эксплицирует свое ироничное отношение к устройству современной российской правовой системы, в которой, как становится очевидным из высказывания автора, справедливость «кажется насмешкой». Представление о несовершенстве упомянутой системы отражено также и во втором текстовом фрагменте, в котором законы нашей страны определяются автором как «неясные» и «туманные», а также как неадекватные в современных условиях (*не поспевают за жизнью*).

Как мы уже неоднократно упоминали, А. Русакович ставит своей целью не только разъяснение ключевых понятий правоведения, но и выработку у адресата нужного адресанту отношения к описываемым явлениям и фактам. Например, вот как автор поясняет причины выделения новых отраслей в отечественной правовой науке:

Происходит это примерно так — группа сотрудников юридического факультета объявляет о существовании новой отрасли права и создает свою кафедру [Русакович, 2017: 73].

Чтобы такая ироничная позиция не выглядела слишком субъективной, автор апеллирует к авторитетному мнению [Шевченко, 2022: 949], в частности, приводя релевантную цитату профессора Е.А. Суханова, возглавлявшего юридический факультет МГУ с 1992 по 2003 г.: «Если ты докажешь, что у тебя своя отрасль права, значит тебе — кафедра или сектор, у тебя специализация ВАКовская [ВАК — Высшая аттестационная комиссия], у тебя ученики, курсы и так далее. А если ты не докажешь, то мыкаешься по другим кафедрам. Вот у нас и пошли — спортивное право, медицинское право, энергетическое право. Каждому приятно иметь свою отрасль» [Русакович, 2017: 73].

Максимальная приближенность к устной речи в тексте цитаты, а также использование разговорной и оценочной лексики делают журналиста «своим» для адресата. При этом у читателей создается

ощущение, что им становится известна некая «инсайдерская» информация, доступная только агентам института права, что стимулирует дальнейший интерес неспециалистов к постижению правовой науки.

Таким образом, рассмотрев особенности популяризации в научно-популярной книге о праве, автором которой является журналист, мы выделили две основные стратегии, используемые адресантом: информационно-объясняющую и манипулятивно-воздействующую. Использование второй стратегии и ее значение для реализации коммуникативного намерения автора мы связываем с профессиональной деятельностью адресанта текста. Несмотря на сходство способов вторичной категоризации и концептуализации специальной информации, научно-популярный текст, автором которого выступает журналист, а не ученый, имеет ряд стилистических особенностей. В частности, нами было отмечено, что при введении новых терминов и понятий адресант-журналист, в отличие от коллег-ученых, отказывается от сложных синтаксических конструкций и речевых штампов, характеризующих научный стиль изложения информации. Зачастую имеет место «обратное» перекодирование информации (от упрощенного варианта к более сложному), что, на наш взгляд, служит формированию у адресата положительной познавательной мотивации, позволяя ему почувствовать себя более компетентным в юридических вопросах. Особого упоминания заслуживает наличие большого числа разговорных лексических и синтаксических элементов в тексте, что отличает его от аналогичных текстов, авторами которых выступают ученые-правоведы. Достижимая таким способом близость к адресату способствует формированию доверия к автору как источнику специальных знаний, в связи с чем высказываемые популяризатором суждения и оценки могут восприниматься читателями как некое объективное знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. М., 2003. С. 7.
2. *Воронцова Т.А.* Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2013. № 37 (328). Вып. 86. С. 26–29.
3. *Дивеева Н.В.* Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 2014. С. 55–56.
4. *Дьякова А.А.* Основные характеристики функциональных типов текстов юридического дискурса, адаптированных к условиям медийного дискурса // *Lingua mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 79–86.
5. *Кизяковский В.* Занимательное правоведение. М., 2019.

6. *Первухина С.В.* Виды пресуппозиций в адаптированном тексте // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2013. № 6 (24), ч. 1. С. 165–168.
7. *Русакович А.А.* Правоведение для всех. М., 2017.
8. *Соловьева Ю.О.* Жанрово-стилистические особенности постов правовой тематики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2021. № 3. С. 133–143.
9. *Соловьева Ю.О.* Популярно-юридический дискурс vs медийный юридический дискурс // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика».* 2022. Т. 19. № 1. С. 15–21.
10. *Соловьева Ю.О.* Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова «Берегите карманы, сумки, чемоданы...») // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2022. № 3. С. 130–139.
11. *Сухая Е.В.* Дискурсивные стратегии популяризации научного знания // *Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы.* 2012. Ч. 2. Вып. 6 (639). С. 212–219.
12. *Толстова Т.В.* Корпусный анализ жанровых конвенций в российских и зарубежных аннотациях к научным статьям // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. № 1. С. 118–130.
13. *Шевченко Ю.В.* Авторские стратегии популяризации в разножанровых научно-популярных текстах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 947–953.

Yulia O. Solovyeva

ADDRESSER AS A FACTOR DETERMINING THE CHOICE OF COMMUNICATION STRATEGIES IN CONTEMPORARY POPULAR SCIENCE LEGAL DISCOURSE

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
solovieva-julia2009@yandex.ru*

Abstract: Science popularization is undergoing significant transformations, including changes among popularizers themselves, which leads to the diversification of communication strategies and a shift in functional potential. The article deals with the strategies employed by the journalist author in the text of a book on law as a genre of popular science legal discourse. Two key popularization strategies that contribute to the implementation of the author's communicative intention, and enable the agent not only to activate background knowledge of the target recipient, but also influence their axiological attitudes are analyzed and described. The right choice of popularization strategies makes special information accessible to the recipient and directly affects the effectiveness of the perception of a popular science text. The informative-explanatory strategy is used by the popularizer to interpret key legal concepts. The strategy of manipulative influence enables the agent to influence the target recipient by presenting special information from a certain angle. The conclusion is drawn that a contemporary popular science book on law does not only contribute to the public legal education but also shapes a reader's ideology.

Key words: addresser / addressee; popularization; law, popular science legal discourse; popular science book; informative-explanatory communication strategy; strategy of manipulative influence

For citation: Solovyeva Yu.O. (2023) Addresser as a factor determining the choice of communication strategies in contemporary popular science legal discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 147–158. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Yuliya O. Solovyeva — PhD, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; solovieva-julia2009@yandex.ru

REFERENCES

1. Valgina N.S. 2003. *Teoriya teksta: uchebnoe posobie* [Theory of Text: Textbook]. Moscow, Logos. (In Russ.)
2. Vorontsova T.A. 2013. Strategii i taktiki prezentatsii spetsial'nykh znaniy v nauchno-populyarnom diskurse [Strategies and Tactics of Presentation of Special Knowledge in Popular Science Discourse]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series "Philology. Art Criticism"*, no. 37 (328), vol. 86, pp. 26–29. (In Russ.)
3. Diveeva N.V. 2014. *Populyarizatsiya nauki kak raznovidnost' massovykh kommunikatsii v usloviyakh novykh informatsionnykh tekhnologii i rynochnykh otnoshenii* [Science Popularization as a Kind of Mass Communications in the Conditions of New Information Technologies and Market Relations]. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Rostov-on-Don, pp. 55–56. (In Russ.)
4. D'yakova A.A. 2011. Osnovnye kharakteristiki funktsional'nykh tipov tekstov yuridicheskogo diskursa, adaptirovannykh k usloviyam mediinogo diskursa [Basic Characteristics of Functional Types of Legal Texts Adopted to the Conditions of Media Discourse]. *Lingua mobilis*, no. 6 (32), pp.79–86. (In Russ.)
5. Kizyakovskii V. 2019. *Zanimatel'noe pravovedenie* [Entertaining jurisprudence]. Moscow, Raduga. (In Russ.)
6. Pervukhina S.V. 2013. Vidy presuppozitsii v adaptirovannom tekste [Presuppositions in Adapted Text]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 6 (24), pp. 165–168. (In Russ.)
7. Rusakovich A.A. 2017. *Pravovedenie dlya vseh* [Jurisprudence for Everyone]. Moscow. (In Russ.)
8. Solovyeva Yu.O. 2021. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti postov pravovoi tematiki [Genre and Stylistic Features of Law-Related Posts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 133–143. (In Russ.)
9. Solovyeva Yu.O. 2022. Populyarno-yuridicheskii diskurs vs mediinyi yuridicheskii diskurs [Popular Legal Discourse vs Media Legal Discourse]. *Bulletin of the South Ural State University, Series: Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 15–21. (In Russ.)
10. Solovyeva Yu.O. 2022. Samoprezentatsiya avtora v tekste nauchno-populyarnoi stat'i pravovoi tematiki (na materiale stat'i N. Kolokolova "Beregite karmany, sumki, chemodany...") [Authorial Self-presentation in the Texts of Popular Legal Discourse (Based on the Article "Take Care of Pockets, Bags, Suitcases...by N. Kolokolov")]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 130–139. (In Russ.)
11. Sukhaya E.V. 2012. Diskursivnye strategii populyarizatsii nauchnogo znaniya [Discursive Strategies for the Popularization of Scientific Knowledge]. *Bulletin of the*

- Moscow State Linguistic University. Discourse as social activity: priorities and perspectives*, part 2, no. 6 (639), pp. 212–219. (In Russ.)
12. Tolstova T.V. 2020. Korpusnyi analiz zhanrovyykh konventsii v rossiiskikh i zarubezhnykh annotatsiyakh k nauchnym stat'yam [Corpus analysis of genre conventions in Russian and international research article abstracts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 118–130. (In Russ.)
 13. Shevchenko Y.V. 2022. Avtorskie strategii populyarizatsii v raznozhanrovyykh nauchno-populyarnyykh tekstakh [Authorial Popularization Strategies in Popular Science Texts of Different Genres]. *Philology. Theory and Practice*, vol. 15, issue 3, pp. 947–953. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.12.2022;
одобрена после рецензирования 07.01.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 07.01.2023;
accepted for publication 20.02.2023

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Синь На

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КИТАЕ (2001–2020 гг.): ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НА ОСНОВЕ ПРОГРАММЫ VOSviewer

*Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры,
Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай; xinna_8110@126.com*

Аннотация: В статье с помощью технологии визуализации VOSviewer делается обзор переводоведческих исследований в Китае в 2001–2020 гг. Предметом анализа являются 1543 статьи в журналах за период с 2001–2020 гг., посвященные изучению теории перевода. Анализируются общие показатели, их распределение по статьям, высоко цитируемые статьи и ключевые слова. Большое внимание уделяется направлениям и тенденциям развития теории перевода. Исследование показало, что количество опубликованных статей по данной теме продолжило расти; особенно быстрый рост наблюдался в 2012–2020 гг.; большинство статей было опубликовано в журналах по изучению иностранных языков, наиболее цитируемые статьи посвящены вопросам изучения западной и китайской теорий перевода. Исследование с применением корпусного подхода показало, что на протяжении последних 20 лет изучение теории перевода в Китае представлено трудами широкого тематического спектра, а наиболее популярные темы в рамках указанной проблематики представлены следующими вопросами: становление науки о переводе, основные проблемы переводоведения, экопереводоведение. В будущем, считаем, что среди тенденций развития китайского переводоведения будут: развитие и совершенствование теории перевода, междисциплинарные исследования проблем перевода и наиболее заметные особенности китайского переводоведения.

Ключевые слова: теория перевода; экопереводоведение; переводоведение с китайской спецификой; VOSviewer

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-13

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Хэйлунцзянского гуманитарного научного фонда (№ 21YYE424).

Синь На — доктор филологических наук, доцент научно-исследовательского центра русской филологии и культуры при Хэйлунцзянском университете; xinna_8110@126.com

Для цитирования: Синь На. Переводоведческие исследования в Китае (2001–2020 гг.): визуализация на основе программы VOSviewer // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 159–176.

С тех пор, как американский переводчик и теоретик Джеймс С. Холмс впервые предложил термин «переводоведение» и выдвинул идею блочного рассмотрения комплексной модели теоретического переводоведения, в ходе развития западного переводоведения сложились различные подходы к изучению переводческой деятельности. На основе собственных традиционных представлений о переводческой деятельности и западной теории перевода, в Китае постепенно развивалась своя теория перевода. В конце XX в. китайский журнал «Иностранные языки и их преподавание» (кит. 外语与外语教学) инициировал широкую дискуссию по проблемам перевода, и китайские учёные высказали своё мнение о статусе дисциплины, области исследования и других проблемах, что заложило основу формирования переводоведения как самостоятельной дисциплины в Китае. За последние 20 лет взгляды на перевод и его изучение в Китае претерпели значительные изменения.

Итак, по какому пути последние 20 лет развивались исследования в области перевода в Китае? Какие важные вопросы появились в переводоведении? В чем недостаток существующих исследований? Каковы возможные направления будущих исследований? Решение этих вопросов, несомненно, сможет способствовать более глубокому пониманию теории перевода китайскими исследователями. Для ответов на поставленные вопросы была использована программа VOSviewer для проведения библиометрического анализа публикаций по теме «переводоведение» в CNKI (Национальная инфраструктура знаний Китая) в 2001–2020 гг. На основе публикаций в журналах из списка CSSCI (Китайский индекс цитирования в области социальных науки) и PKU (Chinese core journal of Peking University) по теме «переводоведение» или «переводческое исследование» были собраны данные для качественных исследований тенденций, актуальных проблем и динамики развития переводоведения в Китае в 2001–2020 гг.

Выборка данных была осуществлена на основе публикаций в CNKI, поскольку это наиболее универсальная база данных в Китае, вмещающая большое количество статей, которые представляют распространенные и востребованные для статистики научные источники. Для получения надежных результатов поисковый запрос формулировался следующим образом: тема = «переводоведение» или «переводческое исследование», год публикации = «2001–2020»,

базы данных = CSSCI и PKU, дата поиска = 8 июля 2022 г. В базе данных было найдено 1667 записей, после исключения повторяющихся источников, уведомлений о проведении конференций, сообщений и других нерелевантных записей осталось 1543 записей.

В нашем исследовании использовался статистический метод создания визуализированной карты научных знаний на основе технологии визуализации VOSviewer, которая была разработана сотрудниками Центра исследований науки и технологий (CWTS) Лейденского университета (<https://www.cwts.nl>). При помощи VOSviewer исследователи могут визуализировать карты наук, т.е. строить карты как по ключевым словам, так и по авторам на основе цитирования (*co-citation*) или библиографического сочетания (*bibliographic coupling*). В данной работе мы использовали программное обеспечение VOSviewer версии 1.6.15 вместе с Excel для проведения досконального и многомерного анализа имеющейся литературы и визуализации результатов, включая объем публикаций, частоту цитирования статьи, частотность ключевых слов и совместное появления ключевых слов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Общие показатели

В 1987 г. в Нанкине и Циндао были проведены первые семинары для аспирантов «Теория перевода в Китае» (кит. 中国首届研究生翻译理论研讨会) и «Всекитайская конференция по теории перевода» (кит. 全国翻译理论研讨会), участники которых обсудили основные проблемы переводоведения и призвали к созданию китайского переводоведения, что ознаменовало формирование научно-исследовательского сообщества в области перевода в Китае» [Лань Хунцзюнь, 2018: 7]. В новом веке переводческие исследования в Китае развиваются быстрыми темпами; формируется группа ученых-переводоведов, которая постепенно расширяется; академические обмены в этой области становятся все более частыми. В 2001–2020 гг. в базах данных CSSCI и PKU было опубликовано 1543 статьи по теме «переводоведение» или «переводческое исследование». Среднегодовое число публикаций составляет 76,35 статей. Как видно из рис. 1, за исключением отдельных годов, количество опубликованных в данной области статей продолжило расти, особенно быстрый рост наблюдался в 2001–2020 гг. Эта тенденция показывает, что в 2001–2020 гг. переводоведение в Китае развивалось как никогда раньше, и китайские ученые стремились к становлению науки о переводе в Китае.

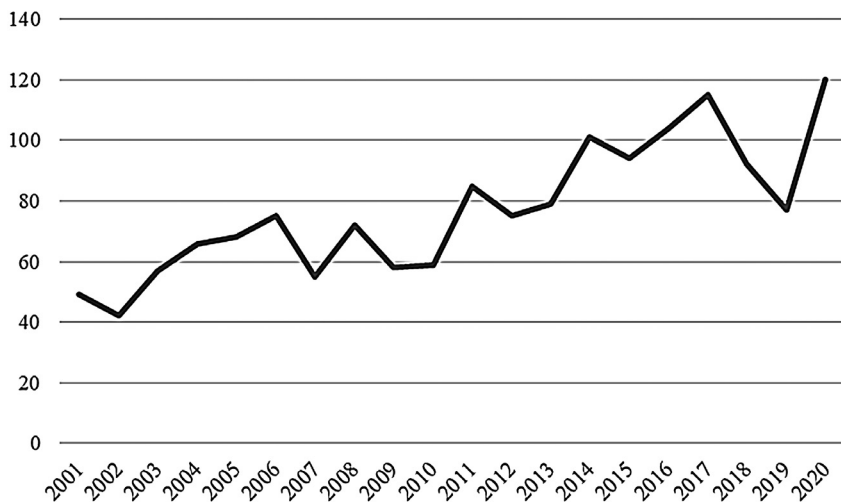

Рис. 1. Количество опубликованных статей в 2001–2020 гг.

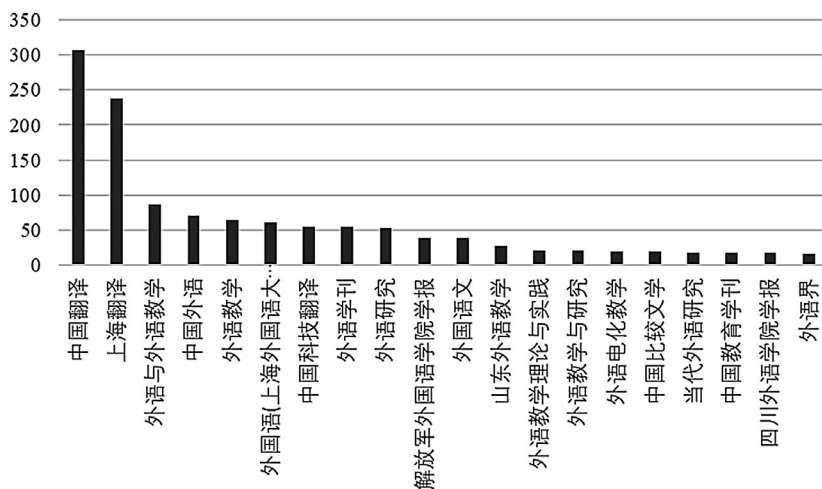

Рис. 2. Распределение опубликованных статей по журналу

Распределение по журналам

При помощи Excel составлена статистика по 20 журналам с наибольшим количеством опубликованных статей по переводоведению (рис. 2). В престижных журналах по изучению теории и практики перевода, например, «Журнал китайских переводчиков» (кит. 中国翻译), «Шанхайский журнал переводчиков» (кит. 上海翻译) и т.д. было опубликовано 1080 статей по данной теме в 2001–2020 гг., что

составляет 69,99% от общего числа публикаций. Следовательно, в Китае большое количество научных статей по переводоведению было опубликовано в журналах по изучению иностранных языков. «Журнал китайских переводчиков» был основан китайской ассоциацией переводчиков в 1980 г. и является первым научным журналом, посвящённым вопросам теории и методологии перевода в Китае. В журнале есть свои постоянные рубрики, такие, как «теория перевода», «история перевода», «технология перевода» и т.д., где публикуются статьи на актуальные темы письменного и устного перевода. «Шанхайский журнал переводчиков» тоже является важной платформой для публикации статей по теории и практике перевода. В журналах «Иностранные языки и их преподавание», «Иностранные языки в Китае» (кит. 中国外语) и в других журналах по изучению иностранных языков имеется рубрика «переводоведение», и в каждом номере публикуются статьи из данной области переводоведения.

Высокоцитируемые статьи

Высокие показатели индекса цитируемости публикаций формально свидетельствуют об успешности/авторитетности работ в научном сообществе, поэтому, анализ высокоцитируемых статей важен не только для рейтингов, но и для определения актуальных тем и направлений современных научных исследований. На основе CNKI определена частота цитирования найденных статей. По количеству цитирований (табл. 1) составлен список из 10 наиболее цитируемых статей в области переводоведения в 2001–2020 гг.

Таблица 1

Топ-10 наиболее цитируемых статей в области переводоведения в 2002–2020 гг. в Китае

№	Тема	Журнал	Год	Час.
1	К вопросу о экопереводоведении	Журнал китайских переводчиков	2008	1662
2	Экопереводоведение: направления исследований и теоретические аспекты	Журнал китайских переводчиков	2011	1515
3	Экопереводоведение: предпосылки и основы развития	Исследование иностранных языков	2010	587
4	От теории интерпретации к изучению устного перевода	Иностранные языки в Китае	2008	576
5	Применение и изучение функциональной телеологии в Китае: обзор	Вестник института иностранных языков НОАК	2006	567

№	Тема	Журнал	Год	Час.
6	Интерпретативная теория перевода: вопросы и анализ	Журнал китайских переводчиков	2006	565
7	От субъективности к интерсубъективности: смена парадигмы в исследованиях перевода	Журнал китайских переводчиков	2005	487
8	Вклад интерпретативной теории перевода в развитие теории перевода (посвящено профессору Д. Селескович)	Журнал китайских переводчиков	2001	470
9	Деконструкция верности и демифологизация перевода	Журнал китайских переводчиков	2004	444
10	Экопереводоведение: междисциплинарный макрокосм в области переводоведения	Шанхайский журнал переводчиков	2009	429

Как видно из табл. 1, топ-10 цитируемых статей посвящены вопросам изучения переводоведения, включая теорию перевода с китайской спецификой, «экопереводоведение», интерпретативную теорию перевода и функциональную телеологию, сформировавшиеся в западных странах, а также вопросы, связанные с субъективностью перевода. Экопереводоведение — нововведение китайских ученых — находится «уже на переднем крае научных исследований по теории перевода в Китае» [Хуан Чжонлянь, Ван Шичао, 2021: 13]. Результаты исследований широко цитируются в других статьях, написанных в области теории перевода. Интерпретативная теория перевода была предложена в 1970-х годах Д. Селескович, и «от своего появления до сих пор оказывает большое влияние на исследование и преподавание устного перевода» [Юе Жуйин, 2017: 20–21]. В конце 1970-х годов китайские ученые внедряли данную теорию в науку о переводе, что предоставило эмпирическую основу для теоретического исследования перевода в Китае. Таким образом, статья на тему «От теории интерпретации к изучению устного перевода» часто цитировалась в других статьях. Функциональная телеология (также известная как «теория функционального перевода») является одной из самых влиятельных теорий перевода в Германии, а также в мире. В 1987 г. функциональная телеология распространялась и развивалась в Китае. Статья на данную тему, естественно, привлекла внимание китайских ученых. Приведенный анализ высокоцитируемых статей позволяет сделать вывод: исследовательская работа в области теории перевода в Китае в 2001–2020 гг. была сосредоточена на заимствовании зарубежных идей для становления китайской теории перевода.

Ключевые слова

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, и анализ ключевых слов с большой частотностью позволяет «найти актуальные направления исследований и выделить тенденции в конкретной области науки» [Ван Фэн, Чэнь Вэнь. 2017: 85]. Набор данных был импортирован в программу VOSviewer для получения списка ключевых слов и частотность их употребления. Из 1543 статей было выделено 3301 ключевое слово. Попробуем ограничиться анализом только тех ключевых слов, которые встречаются минимум 20 раз, что сократит количество маркеров до 22.

Полученная схема показала, что ключевыми словами, которые содержат большое количество репрезентаций в области переводоведения в Китае, являются такие слова или словосочетания, как «переводоведение», «теория перевода», «экопереводоведение», «переводческая дисциплина», «обучение переводу», «китайская традиционная теория перевода», «литературный перевод», «китайское переводоведение» и т.д. С началом политики реформ и открытости Китай переживал бурное развитие в сфере экономики, общественных отношений и культуры. Переводческая деятельность в Китае развивалась в ногу с социалистическими идеями. Вслед за этим, китайские переводоведы стремятся развить переводоведение с китайской спецификой, и важнейшей задачей является скорейшее построение научной теории перевода, включающей построение теоретических основ дисциплины и ее формирование как системного объекта. Таким образом, слова или словосочетания «переводоведение», «переводческое исследование», «теория перевода», «китайская традиционная теория перевода» часто используются как ключевые слова, имеющие наибольшее количество репрезентаций в публикациях. Другие же ключевые слова («обучение переводу» и «методология перевода») показывают, что системное изучение теории перевода в Китае не только касается построения макроспектальной теории перевода, но и разработки практики и обучения переводу. Таков приблизительный механизм взаимодействия практики перевода в переводоведении. Использование термина «экопереводоведение» в качестве ключевого слова свидетельствует о «процессе создания субдисциплины прикладного переводоведения как отражения теоретического осознания этого направления» [Лань Хунцзюнь, 2019: 84].

Направления исследований

Ключевые слова составляют сжатое смысловое ядро текста, и набор ключевых слов должен отражать основную тему научной публикации. Программа VOSviewer позволяет производить кластери-

зацию на основе совместной встречаемости ключевых слов в публикациях. Было введено 1543 записи для кластеризации на основе совместной встречаемости ключевых слов. Установив порог в минимум семь упоминаний (101 ключевое слово), мы получили схему, в которой программа по умолчанию выделила несколько крупных зон соответствующих разным направлениям исследований. Из нее видно, что за 20-летний период переводоведческих исследований в Китае можно выделить три направления: становление науки о переводе, изучение основных проблем переводоведения, исследование экопереводоведения.

Направление 1: становление науки о переводе

Ключевыми словами статей, посвященных становлению науки о переводе в Китае, являются такие, как «переводоведение», «теория перевода» «переводческая дисциплина» и т.д. Основное внимание ученые уделяют созданию системы перевода как учебной дисциплины.

В 2001–2020 гг. китайские ученые стремились к интеграции знаний о переводе с целью систематической разработки переводоведения, что означало начало процесса формирования переводоведения как учебной дисциплины в Китае. В 2004 г. в городе Шанхай первая магистерская программа по переводу была утверждена приказом Министерства просвещения Китая. Это можно рассматривать как признак появления китайского переводоведения. После усвоения сути западной теории перевода и объединения ее с отечественными исследованиями, современная теория перевода в Китае вошла в состояние расцвета. Большинство китайских ученых полагают, что китайская переводческая наука должна отличаться от западной, т. е. китайское переводоведение должно сохранить свои особенности; необходимо создать систему, основанную на китайской переводческой практике, и объединить ее с китайской классической теорией перевода. Что касается структуры и содержания переводоведения, «которое должно состоять из ядра теории перевода и прикладной теории перевода на периферии. Ядро теории перевода несет в себе ключевые признаки как самостоятельной науки и служит ориентиром для развития прикладной теории перевода. Оно имеет потенциал развития и является движущей силой этой дисциплины, а прикладная теория перевода способствует ее горизонтальному развитию» [Ян Цзыцзянь, 2000: 5].

Важнейшими тенденциями в развитии науки являются ее дифференциация, которая проявляется в структурировании основных понятий дисциплины, углублении и уточнении научного исследования. За последние 20 лет китайские ученые добились успехов в

переводоведении, что способствовало углублению общей и специальных теорий перевода. Во-первых, на основе конвергенции китайской традиции и заимствования иностранного опыта бурно развивается китайская теория художественного перевода. В развитие современной теории художественного перевода внёс вклад Сюй Юаньчун (кит. 许渊冲), который обосновал концепции «Сотворение ради утраты» и «Три красоты» в теории перевода. Во-вторых, развивалось прикладное переводоведение, и сформировалась его предметная область, особенно благодаря серии статей, опубликованных в «Шанхайском журнале переводчиков» и посвященных прикладному переводоведению. В них можно наблюдать путь развития прикладного переводоведения в Китае, т.е. от возникновения теоретического сознания до всестороннего развития.

В период 2001–2020 гг. китайские ученые добились больших успехов в развитии переводческой науки с точки зрения ее структуры и содержания дисциплины. Хотя наука о переводе в Китае еще далека от совершенства, некоторые субдисциплины еще не достигли своей зрелости и находятся в преднаучном состоянии, но система теории перевода уже формируется.

Направление 2: основные проблемы переводоведения

Ключевыми словами статей, посвященных исследованию основных проблем переводоведения, являются «переводческие исследования», «методология», «корпусное переводоведение», «переводческий процесс», «культурный поворот» и т.д., их исследование охватывает процесс перевода, роль переводчика, междисциплинарный подход к изучению перевода, методологию и другие проблемы перевода.

«Становление и развитие науки о переводе неотделимо от инновационного развития теории перевода» [Хуан Чжунлянь, Чжан Сяо, 2020: 2]. В 2001–2020 гг. на основе исследований западной и китайской традиционной теории перевода переводоведы проводили теоретическую разработку проблем перевода, включая методы и стратегии перевода, переводческую норму, объективное и субъективное в переводе, фактор адресата в переводе, социальные и культурологические функции перевода и т.д., что способствовало более глубокому пониманию сущности перевода и конкретизации ряда положений общей теории перевода.

Как известно, перевод — это сложное многогранное явление, которое отражает психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны человеческой деятельности. «Переводоведение — совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода» [Комиссаров, 1990: 248] и, очевидно,

изучение перевода требует междисциплинарного подхода. По мнению Н.К. Гарбовского, «признание междисциплинарного статуса теории перевода удобно лишь для того, чтобы уйти от решения весьма сложного вопроса о том, что же является собственным предметом этой науки, ведь междисциплинарность — это не что иное, как рассмотрение объекта сквозь призму разных наук» [Гарбовский, 2004: 205–206]. За последние 20 лет китайские ученые обсудили природу переводоведения как «междисциплины», теоретические рамки и методы, статус дисциплины и другие вопросы. Изучение перевода проводится с позиции сравнительного литературоведения, экологии, эстетики, экономики, географии, социологии и др. В результате этого процесса появились новые термины, например, медиапереводоведение, экопереводоведение, эстетическая адаптация при переводе художественного текста, геопереводоведение, социопереводоведение, коммуникативная теория перевода и т.д. Все это показывает, что китайские ученые стремятся создать собственную терминосистему переводоведения. Кроме того, в китайском переводоведении также произошел «культурный поворот» и перевод китайской литературы является главной областью исследования науки о переводе.

За последние 20 лет корпусные методы были привнесены в область исследования перевода и привлекли внимание китайских ученых, работы которых в основном направлены на создание корпуса для исследования перевода и анализ лингвистических характеристик языка перевода. Затем наметилась тенденция изучения стиля переводчика, сопоставительного анализа переводных текстов и применения корпусов в обучении переводу. Однако по сравнению с исследованиями в других странах «в Китае корпусные методы очень поздно начали использоваться в переводческих исследованиях и бывают недостатки в широте и глубине таких исследований для решения проблем устного перевода, перевода текстов разных жанров, изучение перевода в когнитивном аспекте и др.» [Лю Гобинь, Чан Фанлин, 2018: 119].

В период 2001–2020 гг. основная проблема исследований китайского переводоведения заключена в вопросе о том: что такое перевод, зачем и как переводить. Китайские ученые в теоретической исследовательской работе стремились найти относительно систематическую и доступную теорию перевода, чтобы направить поиски собственной теории на особый путь.

Направление 3: экопереводоведение

Ключевыми словами статей, посвященных исследованию основных проблем экопереводоведения, являются «экопереводоведение»,

«выбор», «адаптация» и т.д. Исследования охватывают основные проблемы перевода с точки зрения экологии.

Экопереводоведение возникло в Китае под воздействием конфуцианства и традиционного китайского учения о гармоничности противоположностей. С помощью дарвиновского принципа адаптации и выбора китайский ученый Ху Гэншэнь предложил новый термин «экосреда перевода» и с новой точки зрения ответил на следующие вопросы: что такое перевод (перевод как адаптация и выбор), кто переводит (переводчик как объект выбора и субъект адаптации и выбора), как переводить (переводческий выбор и адаптация к среде) и др. [Ху Гэншэнь, 2013: 51–52]. В настоящее время исследования Ху Гэншэня получили высокую оценку в стране и за рубежом. Они оказывают значительное влияние на развитие переводоведения в Китае. Ученые отмечают, что в данной сфере «применяются системный подход к изучению природы, процесса, методологии и принципа перевода» [Лю Юньхун, Сюй Цзюнь, 2004: 40], а комплексные исследования и макроскопический взгляд способствуют переходу переводческого исследования на теоретический уровень, что оказывает большое влияние на способы перевода. Экопереводоведение постепенно стало предметом большого количества исследований, и в течение последних 20 лет была сформирована собственная научная парадигма и школа исследований по экопереводу. В итоге, теория экопереводоведения широко применяется в разных областях, например, туристический перевод, перевод субтитров, рекламы и т.д. Мы должны отметить, что школа экопереводоведения, к сожалению, малоизвестна за пределами Китая.

В результате 20-летних исследований была создана крупная китайская школа по изучению теории экоперевода и многие ученые продолжают работать в этой сфере. Можно сказать, что экопереводоведение — новая парадигма переводческих исследований в Китае [Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн, 2022], которая обладает сильной жизненной силой и уникальными свойствами. Экопереводоведение не только способствует развитию теории перевода в Китае, но и в определенной степени определяет направление для будущих исследований перевода.

ТЕНДЕНЦИИ

Режим Overlay Visualization программного средства VOSviewer позволяет оценить, какие ключевые слова использовались при написании статей в тот или иной период времени. Помимо картограммы, в правом нижнем углу рисунка находится хронологическая линейка, которая указывает на время появления ключевого слова.

По полученным результатам можно отметить, что в период 2001–2005 гг. наиболее активно использовались ключевые слова: «дескриптивное переводоведение», «теоретик перевода», «сравнительный анализ перевода», «принцип перевода». Исходя из этого, можно предположить, что в данный промежуток времени основной вопрос, интересовавший ученых, — дескриптивный подход к переводу. В период 2006–2010 гг. в качестве ключевых чаще использовались слова «переводоведение», «теория перевода», «переводческая дисциплина», «культурный поворот», «процесс перевода». В этот период доминируют исследования, посвященные построению теоретической системы переводоведения. В период 2011–2015 гг. широко использовались термины: «экопереводоведение», «корпусное переводоведение», «эмпирические исследования», «история перевода», «прикладное переводоведение». В основном статьи освещали главные разделы переводоведения. В период 2016–2020 гг. в научных публикациях чаще использовались следующие термины: «когнитивное переводоведение», “Citespace”, «социологическое переводоведение». Эти данные свидетельствуют о том, что в Китае появились новые тенденции в переводоведении. За последние 20 лет, изучая опыт зарубежных коллег, китайские ученые смогли адаптировать его к реалиям своего государства, критически анализируя существующий опыт, стремятся создать китайскую теорию перевода, отличающую от западной. Основываясь на показаниях ключевых слов, мы попытаемся проследить тенденции развития китайского переводоведения.

Тенденция 1: Развитие и совершенствование теории перевода

Хотя в Китае исследования в сфере теории перевода оказались успешными, «формирование китайского переводоведения находится лишь в начале своего пути и еще не завершено» [Хуан Чжунлянь, Чжан Сяо, 2020: 2]. Многие китайские ученые отметили, что большое внимание китайские исследователи уделяют созданию и развитию теории перевода, но недостаточно изучают новые явления в переводе. В итоге не был заложен твердый теоретический фундамент для построения современной теории перевода.

В будущем китайские исследователи обязательно должны рассмотреть китайские традиции в сфере практики перевода и адаптировать западную теорию перевода для междисциплинарного и многоаспектного изучения возникающих при переводе проблем. Таким образом, китайская теория перевода будет совершенствоваться и бурно развиваться.

Тенденция 2: Междисциплинарные исследования проблем перевода

Междисциплинарность — одна из характерных черт современного переводоведения. Перевод не является изолированной сферой нематериального производства и неразрывно связан с политикой, экономикой, наукой и техникой, культурой человеческого общества. Практика и теория перевода тесно связаны со многими предметными областями знаний, современными направлениями науки и техники. Представители разных научных направлений начали изучать вопросы перевода на основе своего опыта, что способствовало применению междисциплинарного подхода к анализу перевода. Более того, границы между дисциплинами становятся все более размытыми и между ними происходит взаимообмен, что является особенностью современных исследований. Как показала схема, полученная в VOSviewer, в период 2016–2020 гг. появились ключевые слова «когнитивное переводоведение», «социологическое переводоведение», «экпереводоведение», «корпусное переводоведение», «переводческая этика» и т.д., которые показывают, что междисциплинарность уже стала характерной чертой китайского переводоведения.

В будущем исследование в сфере теории перевода в Китае продолжат отстаивать свои особенности, но под влиянием западной теории перевода, междисциплинарные методы обязательно будут применяться при решении переводческих проблем, включая корпусный, когнитивный, эстетический, социологический и другие подходы, что сделает междисциплинарные исследования в области переводоведения в Китае более заметными. Необходимо отметить, что «междисциплинарные исследования, несомненно, расширяют предмет исследования переводоведения, но не должны расширяться бесконечно, иначе потеряют предмет своего исследования» [Цзи Шуньпин, 2020: 108].

Тенденция 3: Особенности китайского переводоведения становятся все более заметны

Западная теория перевода оказала огромное влияние на исследование теории перевода в Китае. Поэтому, китайские ученые отметили, что «основываясь на исследованиях зарубежных ученых, китайские исследователи должны разработать новые теоретические подходы в переводческих исследованиях с целью создания своей собственной теоретической системы с китайской спецификой» [Сюй Цзюнь, 2018: 8]. Безусловно, особенность изучения теории перевода становится все более очевидной.

В 2016–2020 гг. появилось ключевое слово «перевод с китайского на английский», которое означает, что китайские исследователи уделяют большое внимание изучению переводов с китайского на

английский язык. Перевод может осуществляться в двух направлениях, а именно: с исходного языка на язык перевода и с языка перевода на исходный язык. Однако многие ученые во все времена активно отстаивают принцип использования родного языка при переводе. Таким образом, например, немецко-русский перевод выполняется переводчиком с родным русским языком. Причина в том, что каждый человек владеет своим родным языком лучше, чем любым иностранным. В настоящее время с учетом современных тенденций глобализации Китай выдвинул идею совместной инициативы «Один пояс, один путь». В результате этой инициативы перевод с китайского на русский, английский и другие языки привлекает внимание исследователей. Исследуя особенности китайского языка и основываясь на теоретическом анализе изучения проблемы, китайские ученые систематизируют знания о проблемах перевода и анализируют их особенности в процессе перевода с китайского языка на иностранный. Исследование перевода с родного на иностранный язык становится одним из главных направлений китайского переводоведения.

В Китае преобладают древние переводческие традиции, богатые теоретическими разработками, которые стали одним из краеугольных камней развития теории перевода в Китае. Кроме того, развитие китайского переводоведения тесно связано с влиянием мировой науки. В связи с этим путем соединения древнего и современного знаний о переводе и объединения восточных и западных опыта исследований, происходит «формирование переводческой теории, имеющей национально-культурную специфику, но не изолированную от мировых тенденций, что является важнейшей перспективой развития переводоведения в Китае, и тенденцией развития современной китайской теории перевода в XXI в.» [Чжан Байжань, Синь Хунцзюань, 2016: 62].

Таким образом, в период 2001–2020 гг. китайская теория перевода стремилась к сохранению собственной самобытности, адаптируя успешный опыт Запада к своим реалиям. В это время теория перевода только начинала оформляться в самостоятельную научную дисциплину.

Настоящее исследование посвящено выявлению отличительных черт и основных направлений развития китайской теории перевода. С точки зрения популярности к типичным направлениям исследования относятся такие, как «наука о переводе», «теория перевода», «экопереводоведение», «китайская традиционная теории перевода», «китайское переводоведение». Рассматриваются также методы исследований. С учетом вышеизложенного мы предполагаем в буду-

ших в исследованиях, посвященных теории перевода, искать новые подходы и по-новаторски подходить к теории перевода, так как создание китайского переводоведения находится лишь в начале своего пути.

Следует отметить, что в данной статье представлен только предварительный анализ текущей ситуации в области китайского переводоведения. Есть еще достаточно много вопросов, которым должно уделяться особое внимание. В будущем можно учесть публикации из баз данных Web of Science или eLibrary, чтобы своевременно отслеживать передовую научную литературу по теории перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Фэн, Чэнь Вэнь. Фокусы и перспективы исследований в области перевода в Китае и за рубежом: библиометрический анализ исследований в области перевода в (С) SSCI журналах // Преподавание иностранным языкам. № (4), 2017. С. 83–88. (王峰, 陈文. 国内外翻译研究热点与趋势: 基于译学核心期刊的知识图谱分析 // 外语教学. № (4), 2017. 83–88页.)
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004.
3. Гу Цзюньлин, Сун Цзяньфэн. Экопереводоведение: новая парадигма переводческих исследований в Китае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теории перевода. № (2), 2022. С. 7–25.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., Высшая школа. 1990.
5. Лань Хунцзюнь. Теоретически ориентированные исследования в области перевода в Китае: 1987–2017 // Журнал китайских переводчиков. № (1), 2018. С. 7–16. (蓝红军. 从学科自觉到理论建构: 中国译学理论研究(1987–2017) // 中国翻译. № (1), 2018. 7–16页.)
6. Лань Хунцзюнь. Методологии исследования в области переводоведения. Пекин, Преподавание иностранных языков и исследовательская пресса. 2019. (蓝红军. 译学方法论研究. 北京, 外语教学与研究出版社. 2019.)
7. Лю Гобин, Чан Фанлин. Новые тенденции корпусного переводоведения в Китае: наукометрический анализ на основе программы CiteSpace // Вестн. Хэнаньского педагогического ун-та. № (6), 2018. С. 111–120. (刘国兵、常芳玲. 基于CiteSpace的国内语料库翻译学研究知识图谱分析 // 河南师范大学学报. № (6), 2018. 111–120页.)
8. Лю Юньхун, Сюй Цзюнь. Новая работа по теории перевода: рецензия на монографию «Переводческая деятельность как адаптация и выбор» // Журнал китайских переводчиков. № (6), 2014. С. 40–43. (刘云虹、许钧. 一部具有探索精神的译学新著—《翻译适应选择论》评析 // 中国翻译. № (6), 2004. 40–43页.)
9. Сюй Цзюнь. Путь развития исследований теории перевода в Китае после реформы и открытия // Журнал китайских переводчиков. № (6), 2018. С. 5–8. (许钧. 改革开放以来中国翻译研究的发展之路 // 中国翻译. № (6), 2018. 5–8页.)
10. Ху Гэншэнь. Экопереводоведение: построение и интерпретация. Пекин, Шаньху иньшугуань. 2013. (胡庚申. 生态翻译学: 建构与诠释. 北京, 商务印书馆. 2013.)
11. Хуан Чжонлянь, Чан Сяо. Столетнее развитие переводоведения: прогресс, размышления и тенденции // Шанхайский журнал переводчиков. № (6), 2020. С. 1–6. (黄忠廉, 张潇. 翻译学科百年: 演进、反思与趋势 // 上海翻译. № (6), 2020. 1–6页.)

12. Хуан Чжонлянь, Ван Шичао. Первые 20 лет экопереводovedения: перспективы и направления // Преподавание иностранным языкам. № (6), 2021. С. 12–16. (黄忠廉, 王世超. 生态翻译学二十载: 乐见成长 期待新高 // 外语教学. № (6), 2021. 12–16页.)
13. Чжан Байжэсань, Синь Хунцзюань. Вопросы и ответы по исследованию переводоведения: новые мнения о текущих исследованиях переводоведения. Нанькин: Изд-во Нанькинского университета. 2016. (张柏然, 辛红娟. 译学研究叩问录—对当下译论研究的新观察与新思考. 南京, 南京大学出版社. 2016.)
14. Юе Жуйин. Интерпретативная теория перевода в китайской науке о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. № (1), 2017. С. 20–32.
15. Ян Цзыцзянь. Новое мнение по нескольким вопросам построения теории перевода. // Журнал китайских переводчиков. № (5), 2000. С. 4–7. (杨自俭. 对译学建设中几个问题的新认识. // 中国翻译. № (5), 2000. 4–7页.)
16. Ци Шуньпин. Междисциплинарное исследование переводоведения: дисциплинарное взыскание и системный подход — собеседование с профессором Гарбовским. // Журнал китайских переводчиков. № (5), 2020. С. 107–112. (纪春萍. 跨学科翻译研究: 学科意识与系统路径—加尔博夫斯基访谈录. // 中国翻译. № (5), 2020. 107–112页.)

Xin Na

TRANSLATION STUDIES IN CHINA (2001–2020) THROUGH VOSviewer

Center for Russian Language, Literature and Culture Studies, Heilongjiang University, Harbin, China; xinna_8110@126.com

Abstract: In the article translation studies in China from 2001 to 2020 were reviewed by visualization techniques. The author investigated 1543 journal articles published during that period. The number of published papers, article distribution, and keywords of top-cited articles were analyzed, indicating that the number of relevant articles published has grown significantly and more articles have been published in major linguistic journals. The top 10 most cited articles focus on Western and Chinese translation theories, there has been a wide range of theoretical issues touched upon within the framework of translation theory in the past 20 years, the most popular topics are the formation of translation science, the basic problems of general translation, and ecological translation. Perspectives of the development of Chinese translation studies are clarified including the development of translation theory, interdisciplinary research of translation problems, and the most notable features of Chinese translation tradition.

Keywords: translation theory; eco-translation studies; Chinese translation studies; VOSviewer

Funding: This research has been supported by the Heilongjiang University Humanitarian Science Fund (№ 21YYE424).

For citation: Xin Na. (2023) Translation studies in China (2001–2020) through VOSviewer. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 159–176. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Xin Na — Dr. Habil. in Philology, Associate Professor at the Center for the Russian Language, Literature and Culture Studies, Heilongjiang University; xinna_8110@126.com

REFERENCES

1. Van Fjen, Chjen' Vjen'. 2017. Fokusy i perspektivy issledovanij v oblasti perevoda v Kitae i za rubezhom: bibliometricheskij analiz issledovanij v oblasti perevoda v (C)SSCI zhurnalah [Focus and Foresight of Translation Studies at Home and Abroad: A Bibliometric Analysis of Translation Studies on (C)SSCI Translatology Journals]. *Foreign Language Education*, no. 4, pp. 83–88.
2. Garbovskij N.K. 2004. *Teorija perevoda* [Translation Theory]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
3. Gu Czyun'lin, Sun Czyan'fen. 2022. Ekoperevodovedenie: novaya paradigma perevodcheskih issledovanij v Kitae [Ecotranslation: a New Paradigm of Translation Research in China]. *Moscow State University Bulletin. Series 22: Translation Studies*, no. 2, pp. 7–25. (In Russ.)
4. Komissarov V.N. 1990. *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vysshaja shkola. (In Russ.)
5. Lan' Hunczjun'. 2018. Teoreticheski orientirovannye issledovanija v oblasti perevoda v Kitae: 1987–2017 [Theoretically Oriented Translation Studies in China: 1987–2017]. *Chinese Translators Journal*, no. 1, pp. 7–16.
6. Lan' Hunczyun'. 2019. *Metodologii issledovanija v oblasti perevodovedenija* [On Research Methodology in Translation Studies]. Pekin, Foreign language teaching and research press.
7. Lju Gobin, Chan Fanlin. 2018. Novye tendencii korpusnogo perevodovedenija v Kitae: naukometriceskij analiz na osnove programmy CiteSpace [Emerging Trends in Corpus-based Translation Studies in China: A Scientometric Analysis in CiteSpace]. *Journal of Henan Normal University*, no. 6, pp. 111–120.
8. Lju Jun'hun, Sjuj Czjun'. 2004. Novaja rabota po teorii perevoda: recenzija na monografiju «Perevodcheskaja dejatel'nost' kak adaptacija i vybor» [A New Book on Translation Theory: A Review of “An Approach to Translation as Adaptation and Selection”]. *Chinese Translators Journal*, no. 6, pp. 40–43.
9. Sjuj Czjun'. 2018. Put' razvitija issledovanij teorii perevoda v Kitae posle reformy i otkrytija [The Development Road of China Translation Theory Research since Reform and Opening up]. *Chinese Translators Journal*, no. 6, pp. 5–8.
10. Hu Gjenshen'. 2013. *Jekoperevodovedenie: postroenie i interpretacija* [Eco-Translatology: Construction and Interpretation]. Pekin, Commercial press.
11. Huan Chzhonljan', Chan Sjao. 2020. Stoletnee razvitie perevodovedenija: progress, razmyshlenija i tendencii [One-Hundred-Year Development of Translatology: Progress, Reflection and Trend]. *Shanghai Journal of Translators*, no. 6, pp. 1–6.
12. Huan Chzhonljan', Van Shichao. 2021. Pervye 20 let jekoperevodovedenija: perspektivy i napravlenija [First 20 Years of Eco-translatology: Perspectives and Directions]. *Foreign Language Education*, no. 6, pp. 12–16.
13. Chzhan Bajzhan', Sin' Hunczjuan'. 2016. *Voprosy i otvety po issledovaniju perevodovedenija: novye mnenija o tekushhijh issledovanijah perevodovedenija* [Questions and Answers on Translation Studies: New Opinions on Present Translation Theory Studies]. Nan'kin: Publishing house of Nanjing university.
14. Jue Zhujin. 2017. Interpretativnaja teorija perevoda v kitajskoj nauke o perevode [The Interpretive Theory of Translation in Chinese Translation Studies]. *Moscow*

State University Bulletin. Series 22: Translation Studies, no. 1, pp. S. 20–32. (In Russ.)

15. Jan Czyczjan'. 2000. Novoe mnenie po neskol'kim voprosam postroeniya teorii perevoda [A New Opinion on Several Issues of the Construction of Translation Theory]. *Chinese Translators Journal*, no. 5, pp. 4–7.
16. Czi Shun'pin. 2020. Mezhdisciplinarnoe issledovanie perevodovedeniya: disciplinar-noe vzyskanie i sistemnyj podhod — sobesedovanie s professorom Garbovskim [Interdisciplinary Translation Research: Disciplinary Awareness and System Path — Interview with Garbovsky]. *Chinese Translators Journal*. no.5, pp. 107–112.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022;
одобрена после рецензирования 11.01.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 05.11.2022;
approved after reviewing 11.01.2023;
accepted for publication 20.02.2023

Ян Шичжан, Хань Цянь

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА
ПРОФ. В.Н. КОМИССАРОВА В КИТАЕ¹**

*Высшее учебное заведение в непосредственном подчинении Министерства образования КНР «Шанхайский университет иностранных языков»,
Шанхай, Кунтай; yangshizhang@shisu.edu.cn, hanqian5526@163.com*

Аннотация: В.Н. Комиссаров как знаменитый теоретик перевода был известен китайским коллегам с 1984 г., когда в Китае только начала формироваться современная теория перевода. Уже сорок лет распространяются, используются и развиваются его переводоведческие мысли. Основные труды В.Н. Комиссарова, включая «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике» (1978), «Лингвистика перевода» (1980), «Теория перевода (лингвистические аспекты)» (1990) и «Современное переводоведение» (1999), освещались в китайских академических журналах. Его последняя монография «Современное переводоведение» (2004) была переведена на китайский язык. В китайское переводоведение были введены все его теоретические положения о переводе, такие, как сущность перевода, переводческая эквивалентность, модели перевода, переводческие соответствия, нормы перевода, прагматика перевода, текстологические аспекты переводоведения, культурологические и социологические аспекты переводоведения, методика обучения переводу и т.д. Некоторые идеи, такие как прагматическая адаптация перевода, получили дальнейшее развитие. Таким образом, теоретические взгляды В.Н. Комиссарова исследуются и обобщаются как в многочисленных научных статьях, так и в монографиях, что способствовало развитию китайской теории перевода. Более того, его переводческие мысли широко используются китайскими учеными для теоретических исследований и подготовки будущих переводчиков. Отдельные идеи В.Н. Комиссарова применяются для исследования функции культурно-специфического перевода, переводческой адаптации, перевода национального стиля речи и других теоретических проблем. Чаще всего его теория перевода используется для решения разнообразных практических вопросов перевода. Наиболее влиятельной, несомненно, является теория переводческой эквивалентности, с помощью которой в многочисленных диссертациях и статьях по переводу анализируются вопросы как художественного,

Ян Шичжан — доктор филологических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии / Центра исследований России Шанхайского университета иностранных языков; yangshizhang@shisu.edu.cn; *Хань Цянь* — докторант Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайского университета иностранных языков; hanqian5526@163.com

¹ Данная работа посвящается 100-летию со дня рождения известного переводоведа В.Н. Комиссарова.

так и информационного перевода, а также проблемы устного перевода и аудиовизуального перевода.

Ключевые слова: В.Н. Комиссаров; путешествие теории; теория перевода; Китай; распространение; развитие; использование

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-14

Финансирование: Статья выполнена при поддержке “Chinese Fund for the Humanities and Social Sciences”: «Путь развития китайских городов» (№ 19WSHB004).

Для цитирования: Ян Шичжан, Хань Цянь. Распространение теории перевода проф. В.Н. Комиссарова в Китае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 177–189.

Как справедливо отмечает почетный доктор филологических наук, действительный член РАЕН проф. Б.А. Ольховиков, труды В.Н. Комиссарова составляют существенную часть истории переводческой науки в России [Комиссаров, 2002: 3]. Многие работы переводоведа известны в России и за ее пределами. Так, в фонд Китайской национальной библиотеки (National Library of China) попали почти все труды В.Н. Комиссарова, включая «Пособие по переводу с английского языка на русский» (1965), «Лингвистика перевода» (1980), «Теория перевода (лингвистические аспекты)» (1990), «Лингвистическое переводоведение в России» (2002), «Современное переводоведение» (2004, 2017) и «Переводческие исследования: избранные статьи 1968–2005» (2020). Среди них наиболее влиятельными в Китае являются книги, выпущенные в 1980, 1990 и 2004 гг. Имя В.Н. Комиссарова включено во многие переводоведческие словари под редакцией китайских ученых, такие, как «Словарь китайского переводоведения» [Fang Mengzhi, 2011: 544], «Переводоведческий словарь» [Fang Mengzhi, 2019: 284] и т.д. Его переводческие мысли широко распространяются и используются в Китае.

Распространение и развитие теории перевода В.Н. Комиссарова в Китае

Путешествие теории перевода В.Н. Комиссарова по Китаю началось с рецензии на его монографию «Лингвистика перевода» (1980), в которой рассматривались следующие вопросы: перевод как важная проблема в современных лингвистических исследованиях, общелингвистическая теория перевода, содержание и задачи лингвистики перевода, связь лингвистики с традиционной теорией перевода и т.д. [У Сюэшань, 1984]. На книгу В.Н. Комиссарова «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике» (1978) тоже был сделан обзор. В нем обобщались взгляды 12 западных лингвистов

на перевод, таких, как Р. Якобсон, Дж. Ферс, Ж. Мунэн, М.А.К. Хэллiday, К.Р. Бауш, О. Каде, Дж. Кэтфорд, Ю. Найда, Г. Егер, Ж.-П. Вине & Ж. Дарбельне, А. Нойберт и К. Райс [Цай И, 1987]. Чэнь Цзе [1999] познакомил китайских теоретиков с монографией В.Н. Комиссарова «Теория перевода (лингвистические аспекты)» (1990), обсуждая эквивалентность перевода, переводческие соответствия, способы описания процесса перевода, прагматику перевода, нормы перевода и оценку качества перевода. Наибольший интерес вызвала у китайских исследователей, безусловно, монография «Современное переводоведение» (1999), которая составляет основную часть одноименной книги (2004). На предыдущую работу написали две рецензии, в которых анализируются перевод как объект лингвистического исследования, лингвосомиотические основы переводоведения, текстологические аспекты переводоведения, культурологические и социологические аспекты переводоведения и сущность перевода [Чжэн Миньюй, Ян Шичжан, 2001; Чжу Дацю, 2002]. Последняя книга была частично, включая ее первую, вторую части и 2-й раздел 4-й части, переведена на китайский язык профессором Ван Цзяфэем и др. Кроме того, статья “Russian tradition”, написанная В.Н. Комиссаровым на английском языке для «Энциклопедии перевода» (*Encyclopedia of Translation*) под редакцией М. Бейкер (M. Baker), переведена на китайский язык и включена в книгу «Обзор советско-российских школ теории перевода» [У Кэли, 2006: 650–659].

При распространении переводческой мысли В.Н. Комиссарова одни китайские ученые уделяют внимание отдельным точкам зрения переводоведа, другие — его целостной теории перевода.

В теории перевода В.Н. Комиссарова отмечают и рассматриваются следующие вопросы: 1) обучение переводу [Цай И, 1988; Цянь Цинь и Чэнь Цзе, 2014]; 2) эквивалентность перевода [Цай И и Дуань Цзинхуа, 2000: 33–39; Ян Шичжан, 2001, 2006а: 157–160]; 3) модели перевода [Хань Чжэньюй, 2003; Се Юньцай, Чжан Цзе, 2004; Ян Шичжан, 2006а: 118–124]; 4) нормы перевода и оценка качества перевода [Чэнь Цянь, Чэнь Цзе, 1999; Ян Шичжан, 2006а: 171–180]; 5) прагматика перевода [Ян Шичжан, 2004; 2006а: 79–87];

б) культурологические и социологические аспекты переводоведения [Сунь Синьчжэн, 2007]; 7) теория перевода в XX в. и на Западе [Чэнь Цзе, Чжао Лицзюнь, 2001; Чжао Лицзюнь, 2003].

Есть работы, которые посвящены исследованию целостной переводческой мысли В.Н. Комиссарова. Ян Шичжан, обобщая основные идеи почти всех монографий В.Н. Комиссарова, в своей статье «Переводоведческая мысль В.Н. Комиссарова» [2003] и в книге

«Обзор советско-российских школ теории перевода» под редакцией У Кэли [2006: 508–560] дает исчерпывающий обзор на переводческие идеи В.Н. Комиссарова. В этом отношении были опубликованы также статьи, написанные Пяо Чжэхао [2005], Мао Чживэнем [2016] и др. В книге «Исследования современной западной теории перевода» под редакцией Ляо Ции [2000: 161–165] также кратко излагаются переводческие идеи В.Н. Комиссарова.

Мысли В.Н. Комиссарова, как правило, сопоставляются со взглядами других теоретиков перевода. Его размышления о важнейших вопросах теории перевода, таких, как сущность перевода, семантика перевода, прагматика перевода, стилистика перевода, текстология перевода, единица перевода, эквивалентность перевода, норма перевода, репрезентативность перевода, анализируются наряду с результатами исследования других известных российских переводоведов А.В. Федорова, Я.И. Рецкера, Л.С. Бархударова, Л.К. Латышева, Р.К. Миньяр-Белоручева, А.Д. Швейцера, Н.К. Гарбовского, С.В. Тюленева и др. [Ян Шичжан, 2006b, 2006с; Чэнь Цзе, 2007; Ху Гумин, 2019].

Помимо всестороннего распространения переводоведческой мысли В.Н. Комиссарова, китайские теоретики, учитывая развитие переводоведения во всем мире, также попытались усовершенствовать ту или иную концепцию российского переводоведа. Например, прагматическая адаптация как одна из важных задач прагматики перевода рассматривается многими исследователями, включая В.Н. Комиссарова. Их работы показывают, что при переводе в обычном смысле этого слова прагматическая адаптация ориентируется лишь на исходный язык, чтобы передать прагматическое значение исходного высказывания и добиться прагматической эквивалентности. Это отражает, по мнению Ян Шичжана [2018], лишь одну сторону прагматической адаптации. Но на основе анализа перевода на русский язык системы наименования родственников по социальному положению в романе «Сон в красном тереме» (перевод В.А. Панасюка, 1958) можно заметить, что прагматическая адаптация может быть ориентирована и на язык перевода, в результате чего переводчик не передает прагматическое значение исходного высказывания, а следует прагматическим конвенциям языка перевода. Так что прагматическая адаптация перевода характеризуется не единичной, а двойной ориентированностью, что может быть аргументированно при помощи теории лингвистической адаптивности, выдвинутой Дж. Вершуеренем (J. Verschueren) в монографии *Understanding Pragmatics* (1999).

Использование переводческой мысли В.Н. Комиссарова в китайском переводе

Вместе с тем, как распространяется и совершенствуется теория перевода В.Н. Комиссарова, она широко используется в Китае для разрешения различных теоретических и практических проблем перевода.

Ян Шичжан [2021], основываясь на идее В.Н. Комиссарова о том, что содержательная структура текста может рассматриваться в трех разных измерениях (вертикальном, горизонтальном и глубинном) систематически исследовал функцию культурно-специфического перевода по отношению к содержанию текста, выявив, что культурно-специфический перевод выполняет функции воспроизведения темы исходного текста, реализации связности перевода и передачи различных смыслов высказывания. Кроме того, другие переводческие идеи В.Н. Комиссарова, такие как определение перевода, прагматическая адаптация, переводческая эквивалентность, нормы перевода, процесс перевода, перевод текста, культурные и социологические аспекты перевода, статистические методы исследования теории перевода, используются китайскими учеными в исследованиях переводческой адаптации, культурно-специфического перевода, оценки перевода, передачи национального стиля речи, структуры языка перевода, вариации перевода и т.д. [Ян Шичжан, 2015; 2020: 1–12; 2022; Ван Цзяфэй, 2004; Хуан Чжунлянь, 2006]

Переводческие идеи В.Н. Комиссарова также широко используются в Китае для изучения различных видов перевода и подготовки будущих переводчиков, что наиболее четко отражается в более чем 70 переводоведческих диссертациях, защищенных во многих вузах² за последние 10 лет.

Среди всех теоретических положений В.Н. Комиссарова наиболее часто используемой является теория переводческой эквивалентности. Она применяется в исследованиях не только художественного, но и информационного перевода, а также в решении вопросов устного, аудиовизуального и других видов перевода.

² Таких, как Пекинский университет иностранных языков, Сычуаньский университет иностранных языков, Сианьский университет иностранных языков, Синьцзянский университет, Информационно-инженерный университет, Шаньдунский университет, Китайский нефтяной университет (Хуадун), Шаньсийский университет, Даляньский политехнический университет, Ляонинский университет, Хэнаньский университет, Чанчуньский университет, Цзилинский университет, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Харбинский педагогический университет, Ляонинский педагогический университет, Муданьцзянский педагогический институт, Шэньсийский педагогический университет, Уханьский университет и т.д.

Теория переводческой эквивалентности применяется в исследованиях перевода таких художественных произведений, как «Иван-дурак: очерк русской народной веры» А.Д. Синявского, «Улица свободы» А.Н. Варламова, «Зеленый шатер» Л. Улицкой, «Афганский разлом. Истоки мирового терроризма» В.Г. Марченко, «Как в кино» А. Билоус, «Время перемен» Н. Лугинова, «А зори здесь тихие...» Б.Л. Васильева, «Дорогие звери» М.М. Пришвина, «Голос» Д. Доцук, «Язык мой — друг мой» В.М. Суходрева, «Хранитель пути» К. Сарсеновой, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, «Осажденная крепость» Цянь Чжуншу, «Лягушка» и «Усталость жизни и смерти» Мо Яня.

Более того, теория переводческой эквивалентности В.Н. Комиссарова еще используется для разрешения проблем информационно-го перевода.

Во-первых, она применяется в исследованиях перевода материалов официально-делового стиля, включая официальные документы, архивы, уставы, контракты, к которым относятся «Стратегия социально-экономического развития республики Татарстан до 2030 года», «Стратегия развития спортивной индустрии до 2035 года», «Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их “цифровой зрелости” до 2024 года и на период до 2030 года», «Есть такая профессия — Родину защищать», «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», «Стратегия социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 года)», «Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года», «Стратегия социально-экономического развития Пермского муниципального района на 2016–2030 годы», «Стратегия развития Нижегородской области до 2020 года», «Будущее говорит с прошлым: стратегии стран БРИКС в отношении Европейского союза», «Положение Международного конкурса по полевой выучке среди подразделений Воздушно-десантных войск “Десантный взвод”–2018», «Инструкция по безопасному ведению горных работ на шахтах, разрабатывающих угольные пласты, склонные к горным ударам», архивные документы на русском языке А.С. Панюшкина на посту полномочного представителя СССР в Китае в 1939 г., Краткое сведение об Аньхойском сельскохозяйственном университете, Договор купли-продажи товаров одной импортно-экспортной торговой компании в городе Суйхуа провинции Хэйлунцзян.

Во-вторых, теория эквивалентности перевода применяется в исследованиях перевода материалов научного стиля, включая научные статьи, монографии, отчеты об оценке, учебные пособия, к которым

относятся «История всемирной литературы. Т. VII» под ред. И.А. Бернштейна, «Ядерное разоружение: состояние, проблемы и перспективы» В.И. Есина, «Итоги исследований на городище Синельниково-1 в Российском Приморье» Н.А. Ключева и др., «Британская политика “умиротворения” и ее главный проводник Невилл Чемберлен» Н.К. Капитоновой, «Язык как последний дом бытия человечества» Цзянь Гуаньяня, «Геополитика нового Шелкового пути» Р. Мирзаева, «Внешняя политика России. 1991–2016» Т.А. Шапклевой и др., «Российский экспорт нефти и газа в Китай» Е.А. Борисовой, «Беларусь-Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества» В.М. Мацеля, «Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы» А. Белякова и О. Матвейчева, «Путин и глобализм» С. Батчикова, «Россия и Китай: новое партнерство в меняющемся мире» К.И. Косачева, «Шелковый путь — не альтернатива ШОС и ЕАЭС» С. Лузянина, «Китай — центр Евразии или куда склоняется чаша весов?» О. Сидорова, «Россия и Китай — вперед в светлое будущее?» В. Портякова, «Евразийский «Союз Шелкового Пути»: дорога к российско-китайскому консенсусу», «Искатели привлечений: как заработать на проекте Шелкового пути» и «Россия и китайский проект “Экономический пояс Шелкового Пути”» А. Габуева, «Китаеведение на Шелковом пути» К. Ильковского, «Вот новый поворот» Ф.А. Лукьянова, «Очистка нефтесодержащих сточных вод» Л.И. Кузубовой и С.В. Морозова, «Возникновение, становление и развитие методов очистки нефтесодержащих сточных вод» Е.В. Кузнецовой, «Разработка технологии очистки нефтесодержащих сточных вод с использованием смешанного реагента» И.В. Стрепетова, «Очистка нефтесодержащих сточных вод фильтровально-сорбционными методами» И.А. Лебедева и др., «Создание новых функциональных материалов для очистки водных сред от нефти и нефтепродуктов» П.Б. Кашеевой, «Единый государственный экзамен: Кто и как его сдал?» А.А. Овсянникова, «Продвижение инновационных промышленных товаров, технологий и услуг в социальных сетях» Е.В. Ситникова и др., «Мобилизационная подготовка исполнительных органов государственной власти: специальный учебник» Ю.Л. Колесникова и др., «Тактика подразделений войсковой ПВО» Н.А. Позднякова и др.

В-третьих, теория переводческой эквивалентности применяется в исследованиях перевода материалов газетно-публицистического стиля, включая новости, материалы на тему государственного управления, к которым относятся 20 новостных заметок об инициативе «Один пояс и один путь» на сайте БелТВ в период с сентября 2016 по февраль 2017 г. в сфере политики и экономики на русском языке, «Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. I».

Вместе с тем теория эквивалентности перевода В.Н. Комиссарова используется для решения вопросов как устного перевода, например, в переводе программы «Прямая линия с Путиным» в 2016 и 2018 гг., в последовательном переводе ответов официального представителя МИД России на вопросы репортеров, так и аудиовизуального перевода, например, в переводе российского фильма «Завтрак у папы».

Кроме теории переводческой эквивалентности также широко используются и другие переводческие идеи В.Н. Комиссарова, а именно: идеи о переводческих соответствиях, процессе перевода, прагматике перевода, текстологических аспектах перевода, культурологических и социологических аспектах перевода, переводческих трансформациях и т.д. Они применяются в изучении перевода таких художественных произведений, как «Авиатор» Е.Г. Водолазкина, «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, «Язык мой — друг мой» В.М. Суходрева, «Метро 2035» Д. Глуховского, «Зимний поход по реке Хунгари» В.К. Арсеньева, «Будь здоров, школяр» Б. Окуджавы. Более того, идеи В.Н. Комиссарова используются для решения проблем перевода разных медийных текстов, к которым относятся выступление председателя КНР Си Цзиньпина, материалы об оценке выбора маршрута российского участка газопровода «Северный поток-2», русские военные новости, китайско-монгольский словарь, контракты купли-продажи, дипломатические документы, научные статьи и др.

Таким образом, переводоведческие идеи В.Н. Комиссарова были оценены в Китае, когда в стране только начала развиваться современная теория перевода. Вслед за А.В. Федоровым и Л.С. Бархударовым, В.Н. Комиссаров, как один из важнейших представителей лингвистической школы российской теории перевода, привлек к себе большое внимание китайских ученых. Его работы широко распространяются, исследуются и используются в китайских вузах. По данным сайта “China National Knowledge Internet” (www.cnki.net), на 18 декабря 2022 г. монография В.Н. Комиссарова «Лингвистика перевода» (1980) была процитирована в 24 научных статьях и 117 диссертациях, труд «Теория перевода (лингвистические аспекты)» (1990) — в 34 научных статьях и 198 диссертациях, а книга «Современное переводоведение» (1999, 2004) — всего в 69 научных статьях и 506 диссертациях. Из этого следует, что теория советского переводоведа сыграла очень важную роль как в развитии китайской теории перевода, так и в подготовке будущих переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Цзяфэй. О переводе национального стиля речи // Русский язык в Китае. 2004. № 2. С. 41–45.
2. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. М.: ЭТС, 1999.
5. Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России. М., 2002.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М., 2004.
7. Ляо Ци. Исследования современной западной теории перевода. Нанкин, 2000.
8. Мао Чжэнь. О переводческой мысли В.Н. Комиссарова // Вестник Шаньсийского университета. Философия и социальные науки. 1991. № 1. С. 101–104.
9. Пяо Чжэхао. Переводческая мысль В.Н. Комиссарова и ее роль в китайском переводоведении // Вестник Яньшаньского университета. Философия и социальные науки. 2005. № 4. С. 79–84.
10. Се Юньцай, Чжан Цзе. Обзор теории модели перевода в России // Журнал иностранных языков. 2004. № 4. С. 84–89.
11. Сунь Синьчжэн. Культурологические и социологические аспекты в переводоведении: просвещение из переводоведческих взглядов В.Н. Комиссарова // Вестник Юйсийского педагогического института. 2007. № 6. С. 54–56.
12. У Кэли. Обзор советско-российских школ теории перевода. Шанхай: Шанхайское издательство образования иностранных языков, 2006.
13. У Сюэмань. Рецензия на «Лингвистику перевода» В.Н. Комиссарова // Журнал китайских переводчиков. 1984. № 8. С. 41–44.
14. Хань Чжэньюй. О методах описания процесса перевода В.Н. Комиссарова // Вестник Цзилиньского педагогического университета. Гуманитарно-общественные науки. 2007. № 6. С. 78–84.
15. Ху Гумин. Об эквивалентности, адекватности и репрезентативности перевода // Русский язык в Китае. 2019. № 2. С. 76–82.
16. Хуан Чжунлянь. Двугрунная система оценки качества перевода // Журнал иностранных языков. 2006. № 5. С. 91–95.
17. Цай И., Дуань Цзинхуа. Советская теория перевода. Ухань, 2000.
18. Цай И. «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике»: 12 западных лингвистов о переводе // Преподавание и исследование иностранных языков. 1987. № 4. С. 48–56.
19. Цай И. Обучение переводу в Советском Союзе // Журнал китайских переводчиков. 1988. № 3. С. 47–50.
20. Цянь Цинь, Чэнь Цзе. О методике обучения переводу в концепции В.Н. Комиссарова // Русский язык в Китае. 2014. № 4. С. 45–48.
21. Чжао Лицзюнь. В.Н. Комиссаров о теории перевода в XX веке // Китайский научно-технический перевод, 2003. № 1. С. 51–52, 30.
22. Чжу Даю. Рецензия на «Современное переводоведение» // Русский язык в Китае. 2002. № 4. С. 58–60.
23. Чжэн Миньюй, Ян Шичжан. Переводческая мысль В.Н. Комиссарова: Рецензия на его книгу «Современное переводоведение» // Иностранные языки и их преподавание. 2001. № 4. С. 51–53.
24. Чэнь Цзе, Чжао Лицзюнь. В.Н. Комиссаров о современной западной теории перевода // Русский язык в Китае. 2001. № 4. С. 49–55.
25. Чэнь Цзе. Рецензия на «Теорию перевода (лингвистические аспекты)» // Русский язык в Китае. 1999. № 4. С. 63–65.

26. Чэнь Цзе. Обзор исследований единицы перевода в русистике // Китайский научно-технический перевод, 2007. № 1. С. 46–48.
27. Чэнь Цянь, Чэнь Цзе. Нормы перевода В.Н. Комиссарова // Шанхайский научно-технический перевод. 1999. № 4. С. 61–62.
28. Ян Шичжан. Об эволюции теории эквивалентности в советско-российском переводоведении // Русский язык в Китае. 2001. № 1. С. 47–53.
29. Ян Шичжан. Переводоведческая мысль В.Н. Комиссарова // Русский язык в Китае. 2003. № 3. С. 46–51.
30. Ян Шичжан. О прагматике перевода В.Н. Комиссарова // Русский язык в Китае. 2004. № 4. С. 19–23.
31. Ян Шичжан. Лингвистическое переводоведение. Шанхай, 2006а.
32. Ян Шичжан. Восемь основных областей лингвистического переводоведения России // Исследования иностранных языков. 2006б. № 3. С. 56–60.
33. Ян Шичжан. Об исследовании прагматики перевода в России // Журнал иностранных языков. 2006с. № 6. С. 87–89.
34. Ян Шичжан. Новое определение понятия «перевод» // Преподавание иностранных языков. 2015. № 6. С. 99–103.
35. Ян Шичжан. О двойной ориентированности прагматической адаптации перевода // Журнал иностранных языков. 2018. № 3. С. 92–97.
36. Ян Шичжан. Культуропереводоведение. Пекин, 2020.
37. Ян Шичжан. О функции культурного перевода с точки зрения структуры содержания текста // Иностранные языки. 2021. № 5. С. 92–101.
38. Ян Шичжан. Переводческая адаптация как новая проблема общей теории перевода: Постановка вопроса // Журнал китайских переводчиков. 2022. № 1. С. 115–122.
39. Fang Mengzhi. A Dictionary of Translation Studies in China. Shanghai, 2011.
40. Fang Mengzhi. A Dictionary of Translation Studies. Beijing, 2019.

Yang Shizhang, Han Qian

**THE DEVELOPMENT OF PROF. V.N. KOMISSAROV'S
TRANSLATION THEORY IN CHINA**

Shanghai International Studies University, Shanghai, China; yangshizhang@shisu.edu.cn, hanqian5526@163.com

Abstract: V.N. Komissarov as a famous theoretician in the sphere of translation was introduced to his Chinese colleagues in 1984, when modern translation theory just started in China. For forty years now, his translation theories have been disseminated, adopted, and developed. V.N. Komissarov's major works, including *Questions of Translation Theory in Foreign Linguistics* (1978), *Linguistics of Translation* (1980), *Translation Theory (Linguistic Aspects)* (1990) and *Modern Translation Studies* (1999), have been reviewed in Chinese academic journals. His last monograph, *Modern Translation Studies* (2004), was translated into Chinese. Chinese translation studies introduced his theoretical ideas in the sphere of translation, such as the nature of translation, translation equivalence, translation models, translation correspondences, translation norms, translation pragmatics, textological aspects of translation studies, cultural and sociological aspects of translation studies, translation teaching methodology, etc. Certain ideas, such as pragmatic translation

adaptation, have been further developed. In general, V.N. Komissarov's theoretical viewpoints have been studied and summarized in many scientific papers and various works, which contributed to the development of Chinese translation theory. Moreover, his translation thoughts are widely used by Chinese scholars for theoretical research and the training of future translators. Some of V.N. Komissarov's views are applied to the study of the function of cultural translation, translation adaptation, the definition of translation, translation of the national style of speech and other theoretical problems. The scholar's theory of translation is most often used to address a variety of issues in translation practice. The most influential theory is undoubtedly the theory of translation equivalence. While using this theory, numerous master theses and translation reports analyze issues in both fiction and information translation, as well as problems in interpretation and audiovisual translation.

Keywords: V.N. Komissarov; theory development; translation theory; China; distribution; development; application

Funding: This research has been supported by "Chinese Fund for the Humanities and Social Sciences": "Development of Chinese Cities" (№ 19WSHB004).

For citation: Yang Shizhang, Han Qian (2023) The Development of prof. V.N. Komissarov's translation theory in China. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 177–189. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Yang Shizhang — Dr. Habil. in Philology, Professor of School of Russian and Eurasian Studies / Center for Russian Studies, Shanghai International Studies University; yangshizhang@shisu.edu.cn; *Han Qian* — PhD student of School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University; hanqian5526@163.com

REFERENCES

1. Van Czjafje. 2004. O perevode nacional'nogo stilja rechi [On the translation of the national style of speech] // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 2, pp. 41–45. (In Chinese)
2. Komissarov V.N. 1980. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of Translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)
3. Komissarov V.N. 1990. *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vysshaja shkola. (In Russ.)
4. Komissarov V.N. 1999. *Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lekcij* [Modern Translation Studies. Course of Lectures]. Moscow, JeTS. (In Russ.)
5. Komissarov V.N. 2002. *Lingvisticheskoe perevodovedenie v Rossii* [Linguistic Translation Studies in Russia]. Moscow, JeTS. (In Russ.)
6. Komissarov V.N. 2004. *Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie* [Modern Translation Studies. Textbook]. Moscow, JeTS. (In Russ.)
7. Ljao Cii. 2000. *Issledovanija sovremennoj zapadnoj teorii perevoda* [An Exploration of Contemporary Western Translation Theories]. Nanjing: Izdatel'stvo "Ilin". (In Chinese)
8. Mao Chzhivjen'. 1991. O perevodcheskoj mysli V.N. Komissarova // *Vestnik Shan'sijskogo universiteta. Filosofija i social'nye nauki*, no. 1, pp. 101–104. (In Chinese)

9. Pjao Chzhjehao. 2005. Perevodcheskaja mysl' V.N. Komissarova i ee rol' v kitajskom perevodovedenii // *Vestnik Jan'shan'skogo universiteta. Filosofija i social'nye nauki*, no. 4, pp. 79–84. (In Chinese)
10. Se Jun'caj, Chzhan Cze. 2004. Obzor teorii modeli perevoda v Rossii // *Zhurnal inostrannyh jazykov*, no. 4, pp. 84–89. (In Chinese)
11. Sun' Sin'chzhjen. 2007. Kul'turologicheskie i sociologicheskie aspekty v perevodovedenii: prosveshhenie iz perevodovedcheskih vzgljadov V.N. Komissarova // *Vestnik Jujsijskogo pedagogicheskogo instituta*, no. 6, pp. 54–56. (In Chinese)
12. U Kjeli. 2006. *Obzor sovetsko-rossijskih shkol teorii perevoda* [A Review of the Soviet-Russian Schools of Translation Theory]. Shanghai: Shanhajskoe izdatel'stvo obrazovanija inostrannyh jazykov. (In Chinese)
13. U Sjujeshan'. 1984. Recenzija na «Lingvistiku perevoda» V.N. Komissarova // *Zhurnal kitajskih perevodchikov*, no. 8, pp. 41–44. (In Chinese)
14. Han' Chzhjen'juj. 2007. O metodah opisanija processa perevoda V.N. Komissarova // *Vestnik Czilin'skogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarno-obshhestvennyye nauki*, no. 6, pp. 78–84. (In Chinese)
15. Hu Gumin. 2019. Ob jekvivalentnosti, adekvatnosti i reprezentativnosti perevoda // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 2, pp. 76–82. (In Chinese)
16. Huan Chzhunljan'. 2006. Dvutreugol'naja sistema ocenki kachestva perevoda // *Zhurnal inostrannyh jazykov*, no. 5, pp. 91–95. (In Chinese)
17. Caj I, Duan' Czinhua. 2000. *Sovetskaja teorija perevoda* [Translation Studies in USSR]. Wuhan: Hubjejskoe izdatel'stvo obrazovanija. (In Chinese)
18. Caj I. 1987. «Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike»: 12 zapadnyh lingvistov o perevode // *Prepodavanie i issledovanie inostrannyh jazykov*, no. 4, pp. 48–56. (In Chinese)
19. Caj I. 1988. Obuchenie perevodu v Sovetskom Sojuze // *Zhurnal kitajskih perevodchikov*, no. 3, pp. 47–50. (In Chinese)
20. Cjan' Cin', Chjen' Cze. 2014. O metodike obuchenija perevodu v koncepcii V.N. Komissarova // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 4, pp. 45–48. (In Chinese)
21. Chzhao Liczjun'. 2003. V.N. Komissarov o teorii perevoda v XX veke // *Kitajskij nauchno-tehnicheskij perevod*, no. 1, pp. 51–52, 30. (In Chinese)
22. Chzhu Dacju. 2002. Recenzija na «Sovremennoe perevodovedenie» // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 4, pp. 58–60. (In Chinese)
23. Chzhjen Min'juj, Yang Shizhang. 2001. Perevodcheskaja mysl' V.N. Komissarova: Recenzija na ego knigu «Sovremennoe perevodovedenie» // *Inostrannye jazyki i ih prepodavanie*, no. 4, pp. 51–53. (In Chinese)
24. Chjen' Cze, Chzhao Liczjun'. 2001. V.N. Komissarov o sovremennoj zapadnoj teorii perevoda // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 4, pp. 49–55. (In Chinese)
25. Chjen' Cze. 1999. Recenzija na «Teoriju perevoda (lingvisticheskie aspekty)» // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 4, pp. 63–65. (In Chinese)
26. Chjen' Cze. 2007. Obzor issledovanij edinicy perevoda v rusistike // *Kitajskij nauchno-tehnicheskij perevod*, no. 1, pp. 46–48. (In Chinese)
27. Chjen' Cjan', Chjen' Cze. 1999, normy perevoda V.N. Komissarova // *Shanhajskij nauchno-tehnicheskij perevod*, no. 4, pp. 61–62. (In Chinese)
28. Yang Shizhang. 2001. Ob jevolucii teorii jekvivalentnosti v sovetsko-rossijskom perevodovedenii // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 1, pp. 47–53. (In Chinese)
29. Yang Shizhang. 2003. Perevodovedcheskaja mysl' V.N. Komissarova // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 3, pp. 46–51. (In Chinese)
30. Yang Shizhang. 2004. O pragmatike perevoda V.N. Komissarova // *Russkij jazyk v Kitae*, no. 4, pp. 19–23. (In Chinese)

31. Yang Shizhang. 2006a. *Lingvisticheskoe perevodovedenie* [Linguistic Translatology]. Shanghai: Shanhajskoe izdatel'stvo obrazovanija inostrannyh jazykov. (In Chinese)
32. Yang Shizhang. 2006b. Vosem' osnovnyh oblastej lingvisticheskogo perevodovedenija Rossii // *Issledovanija inostrannyh jazykov*, no. 3, pp. 56–60. (In Chinese)
33. Yang Shizhang. 2006c. Ob issledovanii pragmatiki perevoda v Rossii // *Zhurnal inostrannyh jazykov*, no. 6, pp. 87–89. (In Chinese)
34. Yang Shizhang. 2015. Novoe opredelenie ponjatija «perevod» // *Prepodavanie inostrannyh jazykov*, no. 6, pp. 99–103. (In Chinese)
35. Yang Shizhang. 2018. O dvojnoj orientirovannosti pragmaticheskoi adaptacii perevoda // *Zhurnal inostrannyh jazykov*, no. 3, pp. 92–97. (In Chinese)
36. Yang Shizhang. 2020. *Kul'turoperevodovedenie* [Cultranslatology]. Beijing: Shan"u in'shuguan'. (In Chinese)
37. Yang Shizhang. 2021. O funkcii kul'turnogo perevoda s tochki zrenija struktury sodержanija teksta // *Inostrannye jazyki*, no. 5, pp. 92–101. (In Chinese)
38. Yang Shizhang. 2022. Perevodcheskaja adaptacija kak novaja problema obshhej teorii perevoda: Postanovka voprosa // *Zhurnal kitajskih perevodchikov*, no. 1, pp. 115–122. (In Chinese)
39. Fang Mengzhi. 2011. *A Dictionary of Translation Studies in China*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese)
40. Fang Mengzhi. 2019. *A Dictionary of Translation Studies*. Beijing: The Commercial Press. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 28.12.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 28.12.2022;
approved after reviewing 28.01.2023;
accepted for publication 20.02.2023

М.В. Михайловская

ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ИДЕОЛОГЕМ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m_mikhaylovskaya@mail.ru*

Аннотация: Идеологема является отсылкой к конкретной идеологии, существующей в контексте той или иной эпохи, и может рассматриваться как характерный элемент глобального вертикального контекста. Безусловно, идеологемы представляют определенную сложность для передачи в синхронном переводе, поскольку далеко не всегда переводчики способны правильно истолковать глобальный вертикальный контекст исходного высказывания и передать ассоциативный и коннотативный потенциал этих единиц. Настоящее исследование было проведено на материале современного американского политического дискурса, а именно публичных выступлений Д. Трампа и Дж. Байдена за период с 2018 по 2022 г. и их синхронного перевода на русский язык, осуществленного в прямом эфире медиапереводчиками «Голос Америки», международной мультимедийной новостной организацией в США. Как показал проведенный анализ, глобальный вертикальный контекст высказывания и коммуникативная прагматика ситуации перевода во многом определяют выбор дискурсивной стратегии, включающей конкретные приемы. Важно отметить, что для сохранения определенных коннотаций, соответствующей идеологической и эмоциональной окраски исходного высказывания идеологему и производные от нее словосочетания в подавляющем большинстве случаев лучше переводить с помощью равнозначного устойчивого соответствия в переводящем языке, не искажающего озвученную позицию говорящего и вписывающегося в идеологическую картину мира реципиента.

Ключевые слова: идеологема; синхронный перевод; дискурсивная стратегия; глобальный вертикальный контекст; коммуникативная прагматика; американский политический дискурс

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-15

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Михайловская Мария Валерьевна — старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, член Союза переводчиков России; m_mikhaylovskaya@mail.ru

Для цитирования: Михайловская М.В. Выбор стратегии при передаче идеологем в синхронном переводе американского политического дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 190–200.

Идеологема является отсылкой к конкретной идеологии, существующей в контексте той или иной эпохи, и может рассматриваться как характерный элемент глобального вертикального контекста [Михайловская, 2018: 173]. Вопрос о глобальном вертикальном контексте был поставлен учеными, принадлежащими к школе англистики МГУ, в середине 1980-х годов в рамках развития теории вертикального контекста. Он представляет собой дискурсивное образование, культурно-мировоззренческий контекст эпохи, включающий в себя социально обусловленные и дифференцированные морально-этические, эстетические, общественно-политические, идеологические и общекультурные знания и представления, во многом формирующие особенности стиля автора или оратора в соответствии с принятыми дискурсивными нормами и закономерностями построения письменного или устного текста конкретного типа.

Значение идеологема может быть «оторвано» от прямых значений лексических единиц, ее составляющих, поскольку идеологема, как правило, представляет собой образ или метафору. Адекватное понимание идеологема возможно только в соответствующем идеологическом контексте, который формируется в рамках определенной эпохи и общества [Михайловская, 2018:173]. Более того, Б. Пионтек исследует данную лексическую единицу «как концепт политического сознания этноязыкового сообщества» [Пионтек, 2010:87]. Таким образом, идеологема представляет собой вербализованный концепт, характеризующийся смысловой амбивалентностью, то есть обладающий метафоричностью, высокой степенью ассоциативности и двойной оценочной коннотацией, причем превалирование положительной либо отрицательной коннотации детерминировано контекстуально [Михайловская, 2021:225].

Безусловно, идеологема представляют определенную сложность для передачи в синхронном переводе, поскольку далеко не всегда переводчики способны правильно истолковать глобальный вертикальный контекст исходного высказывания и передать ассоциативный и коннотативный потенциал этих единиц. Разберем некоторые идеологема, частотные в современном американском политическом медиадискурсе, и особенности их передачи в языковой паре английский-русский на примере выступлений бывшего Президента США Дональда Трампа на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ)

в Давосе, прошедшем в 2018 и 2020 гг., общая длительность звучания которых составляет 46 минут 45 секунд.

В выступлениях Дональда Трампа в Давосе рекуррентной идеологемой оказалась *«американская мечта»*. Понятие *“American dream”*, являющееся одной из составляющих американской национальной идеи, было впервые употреблено публицистом Джеймсом Адамсом в 1931 г.: «Американская мечта — это мечта о такой земле, на которой каждый станет настолько лучше и успешнее, насколько сможет. Американская мечта — это не идея гоночных машин и высоких ставок, а такое социальное устройство, при котором каждый мужчина и каждая женщина смогут максимально близко достичь возможных высот и быть по достоинству оцененными окружающими вне зависимости от стечения обстоятельств, их места рождения и положения» [Adams, 1931:26]. Судя по определению американского политолога Уильяма Сэфайра, который к тому же был спичрайтером Президента Ричарда Никсона, американская мечта — «это та идея свобод и возможностей, на которую опирались отцы-основатели. Это дух нации... Для некоторых «американская мечта» — это в первую очередь возможность. Являясь главной движущей силой политики государства, американская мечта большинством людей воспринимается как комбинация свобод и возможностей, ориентированных на социальную справедливость» [Safire, 1993:18]. Иначе говоря, тема «американской мечты» возникла в выступлениях Дональда Трампа вполне закономерно. Синхронный перевод на русский язык осуществлялся русскоязычными медиапереводчиками «Голоса Америки», самой крупной международной мультимедийной новостной организацией в США, финансируемой американскими налогоплательщиками в рамках Агентства США по глобальным медиа.

Как видно из таблицы, для передачи идеологемы *“American dream”* переводчики использовали устойчивое соответствие *«американская мечта»*, полученное с помощью калькирования. Но нужно отметить, что в первом примере переводчик, расшифровывая суть американской мечты, совершенно неуместно употребил словосочетание *«светлое будущее»*, которое в русском языке несет определенную идеологическую нагрузку и служит своеобразной отсылкой к советскому дискурсу, компонентом которого, по сути, и является. Представляется не совсем удачным смешивать в переводе категории двух разных национальных политических дискурсов — российского и американского. Во втором случае нельзя не заметить неоправданное добавление — *«снова воцарилась в сердцах и реальности нашей жизни»*, к которому прибегнул переводчик, видимо, пытаясь развить мысль Трампа для компенсации опущенной

Передача идеологемы “American dream” в синхронном переводе

№	Выступление Д. Трампа на ВЭФ-2018	Синхронный перевод телекомпании «Голос Америки»
1	We're lifting up forgotten communities, creating exciting new opportunities, and helping every American find their path to the <i>American dream</i> . The dream of a great job, a safe home and a better life for their children	Мы возвращаем к жизни забытые сообщества, предоставляем им возможности и помогаем каждому американцу найти дорогу к <i>американской мечте</i> , хорошей работе, безопасному дому и более светлому будущему для своих детей
№	Выступление Д. Трампа на ВЭФ-2020	Синхронный перевод телекомпании «Голос Америки»
2	<i>The American Dream</i> is back — bigger, better, and stronger than ever before. No one is benefitting more than America's middle class	<i>Американская мечта</i> сильнее, больше, лучше, чем когда-либо, снова воцарилась в сердцах и реальности нашей жизни

мысли о том, что настало самое благоприятное время для среднего класса — “*no one is benefitting more than America's middle class*”. Совершенно очевидно, переводчик упустил в словах Трампа связь «*американской мечты*» с идеологизированным понятием «*средний класс*». Идеологема «*американская мечта*» неслучайно возникла в самом начале 1930-х годов, когда СССР оказывал колоссальное идеологическое влияние на весь мир своей идеологией гегемонии рабочего класса, освободившегося от класса угнетателей-капиталистов и демонстрировавшего невероятные успехи в экономике. Государственным деятелям США нужно было что-то противопоставить этой классовой теории, в результате чего на гребне идеологии общей «*американской мечты*» на первый план был выдвинут примиряющий всех «*средний класс*» как главная опора политической и экономической стабильности страны. Именно благодаря созданию идеологизированного образа среднего класса стала возможной реализация «Американской мечты», «мечты о стране, в которой не будет бедности, стране равных стартовых возможностей, где каждый может добиться успеха, конкурируя с другими, упорно трудясь, реализуя свои способности, но всем американцам будет обеспечен уровень жизни зажиточного среднего класса» [Варивончик, 2013:3]. На протяжении «холодной войны» наличие среднего класса в США и странах Запада было главным аргументом в не прекращавшихся идеологических спорах между сторонниками двух противоборствующих лагерей — капитализма и социализма. В этот период США рассматривались «как образцовая страна среднего класса, в которой он является доминирующей экономической, политической силой,

основой и носителем американской демократии» [ibid.]. Таким образом, переводчик допустил серьезную ошибку, не передав связь между «американской мечтой» и «средним классом», при этом искажив американскую картину мира и глобальный вертикальный контекст ключевых единиц, составляющих высказывание Трампа.

Для выявления потенциальных сложностей, связанных с задачей идеологом в синхронном переводе в языковой паре английский-русский, также был проанализирован синхронный перевод в прямом эфире телеканала «Голос Америки» выступлений действующего Президента США Джо Байдена на 14 пресс-конференциях 2022 г., а именно: пресс-конференциях по поводу ситуации в Украине, оказания поддержки Украине, мер в отношении России, по вопросам национальной безопасности, действий по борьбе с ростом цен на энергоресурсы, по случаю подписания протоколов о вступлении Финляндии и Швеции в НАТО, прошедших в Белом Доме 15, 18, 22, 24 февраля 2022 г., 8, 11, 16, 31 марта 2022 г., 21, 28 апреля 2022 г., 9 августа 2022 г., а также пресс-конференции по итогам экстренного саммита НАТО в Брюсселе (24 марта 2022 г.), пресс-конференции лидеров G7 в Германии (26 июня 2022 г.) и по итогам саммита НАТО в Мадриде (30 июня 2022 г.). Общая длительность звучания составляет 3 часа 36 минут.

Рассмотрение самых интересных, на наш взгляд, примеров передачи в синхронном переводе идеологически нагруженных единиц начнем с имени собственного действующего Президента РФ В. Путина, превратившегося в англоязычном политическом медиадискурсе в личностную идеологему **“Putin”**. Особенно ярко это начало проявляться в свете последних событий, происходящих в Украине. Если в выступлениях Байдена от 15 и 22 февраля еще можно обнаружить такие упоминания о российском Президенте, как **“President Putin”**, **“Vladmir Putin”**, **“Mr Putin”**, то начиная с пресс-конференции 24 февраля имя В. Путина употребляется исключительно как идеологема, за которой стоит образ не личности, руководителя государства, а всей России. В байденовском дискурсе **“Putin”** и **“Russia”** используются как взаимозаменяемые синонимы: **“Putin’s aggression” = “Russian/Russia’s aggression”**, **“Putin’s brutality” = “Russia’s brutal tactics”**, **“Putin’s war” = “Russia’s war”**, **“Putin’s war machine” = “Russian war machine”**, **“Putin’s (crumbling) economy” = “Russian economy”**, **“Putin’s kleptocracy” = “Russia’s kleptocracy”**. Также от этой идеологемы были образованы и получили широкое распространение уже ставшие устойчивыми идеологически нагруженные словосочетания **“Putin’s revenues”** («путинские доходы от продажи энергоресурсов»), **“Putin’s price hike”** («путинское

повышение цен») и **“Putin’s tax on food and gas”** («путинский налог на еду и бензин»).

Для иллюстрации вышесказанного и выявления особенностей синхронного перевода личностной идеологемы **“Putin”** и производных от нее словосочетаний проанализируем следующие примеры. Говоря о мерах в отношении России на пресс-конференции 8 марта 2022 г., Байден заявил: “This is a step that we’re taking to inflict further pain on **Putin**”. Последовал синхронный перевод: «Это шаг, который мы предпринимаем для того, чтобы еще больше навредить **российской экономике**». Пытаясь раскрыть суть личностной идеологемы в конкретном контексте и передать смысл исходного высказывания, переводчик был вынужден прибегнуть к гибриднему приему, который реализуется за счет слияния конкретизации с генерализацией, и использовал словосочетание **«российская экономика»** вместо **“Putin”**, что представляется оправданным с точки зрения коммуникативной прагматики.

На пресс-конференции 21 апреля 2022 г. Президент США подчеркнул: “Every American taxpayer, every member of our Armed Forces can be proud of the fact that our country’s generosity and the skill and service of our military helped arm and repel Russia’s aggression in Ukraine, to beat back **Putin’s savagery** that tried to seize Ukraine’s capital and wipe out Ukraine’s government”. Это высказывание было переведено синхронно: «Каждый американский налогоплательщик, каждый наш военный может гордиться тем фактом, что наша страна, щедрость нашей страны и умение наших военных, и наша военная мощь помогают отразить российскую агрессию, **эти зверства российские**, которые мы наблюдаем сейчас в Украине». В этом примере можно проследить генерализацию, благодаря которой удастся передать смысл данного фрагмента. Принимая во внимание тот факт, что синхронный перевод осуществлялся на русский язык, то есть для русскоязычного реципиента, можно предположить, что калькирование в этом конкретном случае оказалось бы контрпродуктивным, просто сбило бы с толку получателя перевода.

Следующий пример показывает своего рода тенденцию, формирующуюся в синхронном переводе, а именно передачу не столько значений лексических единиц, составляющих идеологемное словосочетание, сколько определенного идеологического вектора высказывания, вплетенного в дискурс конкретной идеологии. Представляется, что в этом и заключается основная роль идеологем в дискурсе, поскольку их конкретное значение обычно «стирается» от частого употребления. В своем выступлении 28 апреля 2022 г., комментируя реакцию США на действия России в отношении Украины, Байден отметил: “You know, long before **Russia launched its**

brutal invasion, I made clear how the United States would respond”. Синхронный перевод прозвучал следующим образом: «До *путинского вторжения* я говорил о том, как будут реагировать Соединенные Штаты». С одной стороны, переводчик решил использовать конкретизацию при помощи идеологемного словосочетания и передал “*Russia launched its brutal invasion*” как «*путинское вторжение*», для того чтобы перевод полностью отражал идеологию оратора и органично вписывался в существующую западную риторику и дискурс Байдена. С другой стороны, этот пример наглядно демонстрирует проникновение американской идеологемы “*Putin*”, сложившейся именно на Западе, в русскоязычную лингвокультуру. Получается, что переводчик «впитывает» идеологемы, функционирующие в переводимом дискурсе, и невольно становится их проводником в другую лингвокультуру.

Далее рассмотрим недавно появившееся словосочетание “*Putin’s price hike*”, которое является производной от личностной идеологемы “*Putin*”, и трудности, возникающие при его синхронном переводе на русский язык.

Таблица 2

Передача словосочетания “*Putin’s price hike*” в синхронном переводе

№	Пресс-конференция Джо Байдена 8.03.2022	Синхронный перевод телекомпании «Голос Америки»
1	I’m going to do everything I can to minimize <i>Putin’s price hike</i> here at home	В результате, я сведу, постараюсь свести к минимуму эти проблемы, которые возникнут у нас в связи с <i>действиями Путина</i>
№	Пресс-конференция Джо Байдена 31.03.2022	Синхронный перевод телекомпании «Голос Америки»
2	Today, I want to talk about one aspect of <i>Putin’s war</i> that affects and has real effects on the American people: <i>Putin’s price hike</i> that Americans and our allies are feeling <i>at the pump</i>	И сегодня я поговорю об одном аспекте <i>войны Путина</i> , которая повлияла на американский народ — <i>взлет цен на бензин</i> , который мы видим в нашей стране, это все благодаря <i>действиям Путина</i>
3	And I’m going to continue to use every tool at my disposal to protect you from <i>Putin’s price hike</i>	Я буду использовать все имеющиеся у меня рычаги для того, чтобы бороться с <i>путинской политикой</i>

Как становится ясно из вышеприведенной таблицы, это идеологически нагруженное словосочетание вызвало значительные сложности при переводе. В первом примере трудность у переводчика вызвала не идеологема “*Putin*”, а устойчивое выражение “*price hike*”, в результате, пытаясь спасти ситуацию, он прибег к генерализации.

Данное решение представляется не совсем удачным, поскольку, используя абстрактно-нейтральное словосочетание, переводчик не смог передать не только денотативную информацию, но и коннотативно-ассоциативное наполнение этого фрагмента, иными словами, была утрачена идеологическая и эмоциональная окраска исходного высказывания. В следующем примере можно обнаружить две производные от личностной идеологемы “*Putin*”, а именно “*Putin’s war*”, переданную с помощью калькирования — «*война Путина*», и “*Putin’s price hike*”, переведенную с помощью экспликации — «*взлет цен на бензин [...] это все благодаря действиям Путина*». Говоря о втором случае, нужно обратить внимание на то, что выбранный прием не вполне оправдал себя: хоть отчасти смысл и был передан, но сам перевод стал слишком многословным и растянутым. При таком подходе переводчик рискует перестать успевать за оратором, вследствие чего значительные куски исходного текста, содержащие важные смысловые элементы, могут быть упущены, что скажется на качестве перевода. В последнем примере интересующее нас идеологически нагруженное словосочетание было снова передано с помощью генерализации — «*путинская политика*». Напрашивается вывод о том, что во всех трех случаях не получилось дать адекватного перевода производной от личностной идеологемы “*Putin’s price hike*”, причина чего кроется в недостаточно хороших фоновых знаниях переводчиков и незнании глобального вертикального контекста вышеуказанных единиц. В переводах на русский язык сформировалось устойчивое соответствие этого выражения — «*путинское повышение цен*», образованное с помощью калькирования и ставшее узнаваемым благодаря широкому распространению в медийном дискурсе. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на важность постоянного наращивания фоновых знаний и осуществления адекватной подготовки к выполнению переводческого задания.

Также хотелось бы привести пример передачи в синхронном переводе идеологемы “*sovereign nation*”. Пресс-конференцию, состоявшуюся 31 марта 2022 г., Президент США начал со следующих слов: “Today, I want to talk with you about the costs here at home of Putin’s decision to brutally and savagely invade a *sovereign nation*”. Прозвучал синхронный перевод: «Сегодня я поговорю с вами о той цене, которую мы, нашей стране приходится платить за *брутальное вторжение Путина в Украину*». Как становится очевидно, идеологема “*sovereign nation*” была передана с помощью конкретизации «*Украина*». С одной стороны, данный прием кажется вполне оправданным, поскольку именно Украину Байден и имел в виду, произнося эту фразу. С другой — нужно признать, что, несмотря на то,

что смысл исходного высказывания был передан, была потеряна идеологическая окраска этого фрагмента оригинала и не в полной мере переданы интенции оратора, который хотел сделать акцент именно на том, что «вторжение» было совершено в суверенную страну. Топоним «*Украина*» в русском языке не вызывает ассоциаций с суверенной или независимой нацией, поскольку на протяжении длительного времени, согласно официальной идеологии, эта страна практически находится под внешним управлением. Таким образом, воздержавшись от использования устойчивого соответствия, образованного при помощи калькирования — «*суверенное государство*», и прибегнув к конкретизации, переводчик упустил важный акцент на суверенности Украины, принципиальный для американской идеологической позиции.

В заключение хотелось бы отметить то, что при передаче идеологем и производных от нее словосочетаний в синхронном переводе большую роль играют глобальный вертикальный контекст этих единиц и коммуникативная прагматика ситуации перевода, которая во многом определяет выбор дискурсивной стратегии, включающей конкретные приемы. Как показали вышеприведенные примеры, с одной стороны, переводчики часто прибегают к конкретизации, генерализации и, в редких случаях, к экспликации и избегают калькирования поверхностной структуры для сохранения смысла текста оригинала. С другой, для сохранения определенных коннотаций, соответствующей идеологической и эмоциональной окраски исходного высказывания идеологемное словосочетание в подавляющем большинстве случаев лучше переводить с помощью равнозначного устойчивого соответствия в переводящем языке, не искажающего озвученную позицию говорящего и вписывающегося в идеологическую картину мира реципиента. Для реализации этой задачи нужно обладать обширными фоновыми знаниями, быть осведомленным об идеологической позиции не только оратора, но и потенциальных получателей перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варивончик И.В.* «Американская мечта» сегодня: средний класс США в конце XX — начале XXI века: Монография. М., 2013.
2. *Михайловская М.В.* Устный перевод: идеологема как категория глобального вертикального контекста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 167–175.
3. *Михайловская М.В.* К вопросу о лингвистике информационно-психологической войны: идеологема как инструмент семантического манипулирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 222–232.

4. *Пионтёк Б.* Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и Польше // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 85–95.
5. *Adams J.T.* The epic of America. L., 1931.
6. *Safire W.* Safire's new political dictionary: the definitive guide to the new language of politics. N.Y., 1993.

Maria V. Mikhailovskaia

**DETERMINING THE STRATEGY FOR RENDERING
IDEOLOGICALLY-BOUND UNITS IN SIMULTANEOUS
INTERPRETATION OF THE AMERICAN POLITICAL
DISCOURSE**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
m_mikhaylovskaya@mail.ru*

Abstract: An ideologically-bound unit is a reference to a specific ideology that exists in the context of a particular epoch, and can be explored as an intrinsic element of the global vertical context. Undoubtedly, ideologemes represent a certain challenge for simultaneous interpreters who are not always able to adequately perceive the global vertical context of the source utterance and to properly convey the associative and connotative potential of these units. The present study is undertaken to pinpoint the peculiarities of the modern American political discourse, namely the public speeches of Donald Trump and Joe Biden, and their simultaneous interpretation into Russian, carried out by media interpreters of “Voice of America”, an international multimedia news network of the USA. The research is aimed at identifying and comparing interpreting strategies employed to achieve the required level of rendition appropriateness and usability. The findings further reveal that the global vertical context of the source utterance and the communicative pragmatics of the interpreter-mediated event seem to impact the choice of an interpreting strategy that encompasses specific techniques. It is noteworthy that in order to render an ideologically-bound unit and its derivatives, an interpreter is expected to use corresponding equivalents in the target language, which do not distort the speaker’s intentions and voiced position, as well as convey the communicative effect of the source utterance and fit into the recipient’s ideological picture of the world.

Key words: ideologically-bound unit; simultaneous interpreting; discursive strategy; global vertical context; communicative pragmatics; American political discourse

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Mikhailovskaia M.V. (2023) Determining the strategy for rendering ideologically-bound units in simultaneous interpretation of the American political

discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2 (26), pp. 190–200. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Mikhailovskaia — Assistant Professor at the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, a member of Russian Union of Translators; m_mikhaylovskaya@mail.ru

REFERENCES

1. Varivonchik I.V. 2013. «*Amerikanskaja mechta*» segodnja: srednij klass SShA v konce XX — nachale XXI veka: Monografija [“American dream” today: the middle class in the USA in the late 20th — early 21st century: Monograph]. M.: INFRA-M. (In Russ.)
2. Mikhailovskaia M.V. 2018. *Ustnyj perevod: ideologema kak kategorija global'nogo vertikal'nogo konteksta* [An ideologically-bound unit as a global vertical context category from the perspective of interpreting practice]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 167–175. (In Russ.)
3. Mikhailovskaia M.V. 2021. *K voprosu o lingvistike informacionno-psihologicheskoy vojny: ideologemy kak instrument semanticheskogo manipulirovanija* [Linguistics of information and psychological warfare: ideologically-bound units as an effective tool of semantic manipulation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 222–232. (In Russ.)
4. Piontek B. 2010. *Ideologema kak kljuhevaja leksicheskaja edinica obshhestvenno-politicheskogo diskursa i kak koncept obshhestvennogo soznaniya sovremennoj jazykovej lichnosti v Rossii i Pol'she* [An ideologeme as a key lexical unit of socio-political discourse and as a concept of the public consciousness of modern linguistic persona in Russia and Poland]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 85–95. (In Russ.)
5. Adams, J.T. 1931. *The epic of America*. London, Transaction Publishers.
6. Safire, W. 1993. *Safire's new political dictionary: the definitive guide to the new language of politics*. New York: Random House.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 18.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 18.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023